

ISSN 3134-6103

SocioHumanitas

Scientific Journal of Zhetysu University named after I. Zhansugurov

Social Sciences, Humanities and Arts

№1(1) 2026

Taldykorgan

КАЗАКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРАЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

І. ЖАНСУҒІРОВ атындағы ЖЕТІСУ УНИВЕРСИТЕТІНІН

SocioHumanitas

ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

Әлеуметтік, гуманитарлық ғылымдар және өнер

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

SocioHumanitas

ЖЕТЫСУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА имени И. ЖАНСУГУРОВА

Социальные и гуманитарные науки и искусство

SCIENTIFIC JOURNAL

SocioHumanitas

of ZHETYSU UNIVERSITY named after I. ZHANSUGUROV

Social Sciences, Humanities and Arts

№1(1)

Талдықорған қ., г. Талдықорған, Taldykorgan
2026

SocioHumanitas
Ғылыми журнал

2026 ж. бері шығарылады
Жылына 4 рет шығады

ISSN 3134-6103

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ

Бас редактор – заң ғылымдарының докторы, профессор **Е.А. Бурибаев**

Бас редактордың орынбасары – философия докторы (PhD) **Т.Б. Килыбаев**

Жауапты хатшы – биология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (доцент) **Б.К. Оксикбаев**

Редколлегия мүшелері:

Peter Finke – доктор, профессор (Швейцария)

Rustamjon Urinboyev – философия докторы PhD (Швеция)

Rafael Guzman Tirado – филология ғылымдарының докторы, профессор (Испания)

Юсупова Альфия Шавкетовна – филология ғылымдарының докторы, профессор (Ресей)

Каримов Нарбой Ганиевич – экономика ғылымдарының докторы, профессор (Өзбекстан)

Хамзина Жанна Амангельдиновна – заң ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

Тайторина Бинур Адамовна – заң ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

Кулсариева Ақтолқын – философия ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, профессор-зерттеуші (Қазақстан)

Байғабатова Назгуль Кажимурамовна – тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (доцент), ESCAS және тарихшылар Ассоциациясының мүшесі (Қазақстан)

Нұрмуханқызы Дания – PhD, қауымдастырылған профессор (доцент) (Қазақстан)

Шүкенай Гүлім Төлеуқызы – PhD (Қазақстан)

Редакция алқасының мекенжайы: 040009, Талдықорған қ., Жансүгіров көшесі 187А,
І.Жансүгіров атындағы Жетісу университеті,
Ғылымгерия және ғылыми кадрларды даярлау бөлімі, 310 каб.
e-mail: vestnik@zu.edu.kz, **сайт:** <https://journal.zhetysu.edu.kz/>
e-mail: sociohumanitas@zu.edu.kz, **сайт:** <https://sociohumanitas.zhetysu.edu.kz/sh>

Жауапты редактор – Баймухамбетова Қ.М.

Компьютерлік калыптаушы – Жепенова Г.М., мұкабаның дизайнері – Айдарбеков Р.А.

Басуға 30.03.2026 ж. кол қойылды. Әріп түрі «Korinna.kz, Times New Roman».

Қалыбы 60x84/8. Svetocopy қағазы.Таралымы 20 дана. Ш.м.б. 20.13.

І. Жансүгіров атындағы ЖУ Оқу-өндірістік цехында шығарылды. Тапсырыс №00605

Тапсырыс беруші файлынан басылды

SocioHumanitas
Научный журнал

Издается с 2026 года

Периодичность – 4 раза в год

ISSN 3134-6103

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – доктор юридических наук, профессор **Е.А. Бурибаев**

Зам. главного редактора – доктор философии (PhD) **Т.Б. Килыбаев**

Ответственный секретарь – кандидат биологических наук, ассоциированный профессор (доцент) **Б.К. Оксикбаев**

Peter Finke – доктор, профессор (Швейцария)

Rustamjon Urinboyev – доктор философии PhD (Швеция)

Rafael Guzman Tirado – доктор филологических наук, профессор (Испания)

Юсупова Альфия Шавкетовна – доктор филологических наук, профессор (Ресей)

Каримов Нарбой Ганиевич – доктор экономических наук, профессор (Узбекистан)

Хамзина Жанна Амангельдиновна – доктор юридических наук, профессор (Казахстан)

Тайторина Бинур Адамовна – доктор юридических наук, профессор (Казахстан)

Кулсариева Актолкын – доктор философских наук, профессор, академик НАН РК, профессор-исследователь» (Казахстан)

Байгабатова Назгуль Кажимурамовна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (доцент), член ESCAS и ассоциации историков (Казахстан)

Нұрмуханқызы Дания – PhD, ассоциированный профессор (доцент) (Казахстан)

Шүкенай Гүлім Төлеуқызы – PhD (Казахстан)

Адрес редакционной коллегии: 040009, г.Талдыкорган, ул. Жансугурова 187А, Жетысуский университет им. И. Жансугурова, Отдел наукометрии и подготовки научных кадров, каб. 310.

e-mail: sociohumanitas@zu.edu.kz, **сайт:** <https://sociohumanitas.zhetysu.edu.kz/sh>

Ответственный редактор – Баймухамбетова К.М.

Компьютерная верстка – Жепенова Г.М., дизайн обложки – Айдарбеков Р.А.

Подписано в печать 30.03.2026 г. Гарнитура «Korinna.kz, Times New Roman».

Формат 60x84/8. Бумага Svetocopy. Тираж 20 экз. Усл.п.л. 20.13

Отпечатано в Учебно-производственном цехе ЖУ им. И. Жансугурова, Заказ №00605

Распечатано с файла заказчика

SocioHumanitas
Scientific journal

Founded in 2026
Published 4 times a year

ISSN 3134-6103

EDITORIAL BOARD

Main Editor – Doctor of Legal Sciences, Professor **Ye. Buribayev**

Deputy main Editor – Doctor of Philosophy (PhD) **T. Kilybaev**

Responsible secretary – Candidate of Biological sciences, Associate Professor **B. Oxikbayev**

Editorial board members:

Peter Finke – Doctor, Professor (Switzerland)

Rustamjon Urinboyev – Doctor of Philosophy (PhD) (Sweden)

Rafael Guzman Tirado – Doctor of Philology, Professor (Spain)

Yusupova Alfiya – Doctor of Philology, Professor (Russia)

Karimov Narboy – Doctor of Economics, Professor (Uzbekistan)

Khamzina Zhanna – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan)

Taytorina Binur – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan)

Kulsariyeva Aktolkyn – Doctor of Philosophy, Professor, Academician of NAS RK, Research Professor (Kazakhstan)

Baigabatova Nazgul – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Member of ESCAS and the Association of Historians (Kazakhstan)

Nurmukhankyzy Daniya – PhD, Associate Professor (Kazakhstan)

Shukenay Gulim – PhD (Kazakhstan)

Postal address: 040009, Taldykorkan, 187A Zhansugurov str.,
Zhetysu university named after I. Zhansugurov,
Department of Scientometry and Training of Scientific Personnel, office 310.
e-mail: sociohumanitas@zu.edu.kz, **caŭm:** <https://sociohumanitas.zhetysu.edu.kz/sh>

Responsible Editor – K. Baimukhambetova

Desktop publishing – G. Zhepenova, Cover Design – R. Aidarbekov

Signed in print 30.03.2026. Typeface «Korinna.kz, Times New Roman»

Format 60x84/8. Paper SvetoCopy. Circulation 20 copies. Volume 20.13. pr.sh.

Printed in the Training and production Department of the ZhU named after I. Zhansugurov, Order No.00605

Printed from customer file.

МАЗМУНЫ СОДЕРЖАНИЕ CONTENT

<i>Абдинова Д.М., Сейсекенова М.Б.</i> АКТУАЛЬНОСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАХСТАНСКИХ ФИРМ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	6
<i>Ахмарова С.Ф., Сейсекенова М.Б.</i> АКТУАЛЬНОСТЬ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА РАЗВИТИЕ БИЗНЕСА В КАЗАХСТАНЕ	18
<i>Eraliev Sh. Turgambekova Z, Nurmukhankyzy D.</i> THE IMPACT OF MIGRATION PROCESSES ON THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE AND RURAL AREAS	27
<i>Khamzina Zh.</i> EVOLUTION OF THE ADMINISTRATIVE LIABILITY REGIME IN KAZAKHSTAN'S GAMBLING SECTOR	37
<i>Klymchuk V., Tapalova O., Zhaparov E.</i> PSYCHOLOGICAL ASSESSMENT OF SCHOOL MALADJUSTMENT AND THE IMPACT OF DIAGNOSTIC ARTIFACTS ON WELL-BEING EVALUATION	54
<i>Крупельницкая Л.Ф., Жиенбаева Н.Б., Суюндыкова Н.М.</i> РЕФЛЕКСИВНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ НАРУШЕНИЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ	65
<i>Мухамеджанов О.З.</i> ОМБУДСМАН РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: ПРАВОВОЙ СТАТУС, НОВАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКА ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ	79
<i>Seriev B., Shamsidinov Z. Z., Taubayev B.</i> LEGAL REGULATION OF LUDOMANIA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND FOREIGN COUNTRIES	87
<i>Серикжанова А.С., Нуртазина Р.А., Ланко Д.А.</i> ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ГРАЖДАН КАК ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ	97
<i>Тайторина Б.А.</i> КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ ФАКТОРОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	111
<i>Urinboyev R., Kaldiyarov D., Shawulieti M., Maerdan B.</i> ESG AND ENERGY STRUCTURE TRANSITION: A STRUCTURED REVIEW OF RECENT ACADEMIC LITERATURE	122

АКТУАЛЬНОСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАХСТАНСКИХ ФИРМ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Абдинова Д.М. *, Сейсекенова М.Б.

Жетысуский университет имени И. Жансугурова, Республика Казахстан, г. Талдыкорган
*e-mail: abdi.d93@mail.ru, m.Seisekenova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли и значения стратегического планирования для предприятий Казахстана в условиях глобальной экономической турбулентности, цифровизации экономики и активных интеграционных процессов. В работе рассматриваются ключевые факторы, усиливающие необходимость долгосрочного стратегического планирования, включая стремление Республики Казахстан войти в число 30 наиболее развитых стран мира, реализацию национальной программы «Цифровой Казахстан» и стратегических концепций развития до 2029 года. Объектом исследования выступают предприятия различных отраслей Казахстана, а для сбора и анализа информации использовались анкетное обследование и корреляционно-регрессионный анализ факторов, влияющих на эффективность стратегического планирования и общую результативность бизнеса.

В статье выявлены основные проблемы, препятствующие эффективному использованию стратегических инструментов, включая недостаточную подготовку специалистов, отсутствие специализированных структур, несогласованность процессов разработки и реализации стратегических программ, ошибки в управленческих решениях и отсутствие взаимосвязи между целями и критериями оценки стратегических решений. На основе анализа полученных данных предложены пути совершенствования процесса стратегического планирования, направленные на повышение уровня реализации стратегического управления, конкурентоспособности и устойчивого развития предприятий. Практическая значимость работы заключается в возможности использования предложенных рекомендаций для принятия эффективных управленческих решений и повышения результативности бизнеса в современных условиях.

Ключевые слова: стратегическое планирование, стратегическое управление, предприятия Казахстана, глобальная экономическая турбулентность, цифровизация экономики, концепция развития до 2029 года.

Введение

В современных условиях успешность бизнеса в значительной степени определяется использованием эффективных методов, форм и инструментов управления компаниями. Деятельность предприятий зависит от множества факторов, обуславливающих их экономическую устойчивость и долгосрочное развитие. При этом ключевым фактором результативной работы выступают элементы стратегического анализа, планирования и реализации в системе управления, а также способность компании адаптироваться к изменениям внешней и внутренней среды. Именно грамотное применение стратегических инструментов и программ, а также последовательная реализация стратегий обеспечивают конкурентоспособность предприятий, эффективность использования их коммерческого потенциала и общую результативность деятельности [1].

Стратегическое планирование является важным инструментом управления, заимствованным из практики развитых стран и получившим широкое распространение в бизнес-среде. Вместе с тем ряд авторов указывает на наличие существенных недостатков в управлении компаниями, связанных с ограниченным использованием стратегических инструментов. Проведённые исследования подтверждают значимость стратегического управления для бизнеса Казахстана, а также выявляют проблемы, препятствующие эффективному применению стратегических моделей в деятельности предприятий.

Целью данного исследования является выявление факторов, сдерживающих использование стратегических моделей в практической деятельности предприятий, а также определение направлений совершенствования процесса стратегического планирования

бизнеса. В этой связи особую актуальность приобретает анализ существующих проблем и разработка мер по их устранению с учётом специфики ведения бизнеса в Казахстане.

Практическая значимость исследования заключается в возможности повышения уровня реализации стратегического управления на предприятиях. Полученные результаты позволят компаниям принимать более обоснованные и эффективные управленческие решения, направленные на достижение стратегических целей и обеспечение устойчивого развития.

Экономика Казахстана на современном этапе характеризуется структурной перестройкой, переходом от сырьевой модели развития к инновационно-индустриальной. В этих условиях перед отечественными фирмами встает дилемма: продолжать функционировать в режиме оперативного реагирования на изменения рынка или выстраивать системное стратегическое планирование. Теоретические основы стратегического менеджмента подробно раскрыты в работах зарубежных и отечественных авторов [2,3,4]. Однако их адаптация к казахстанской специфике требует дополнительного анализа.

Актуальность стратегического планирования для казахстанского бизнеса сегодня продиктована не столько западными управленческими стандартами, сколько объективными реалиями — вступлением в ВТО, усилением конкуренции в рамках ЕАЭС, а также необходимостью диверсификации экономики, обозначенной в Посланиях Президента РК [5].

Целью данной работы является анализ теоретических и практических аспектов стратегического планирования деятельности фирмы в условиях современной экономики Казахстана, а также выявление перспективных направлений его совершенствования.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. Раскрыть сущность и этапы стратегического планирования как инструмента управления фирмой.
2. Изучить современные методы и подходы к разработке стратегии.
3. Провести анализ факторов внешней и внутренней среды, влияющих на стратегическое планирование в казахстанских компаниях.
4. Выявить основные проблемы и барьеры внедрения стратегического планирования в отечественную практику.
5. Определить пути повышения эффективности стратегического планирования в условиях интеграции Казахстана в мировую экономику.

Объектом исследования выступает деятельность современных казахстанских фирм в условиях структурной перестройки экономики и усиления конкуренции.

Предметом исследования является совокупность теоретических, методологических и практических проблем, связанных с формированием и реализацией стратегических планов на уровне фирмы.

Теоретической и методологической основой исследования послужили фундаментальные труды зарубежных и отечественных ученых в области стратегического менеджмента, теории фирмы и отраслевых рынков. В процессе работы были использованы такие методы научного познания, как анализ и синтез, системный подход, сравнительный анализ, методы экспертных оценок, а также анализ статистических данных и нормативно-правовых актов Республики Казахстан.

Информационную базу исследования составили данные Агентства РК по статистике, аналитические обзоры, публикации в периодической печати, материалы научно-практических конференций, а также официальные интернет-ресурсы и данные годовых отчетов казахстанских предприятий.

Современный этап развития экономики Казахстана характеризуется структурной трансформацией, усилением глобальной конкуренции, цифровизацией хозяйственных процессов и высокой степенью внешнеэкономической неопределенности. Волатильность сырьевых рынков, изменение логистических маршрутов, интеграционные процессы и институциональные реформы формируют новую экономическую реальность, в которой функционируют казахстанские фирмы.

Казахстан, являясь участником Всемирная торговая организация и Евразийский экономический союз, включён в глобальные производственные и торговые цепочки. С одной стороны, это расширяет экспортные возможности и доступ к рынкам, с другой — усиливает конкурентное давление на национальные компании. В условиях открытой экономики фирмы сталкиваются с необходимостью соответствовать международным стандартам качества, управленческой эффективности и инновационного развития [6].

Дополнительным фактором трансформации выступает реализация государственных программ инфраструктурного и индустриального развития, включая программу «Нұрлы жол», а также инициатив по цифровизации экономики. Эти процессы создают новые возможности для бизнеса, однако требуют от компаний системного анализа внешней среды, оценки рисков и долгосрочного планирования.

В условиях нестабильности макроэкономических параметров, ограниченности финансовых ресурсов, технологического отставания отдельных отраслей и сохраняющейся сырьевой ориентации экономики стратегическое планирование приобретает особую значимость. Оно становится не формальным элементом корпоративного управления, а ключевым инструментом обеспечения устойчивости, конкурентоспособности и адаптивности фирм к изменяющейся среде.

Актуальность исследования обусловлена тем, что многие казахстанские компании продолжают использовать преимущественно краткосрочный, реактивный подход к управлению, что снижает их способность к долгосрочному развитию и формированию устойчивых конкурентных преимуществ. В новых экономических условиях стратегическое планирование должно рассматриваться как основа эффективного распределения ресурсов, управления рисками и формирования инновационного потенциала.

Целью исследования является обоснование значимости стратегического планирования в деятельности казахстанских фирм в условиях новой экономической реальности.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- раскрыть теоретические основы стратегического планирования;
- проанализировать макроэкономические условия функционирования бизнеса в Казахстане;
- выявить проблемы внедрения стратегических инструментов в отечественных компаниях;
- определить направления совершенствования стратегического управления.

Практическая значимость работы заключается в формировании рекомендаций по повышению эффективности стратегического управления в казахстанских фирмах с учетом современных экономических вызовов [7].

В условиях макроэкономической нестабильности экономики страны, роль стратегического планирования в деятельности предприятий возрастает. Казахстан, будучи частью мировой экономики, подвержен влиянию внешних шоков: волатильность цен на нефть и металлы, колебания курса тенге, изменение логистических маршрутов. В этих условиях фирмы, имеющие четкий стратегический план, демонстрируют более высокую стрессоустойчивость и выживаемость.

Примеры отраслевых стратегий демонстрируют эффективность долгосрочного подхода:

- Энергетика: компании, инвестирующие в возобновляемые источники энергии, диверсифицируют доходы и снижают зависимость от колебаний мировых цен на нефть.
- Обработывающая промышленность: предприятия, включившие в стратегию экспортные рынки и хеджирование валютных рисков, минимизировали убытки во время девальваций.
- Агросектор: внедрение цифровых систем управления урожайностью, автоматизированных логистических цепочек и льготное финансирование через Аграрную кредитную корпорацию повысило производительность и устойчивость.
- Финтех и IT-сектор: активное внедрение Big Data, CRM и облачных платформ позволяет быстро адаптироваться к изменениям клиентских предпочтений.

Новая экономическая реальность в Казахстане (2024–2025 гг.) характеризуется высокой волатильностью макросреды: инфляция на уровне 9,5%, базовая ставка 14,5%, переход от госпрограмм к Национальному плану развития до 2029 года, а также кардинальная перестройка налогового законодательства. В этих условиях перед казахстанскими фирмами стоит дилемма: либо сохранять операционное «выживание» без четкого вектора, либо переходить к системному стратегическому планированию.

Ранее, в периоды девальвации тенге (2015, 2020, 2023–2024 гг.) предприятия обрабатывающей промышленности, заблаговременно заложившие в стратегию политику хеджирования валютных рисков и диверсификации экспортных поставок (в Китай, страны Центральной Азии и ЕС), понесли минимальные потери по сравнению с компаниями, не имевшими долгосрочной финансовой стратегии.

Стратегическое планирование перестало быть инструментом роста и превратилось в инструмент выживания и сохранения независимости бизнеса [8].

Уникальность казахстанской экономической модели заключается в высокой роли государства в стратегическом целеполагании. Государственная политика как драйвер стратегирования всей деятельности предприятия, способствует повышению его стабильности. Программные документы, такие как «Стратегия Казахстан-2050», концепция развития обрабатывающей промышленности и Национальный проект по развитию предпринимательства, задают четкие векторы развития [9].

Для казахстанской фирмы игнорирование государственных стратегий означает потерю конкурентных преимуществ, поскольку государственные программы формируют ключевые институциональные и финансовые условия для развития бизнеса. Рассмотрим основные направления:

- Доступ к инструментам институтов развития, таких как KAZAKH INVEST, обеспечивает сопровождение инвестиционных проектов на всех стадиях — регистрация, лицензирование, получение разрешений, что способствует поиску иностранных партнеров и инвесторов, информационно-аналитической поддержке, консультациям по отраслевым приоритетам и помощи в получении льгот и субсидий, что ускоряет реализацию проектов, повышает инвестиционную привлекательность и снижает бюрократические риски, тогда как игнорирование этих возможностей ведет к отсутствию институциональной поддержки, снижению шансов на финансирование и увеличению времени и затрат на согласования;

- Аграрная кредитная корпорация предоставляет льготное кредитование сельхозпроизводителей и агробизнеса, инвестиционные займы и лизинговые программы, финансирование сезонных и капитальных работ, что снижает стоимость капитала, обеспечивает доступ к специализированным финансовым продуктам и повышает конкурентоспособность продукции, тогда как несинхронизация ведет к высокой стоимости коммерческих кредитов, ограниченным возможностям расширения и модернизации и снижению финансовой устойчивости;

- Фонд развития предпринимательства «Даму» субсидирует процентные ставки по кредитам, гарантирует кредиты для МСБ, предоставляет грантовое финансирование и обучающие программы, что дает доступ к льготным финансовым инструментам, снижает кредитную нагрузку и риски, обеспечивает поддержку в кризисные периоды, тогда как игнорирование этих возможностей приводит к потере финансирования на льготных условиях, замедленному развитию и утрате конкурентного преимущества в сегменте МСБ;

- Участие в программах форсированного индустриально-инновационного развития (ФИИР) способствует диверсификации экономики, развитию обрабатывающей промышленности и инновационных производств, росту экспорта несырьевых товаров и повышению технологичности предприятий, предоставляя доступ к льготной инфраструктуре, государственным заказам, возможности модернизации производственных процессов и росту экспортного потенциала, тогда как игнорирование программ ограничивает участие в индустриальных кластерах, доступ к госзаказам и инфраструктурным льготам и

замедляет развитие компании; государство предоставляет инвестиционные субсидии и налоговые преференции, включая освобождение от корпоративного подоходного налога, земельного и имущественного налогов, таможенные льготы и компенсации капитальных затрат, что снижает инвестиционную нагрузку, ускоряет окупаемость проектов, повышает рентабельность и привлекательность для инвесторов, тогда как несинхронизация приводит к росту себестоимости, длительной окупаемости и снижению инвестиционной привлекательности; актуальность стратегического планирования на микроуровне показывает, что эффективность напрямую зависит от синхронизации корпоративной стратегии с национальными приоритетами РК, а интеграция дает финансовую выгоду, конкурентные преимущества, стратегическую стабильность и повышает инвестиционную привлекательность, однако создает зависимость от изменений государственной политики, бюрократическую нагрузку и потенциальное ограничение гибкости бизнеса, оптимальная стратегия — сбалансированный подход, учитывающий государственные приоритеты при сохранении рыночной ориентации и инновационной независимости.

Новым направлением в экономике является ее цифровизация, через «Индустрия 4.0» и стратегию фирмы. Программа «Цифровой Казахстан» изменила ландшафт конкуренции. Актуальность стратегического планирования сегодня заключается в необходимости интеграции цифровых технологий в долгосрочную бизнес-модель. Казахстанские фирмы сталкиваются с вызовом: просто автоматизировать бухгалтерию уже недостаточно. Конкурентное преимущество получают компании, внедряющие:

- Промышленный интернет вещей (горнорудная отрасль, энергетика);
- Big Data для анализа потребительского поведения (ритейл, FinTech);
- CRM-системы стратегического уровня.

Без стратегического ИТ-плана казахстанские компании рискуют превратиться в «цифровых аутсайдеров», уступая рынок транснациональным корпорациям и крупному евразийскому бизнесу.

Современное состояние стратегического планирования в Казахстане можно охарактеризовать как **институциональный разрыв**.

С одной стороны, на государственном уровне декларируется переход к новой экономической модели. Эксперты Института экономических исследований отмечают необходимость «переосмысления подходов к стратегическому планированию» и формирования «позитивного образа будущего». Со стороны бизнес-среды наблюдается запрос на аналитику: НПП «Атамекен» в 2025 году презентовала «Цифровую карту бизнеса» (ЦКБ) — инструмент, позволяющий предпринимателям отслеживать спрос, меры поддержки и инвестиционные ниши [10].

Однако на микроуровне картина иная. Финансовый аналитик Кусаинов А. констатирует: «Вся система госпланирования заведомо нерабочая. ...Принятие очередного циркуляра абсолютно ничего не означает».

Эта инерция транслируется и на корпоративный сектор. Многие казахстанские фирмы путают стратегическое планирование с финансовым бюджетированием. План часто существует «для инвестора» или «для банка», а не как система управления.

Ключевые проблемы текущего этапа развития предприятий мы видим в следующем:

1. Фрагментация данных. Отсутствие единой операционной модели приводит к тому, что до 20–30% эффективности «съедается» ручным трудом и несогласованностью отделов.
2. Устаревшие методики планирования. Преобладание интуитивного подхода или использование только базового SWOT без каскадирования целей на уровни подразделений [11].
3. Реактивность вместо проактивности. Бизнес реагирует на шоки (рост курса валют, изменение НДС), а не управляет рисками на опережение.

В условиях новой реальности стратегическое планирование перестает быть «роскошью» и превращается в операционную необходимость. Как справедливо отмечает

Асель Темиргалиева (CFO KPMG), «стратегическая устойчивость сегодня строится не вокруг амбиций, а вокруг операционной архитектуры» [12]. Стратегия позволяет перевести компанию из состояния «черного ящика» в прозрачную систему, где каждый процесс измерим.

Новые инструменты, такие как «Цифровая карта бизнеса», дают данные для планирования. Однако, как подчеркивают в «Атамекен», информация позволяет бизнесу «планировать развитие, находить новые ниши и эффективнее выстраивать стратегию» только при наличии у фирмы навыков стратегической аналитики [13]. Без стратегии данные превращаются в информационный шум.

Практика показывает: внедрение целевой операционной модели (ТОМ) и финансового бизнес-партнерства (FBP) снижает долю ручных операций на 43% и ускоряет запуск проектов на 36%.

Стратегический сценарный анализ (pessimistic/realistic/optimistic), интегрированный в бизнес-модель, позволяет нивелировать такие угрозы, как рост инфляции и удорожание кредитов. Это особенно актуально в условиях, когда макроэкономический фон остается турбулентным [14].

Учет ESG-факторов в стратегии — уже не рекомендация, а «допуск к глобальным инвестициям». Казахстанские экспортеры и предприятия, ориентированные на партнерство с транснациональными корпорациями, без включения этих метрик в стратегию теряют конкурентоспособность.

По таблице 1, через сравнительный анализ сопоставим различия между подходами и их применимости в казахстанских реалиях.

Таблица 1 - Сравнение фреймворков стратегического планирования применительно к задачам казахстанских фирм [8].

Инструмент	Основное назначение	Применимость в РК (2025)	Ограничения
SWOT-анализ	Диагностика сильных/слабых сторон и рыночных возможностей	Высокая. Базовый «нулевой» этап для стартапов и МСБ	Субъективизм, отсутствие механизмов реализации
Система сбалансированных показателей (BSC)	Каскадирование стратегии от финансов до обучения персонала	Средняя. Подходит для среднего и крупного бизнеса	Сложность внедрения без цифровой инфраструктуры
Целевая операционная модель (ТОМ)	Архитектура управляемости и процессов	Высокая для B2B и масштабируемых сервисов	Требует вовлеченности топ-менеджмента
Бюджетирование (традиционное)	Контроль затрат	Низкая (как единственный инструмент)	Не отвечает на вопрос «куда расти»

Выбор методики зависит от зрелости компании. Однако ключевые направления 2025 и 2026 года — это движение от разрозненных инструментов к интегрированным системам (ERP, BI-платформы), которые позволяют верифицировать стратегию цифровыми данными.

Для более глубокого понимания экономического эффекта от внедрения стратегического подхода по таблице 2, рассмотрим усредненные показатели гипотетической казахстанской компании сферы услуг, переходящей от реактивного управления к проактивному стратегическому планированию.

Таблица 2 - Изменение ключевых показателей при внедрении стратегического планирования (усредненная модель) [7,8].

Показатель	До внедрения стратегии	Через 12-18 месяцев стратегического управления	Изменение
Доля ручных операций в управленческом учете	60-70%	30-40%	↓ 40-50%
Скорость принятия решений (цикл «анализ-действие»)	2-3 недели	3-5 дней	↑ 300%
Использование мер господдержки	Эпизодическое	Системное (налоговые льготы, гранты)	Рост эффективности
Прогнозирование кассовых разрывов	Отсутствует	Сценарное моделирование	Снижение риска банкротства

Данная таблица демонстрирует, что стратегия дает не абстрактные «конкурентные преимущества», а вполне конкретные измеримые результаты: **скорость, прозрачность и контроль.**

Актуальность стратегического планирования для казахстанских фирм в новой экономической реальности определяется тремя фундаментальными сдвигами.

Первый сдвиг — информационный. Благодаря цифровизации государства и появлению платформ типа «Цифровая карта бизнеса» у компаний впервые появился доступ к качественной рыночной аналитике в реальном времени [4]. Но этот ресурс бесполезен без стратегической культуры его переработки.

Второй сдвиг — операционный. Новая реальность — это «десятилетие операционной конкуренции» [7]. Выигрывают не те, кто больше тратит на маркетинг, а те, кто способен быстро и без потерь масштабировать проверенную бизнес-модель.

Третий сдвиг — институциональный. Несмотря на критику системы госпланирования [6], государство продолжает выстраивать долгосрочные ориентиры (Национальный план до 2029 года). Бизнес, игнорирующий эти ориентиры, лишает себя «ветра в парусах».

Таким образом, стратегическое планирование в Казахстане перестает быть функцией отдела развития и становится компетенцией выживания. Как показывает практика, в турбулентные периоды компании с формализованной стратегией не только реже уходят с рынка, но и выходят из кризиса сильнее, чем были до него [7].

Стратегическое планирование из абстрактного управленческого инструмента превращается в критически важное условие выживания для казахстанских компаний. Это подтверждается не только теоретическими постулатами, но и эмпирическими данными последних лет. Анализ показывает, что в условиях новой экономической реальности, характеризующейся высокой волатильностью, разрыв между компаниями, имеющими долгосрочную стратегию, и теми, кто работает «по ситуации», стремительно увеличивается [2].

Ключевым фактором, подтверждающим эту тенденцию, является прямая связь между стратегической ориентацией менеджмента и финансовыми результатами. Исследование, проведенное среди зерновых компаний Казахстана (N=127) за период 2014-2024 гг., выявило статистически значимую зависимость: увеличение срока работы руководителя на своей должности (управленческий стаж) напрямую коррелирует с более высокими темпами роста налоговых выплат предприятия ($\beta = 0.113$, $p = 0.023$). Это позволяет сделать важный вывод: руководители с длительным опытом работы в одной компании с большей вероятностью ориентированы на стратегический рост, а не на извлечение краткосрочной выгоды. Накопленные компетенции в области стратегического мышления позволяют им более эффективно выстраивать долгосрочные планы и реализовывать их, что в конечном итоге конвертируется в устойчивое развитие бизнеса [1, 2].

В то же время, масштабное исследование малого и среднего бизнеса (опрос 1011 руководителей) выявило серьезное противоречие. Хотя руководители казахстанских МСБ демонстрируют компетентность в операционном управлении проектами, они пока не способны обеспечить быстрый рост и выход своих предприятий на более высокий уровень деловой активности. Это указывает на наличие "стратегического разрыва": тактическая грамотность не подкрепляется видением долгосрочного развития, что сдерживает потенциал роста всего сектора МСБ, являющегося основой диверсифицированной экономики.

Отраслевая специфика и барьеры реализации стратегий. Актуальность стратегического планирования приобретает особую остроту в отраслях, где Казахстан проводит политику ускоренной модернизации и импортозамещения. Примером может служить автомобилестроение, где перед новыми игроками (например, сборочными производствами китайских брендов) стоит сложная задача интеграции в национальную стратегию развития отрасли. Исследования показывают, что успех здесь зависит не просто от наличия бизнес-плана, а от способности компании вписаться в долгосрочную промышленную политику государства. Это требует от менеджмента умения планировать развитие с учетом таких специфических для Казахстана факторов, как оценка целесообразности локализации компонентов, которая часто затруднена из-за дефицита профильных знаний и анализа рынка. Таким образом, стратегия фирмы на микроуровне должна быть синхронизирована с отраслевыми стратегиями на макроуровне.

Однако на пути реализации даже самых продуманных стратегий возникают системные барьеры, связанные с особенностями ведения бизнеса в Казахстане. Анализ деятельности иностранных и совместных предприятий, а также данных Американской торговой палаты, позволяет выделить следующие ключевые препятствия:

1. Нестабильность законодательной среды. Частые и непредсказуемые изменения нормативно-правовой базы делают долгосрочное планирование крайне рискованным. Это особенно критично для проектов в обрабатывающей промышленности, где сроки выхода на проектную мощность могут достигать 5 лет, а инвесторы не могут быть уверены в неизменности "правил игры".

2. Высокая стоимость и низкая конкурентоспособность локального производства. Стратегии, направленные на увеличение доли местного содержания, сталкиваются с экономической реальностью: производить в Казахстане часто дороже, чем импортировать. Существующие меры господдержки не всегда компенсируют эту разницу, что подрывает экономическую эффективность стратегий, ориентированных на локализацию.

3. Культурные и управленческие особенности. Реализация стратегий часто наталкивается на специфику деловой культуры. Как показывает практика международных компаний, в Казахстане сохраняется высокая роль личных и семейных связей при принятии решений, а также менее формализованный подход к соблюдению сроков. Это требует от стратегического планирования большей гибкости и учета человеческого фактора, который иногда превалирует над формальными процедурами.

4. Разрыв между стратегией и исполнением. Даже при наличии амбициозных планов, компании сталкиваются с проблемой их имплементации. Кейс металлургической компании в Казахстане демонстрирует, что слабость проектного управления становится "узким горлышком" при реализации стратегии. Недостаточная структурированность процессов, отсутствие четкого контроля и прозрачности приводят к тому, что стратегические цели остаются нереализованными.

Пути совершенствования стратегического планирования. Преодоление выявленных проблем требует комплексного подхода, адаптирующего классические инструменты стратегического менеджмента к казахстанским реалиям.

Во-первых, необходима интеграция современных концепций устойчивого развития в стратегические планы компаний. Внедрение ESG-принципов (экологических, социальных и управленческих стандартов) перестает быть просто модным трендом, а

становится фактором долгосрочной конкурентоспособности, особенно для экспортно-ориентированных предприятий. Регрессионный анализ влияния ESG-факторов на эффективность казахстанских предприятий подтверждает необходимость их учета при стратегическом планировании для повышения инвестиционной привлекательности и управления рисками [4].

Во-вторых, критически важно развивать компетенции в области стратегического мышления у руководителей всех уровней. Результаты исследований убедительно доказывают: сохранение преемственности в управлении и долгосрочное развитие управленческих команд приносит ощутимую финансовую отдачу. Это ставит задачу перед самими компаниями и бизнес-образованием: необходимо не просто обучать инструментарии стратегического анализа (SWOT, PEST, БКГ), но и формировать системное стратегическое мышление, способность видеть бизнес в долгосрочной перспективе и в контексте глобальных трендов.

В-третьих, стратегическое планирование должно стать более гибким и сценарным. В условиях макроэкономической турбулентности, когда точность прогнозов снижается, компании должны переходить от жестких пятилетних планов к разработке нескольких сценариев развития (оптимистичного, пессимистичного, наиболее вероятного). Это позволит быстрее адаптироваться к изменениям курса тенге, цен на сырье или логистическим сбоям. Как показывает опыт туристической отрасли (например, курортной зоны Бурабай), эффективность стратегического планирования напрямую зависит от согласованности целей на всех уровнях — от республиканского до уровня конкретного бизнеса, и от внедрения систем оценки реализации стратегий.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает, что в новой экономической реальности стратегическое планирование для казахстанских фирм переходит из разряда "опциональных" инструментов в разряд "критически необходимых". В условиях глобальной нестабильности, интеграционных процессов (ЕАЭС, ВТО) и внутренней структурной перестройки экономики, наличие продуманной стратегии становится главным фактором устойчивости и конкурентоспособности бизнеса.

Однако простое копирование западных моделей без учета локальной специфики неэффективно. Казахские компании сталкиваются с уникальным набором барьеров: нестабильность регуляторной среды, высокие издержки локализации, особенности деловой культуры и разрыв между стратегическими амбициями и операционным исполнением. Преодоление этих барьеров возможно только через синтез лучших мировых практик (включая ESG-подходы и сценарное планирование) и глубокого понимания местных реалий. Ключевым ресурсом здесь становятся управленческие кадры, способные мыслить стратегически и последовательно реализовывать долгосрочные планы, адаптируя их к быстро меняющимся условиям. Именно такие компании сформируют основу конкурентоспособной и диверсифицированной экономики Казахстана в ближайшие десятилетия.

Исследование показало, что современный бизнес должен непрерывно искать новые подходы к совершенствованию и обновлению своей деятельности, и ключевую роль в этом играет реализация стратегических программ. Важным условием успеха является удержание технологического и инновационного лидерства, постоянное снижение издержек, увеличение доходов и прибыли. Эффективное управление предполагает также меры по расширению ассортимента услуг и продукции, повышению их качества и конкурентоспособности.

Современный руководитель должен обладать стратегическим мышлением, которое формируется через эффективную систему обучения и практическую подготовку. Руководители получают необходимые навыки для стратегического развития, что позволяет компании оперативно адаптироваться к изменениям рынка и укреплять свои позиции.

Для предприятий непрерывный поиск возможностей совершенствования и обновления бизнес-процессов является приоритетом. Стратегические задачи компаний включают обеспечение стабильного роста, высокое качество обслуживания клиентов, формирование репутации надёжного и эффективного предприятия, расширение ассортимента услуг, внедрение инноваций в оборудование, маркетинг, организацию обслуживания и технологические процессы.

Создание организационных возможностей является основой устойчивого конкурентного преимущества. Главные стратегические преимущества могут относиться к различным ключевым сферам деятельности предприятия. Среди них выделяются:

1. Высокий производственный потенциал.
2. Квалифицированные и опытные кадры.
3. Значительный опыт продвижения на рынке.
4. Развитые партнёрские отношения с поставщиками оборудования.
5. Способность быстро реагировать на изменения рыночной ситуации.

Эти факторы в совокупности позволяют предприятиям не только поддерживать конкурентоспособность, но и формировать долгосрочные преимущества на рынке.

Таким образом, мы видим, что актуальность стратегического планирования в экономике казахстанской фирмы сегодня не просто высока — она является условием экономической безопасности.

Ключевыми тезисами в экономике предприятий РК являются:

1. **Интеграция с госпрограммами.** Стратегия фирмы должна быть «встроена» в национальные проекты РК для доступа к ресурсам и мерам поддержки [3].

2. **Экспортная ориентированность.** Без стратегии невозможен выход на рынки ЕАЭС и Китая, так как эти рынки требуют масштабирования производства и международной сертификации.

3. **Адаптивность.** Современное стратегическое планирование в Казахстане отказывается от жестких 10-летних планов в пользу сценарного подхода с горизонтом 3–5 лет и ежегодной корректировкой тактики [7].

4. **Цифровой суверенитет.** Стратегия позволяет фирме перейти от закупки зарубежного ПО к разработке собственных решений или адаптации open-source-продуктов.

Таким образом, в условиях новой экономической реальности Казахстана побеждает не тот, кто быстрее реагирует, а тот, кто заранее спрогнозировал траекторию развития отрасли и подготовил ресурсы для рывка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афиногенов Д.А., Кочемасова Е.Ю., Сильвестров С.Н. Стратегическое планирование: проблемы и решения // Мир новой экономики. – 2019. – Т. 13, № 2. – С. 23–31.
2. Рахимбекова Г.Ж., Шаяхметова Л.М. Разработка и системный анализ бизнес-модели нового предприятия // Экономика и бизнес. – 2025. – № 1. – С. 1–10.
3. Козюбро Т.И. Методические подходы к стратегическому планированию // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 5. – С. 575–578.
4. Институт экономических исследований Республики Казахстан. Экономическая модернизация Казахстана и региональный рост: материалы панельной дискуссии. – Астана, 2025.
5. Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен». Цифровая карта бизнеса. – Астана, 2025.
6. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Социально-экономическое развитие Республики Казахстан за 2024–2025 гг. – Астана, 2025.
7. Темиргалиева А. Как построить компанию, которая выигрывает не в Excel, а в реальном мире? // Kapital.kz. – 2025. – 1 июня.
8. BSC Designer. Модели и фреймворки стратегического планирования [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://bscdesigner.com>
9. Кусаинов А. Ключ с правом передачи // Аргументы и факты Казахстан. – 2025. – 11 ноября.
10. World Bank. Kazakhstan Economic Update. – Washington, 2024.
11. OECD. ESG and Corporate Governance in Emerging Markets. – Paris: OECD Publishing, 2023.
12. Thompson A.A., Strickland A.J. Strategic Management: Concepts and Cases. – New York: McGraw-Hill, 2022.

13. Porter M.E. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. – New York: Free Press, 2008.
14. McKinsey & Company. Strategy and Corporate Finance Report. – 2024.
15. Deloitte. Global Strategic Planning Trends. – 2025.

REFERENCES:

1. Afinogenov D.A., Kochemasova E.Yu., Silvestrov S.N. (2019). Strategicheskoe planirovanie: problemy i resheniya [Strategic planning: problems and solutions]. Mir novoi ekonomiki, vol. 13, no. 2, pp. 23–31. (in Russian)
2. Rakhimbekova G.Zh., Shayakhmetova L.M. (2025). Razrabotka i sistemnyi analiz biznes-modeli novogo predpriyatiya [Development and system analysis of a new enterprise business model]. Ekonomika i biznes, no. 1, pp. 1–10. (in Russian)
3. Kozyubro T.I. (2024). Metodicheskie podkhody k strategicheskomu planirovaniyu [Methodological approaches to strategic planning]. Ekonomika i predprinimatelstvo, no. 5, pp. 5–578. (in Russian)
4. Institut ekonomicheskikh issledovaniy Respubliki Kazakhstan (2025). Ekonomicheskaya modernizatsiya Kazakhstana i regionalnyi rost [Economic modernization of Kazakhstan and regional growth]. Astana. (in Russian)
5. Natsionalnaya palata predprinimatelei Respubliki Kazakhstan «Atameken» (2025). Tsifrovaya karta biznesa [Digital business map]. Astana. (in Russian)
6. Byuro natsionalnoi statistiki Respubliki Kazakhstan (2025). Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Respubliki Kazakhstan za 2024–2025 gg. [Socio-economic development of the Republic of Kazakhstan for 2024–2025]. Astana. (in Russian)
7. Temirgalieva A. (2025). Kak postroit kompaniyu, kotoraya vyigryvaet ne v Excel, a v realnom mire? [How to build a company that wins not in Excel but in the real world?]. Kapital.kz, June 1. (in Russian)
8. BSC Designer (2025). Modeli i freimvorki strategicheskogo planirovaniya [Models and frameworks of strategic planning]. Available at: <https://bscdesigner.com>
9. Kusainov A. (2025). Klyuch s pravom peredachi [The key with transfer rights]. Argumenty i fakty Kazakhstan, November 11. (in Russian)
10. World Bank (2024). Kazakhstan Economic Update. Washington.
11. OECD (2023). ESG and Corporate Governance in Emerging Markets. Paris: OECD Publishing.
12. Thompson A.A., Strickland A.J. (2022). Strategic Management: Concepts and Cases. New York: McGraw-Hill.
13. Porter M.E. (2008). Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. New York: Free Press.
14. McKinsey & Company (2024). Strategy and Corporate Finance Report.
15. Deloitte (2025). Global Strategic Planning Trends.

ЖАҢА ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖАҒДАЙЛАРДА ҚАЗАҚСТАН КӘСІПОРЫНДАРЫ ҚЫЗМЕТІНДЕГІ СТРАТЕГИЯЛЫҚ ЖОСПАРЛАУДЫҢ ӨЗЕКТІЛІГІ

Абдинова Д.М. *, Сейсененова М.Б.

І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Қазақстан Республикасы, Талдықорған қ.

**e-mail: abdi.d93@mail.ru , M.Seisekenova@mail.ru*

Аңдатпа. Мақалада жаһандық экономикалық тұрақсыздық, экономиканың цифрлануы және интеграциялық үдерістердің күшеюі жағдайында Қазақстан кәсіпорындары үшін стратегиялық жоспарлаудың рөлі мен маңызы қарастырылады. Зерттеу барысында ұзақ мерзімді стратегиялық жоспарлаудың қажеттілігін арттыратын негізгі факторлар талданады. Олардың қатарында Қазақстан Республикасының әлемдегі ең дамыған 30 елдің қатарына кіруге ұмтылысы, «Цифрлық Қазақстан» ұлттық бағдарламасының жүзеге асырылуы және 2029 жылға дейінгі даму стратегияларының іске асырылуы қарастырылған.

Зерттеу нысаны ретінде Қазақстанның түрлі салаларындағы кәсіпорындар алынған. Ақпаратты жинау және талдау барысында сауалнамалық зерттеу әдісі мен стратегиялық жоспарлаудың тиімділігіне және бизнес нәтижелілігіне әсер ететін факторларды анықтауға бағытталған корреляциялық-регрессиялық талдау қолданылды.

Мақалада стратегиялық құралдарды тиімді қолдануға кедергі келтіретін негізгі мәселелер анықталған. Олардың қатарына мамандардың жеткіліксіз дайындалуы, арнайы құрылымдардың болмауы, стратегиялық бағдарламаларды әзірлеу мен іске асыру үдерістерінің үйлесімсіздігі, басқарушылық шешімдердегі қателіктер және стратегиялық мақсаттар мен оларды бағалау критерийлері арасындағы байланыстың әлсіздігі жатады.

Алынған нәтижелер негізінде стратегиялық жоспарлау үдерісін жетілдірудің негізгі бағыттары ұсынылып, стратегиялық басқаруды жүзеге асыру деңгейін арттыруға, кәсіпорындардың бәсекеге қабілеттілігін күшейтуге және тұрақты дамуын қамтамасыз етуге бағытталған ұсыныстар берілген. Зерттеудің практикалық маңызы ұсынылған тұжырымдар мен ұсыныстарды қазіргі экономикалық жағдайда тиімді басқарушылық шешімдер қабылдауда және бизнестің нәтижелілігін арттыруда қолдану мүмкіндігімен айқындалады.

Кілт сөздер: стратегиялық жоспарлау, стратегиялық басқару, Қазақстан кәсіпорындары, жаһандық экономикалық тұрақсыздық, экономиканың цифрлануы, 2029 жылға дейінгі даму тұжырымдамасы.

THE RELEVANCE OF STRATEGIC PLANNING IN THE ACTIVITIES OF KAZAKHSTANI FIRMS IN THE CONTEXT OF THE NEW ECONOMIC REALITY

Abdinova D.M.*, Seisekenova M.B.

Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Republic of Kazakhstan, Taldykorgan

*e-mail: abdi.d93@mail.ru , m.Seisekenova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role and significance of strategic planning for enterprises in Kazakhstan in the context of global economic turbulence, economic digitalization, and active integration processes. The paper examines key factors that increase the need for long-term strategic planning, including the aspiration of the Republic of Kazakhstan to join the top 30 most developed countries in the world, the implementation of the national program «Digital Kazakhstan», and strategic development concepts until 2029.

The object of the research is enterprises from various sectors of the economy of Kazakhstan. To collect and analyze information, a questionnaire survey and correlation-regression analysis of factors influencing the effectiveness of strategic planning and overall business performance were used.

The article identifies the main problems hindering the effective use of strategic tools, including insufficient training of specialists, the absence of specialized structures, inconsistency in the processes of developing and implementing strategic programs, errors in managerial decision-making, and the lack of connection between strategic goals and criteria for evaluating strategic decisions.

Based on the analysis of the obtained data, ways to improve the strategic planning process are proposed, aimed at increasing the level of implementation of strategic management, enhancing competitiveness, and ensuring the sustainable development of enterprises. The practical significance of the study lies in the possibility of using the proposed recommendations for making effective managerial decisions and improving business performance in modern conditions.

Keywords: strategic planning, strategic management, enterprises of Kazakhstan, global economic turbulence, economic digitalization, development concept until 2029.

Сведения об авторах:

Абдинова Дилнұр Мухтарқызы*, студент, Жетысуский университет имени И.Жансугурова (Казахстан, г. Талдықорған, e-mail: abdi.d93@mail.ru).

Сейсекенова Мейрамбала Бейсембековна, кандидат экономических наук, преподаватель-лектор, Жетысуский университет имени И.Жансугурова (Казахстан, г. Талдықорған, e-mail: m.Seisekenova@mail.ru). ORCID: 0009-0006-2516-2593).

Авторлар туралы мәліметтер:

Абдинова Дилнұр Мухтарқызы*, білімгер, І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті (Қазақстан, Талдықорған қ., e-mail: abdi.d93@mail.ru).

Сейсекенова Мейрамбала Бейсембековна, экономика ғылымдарының кандидаты, оқытушы-дәріскер, І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті (Қазақстан, Талдықорған қ., e-mail: m.Seisekenova@mail.ru , ORCID: 0009-0006-2516-2593).

Information about authors:

Abdinova Dilnur Mukhtarkyzy*, student, Zhetysu University named after I. Zhansugurov (Kazakhstan, Taldykorgan, e-mail: abdi.d93@mail.ru).

Seisekenova Meyrambala Beisembekovna, Candidate of Economic Sciences, Lecturer, Zhetysu University named after I. Zhansugurov (Kazakhstan, Taldykorgan, e-mail: m.Seisekenova@mail.ru , ORCID: 0009-0006-2516-2593).

АКТУАЛЬНОСТЬ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА РАЗВИТИЕ БИЗНЕСА В КАЗАХСТАНЕ

Ахмарова С.Ф. *, Сейсекенова М.Б.

Жетысуский университет им. И. Жансугурова, Республика Казахстан, г. Талдыкорган

*e-mail: sofiyaakhmarova7@mail.ru, m.Seisekenova@mail.ru

Аннотация. В данной статье мы рассмотрим влияние цифровизации социальных сетей на развития бизнеса в современных условиях в Казахстане. В условиях цифровизации экономики и использования IT-технологий, социальные сети стали неотъемлемой частью предпринимательской деятельности. Они превратились в эффективный инструмент продвижения товаров и услуг, формирования бренда и взаимодействия с аудиторией. Для современных предпринимателей продвижение продукции в социальных сетях стало важным фактором конкурентоспособности и развития бизнеса.

Ключевые слова: социальные сети, предпринимательская деятельность, малый и средний бизнес, конкурентоспособность, продвижение товаров.

Введение

Целью данного исследования является всестороннее определение влияния цифровизации социальных сетей на развитие бизнеса в современных условиях, а также выявление ключевых механизмов и инструментов, посредством которых цифровые платформы оказывают воздействие на предпринимательскую деятельность. Особое внимание уделяется анализу трансформации маркетинговых подходов, изменению моделей взаимодействия с потребителями и формированию новых каналов сбыта в условиях цифровой экономики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов субъектами малого и среднего предпринимательства при разработке эффективных маркетинговых стратегий, повышении качества цифрового присутствия и оптимизации процессов продвижения продукции и услуг в онлайн-среде. Результаты исследования могут быть применены при выборе инструментов таргетированной рекламы, управлении репутацией бренда, формировании контент-стратегий, а также при оценке эффективности цифровых коммуникаций с клиентами.

В результате проведенного исследования установлено, что социальные сети выступают одним из ключевых факторов развития современного бизнеса, обеспечивая расширение клиентской базы за счёт повышения доступности информации о товарах и услугах, а также способствуя формированию устойчивых коммуникаций с потребителями. Использование цифровых платформ позволяет компаниям оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры, адаптировать свои предложения под потребности целевой аудитории и повышать уровень клиентской лояльности.

Кроме того, выявлено, что активное внедрение инструментов цифрового маркетинга в социальных сетях способствует укреплению бренда, росту узнаваемости компании и повышению её конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках. В условиях цифровой экономики Казахстана социальные сети становятся не только каналом продвижения, но и важным элементом стратегического развития бизнеса, обеспечивающим его устойчивость, инновационность и долгосрочный рост.

Материалы и методы

Материалом для научного исследования послужили труды ученых по вопросам данной темы, отчеты по некоторым исследованиям современного рынка, практический опыт с/х предприятий использующих цифровизацию, интернет ресурсы, планы развития цифровизации в РК и др. В практической части исследования приведены факты и аргументы изучения цифровизации передовых предприятий, выводы практикующих

руководителей, использующих цифровизацию в социальных сетях, имеющих первый навык работы в этой сфере, их самооценки.

Сегодня в Казахстане, мы наблюдаем постепенное изменение структуры аграрного сектора. Анализируя труды и публикации материалов по цифровизации, мы выявили, что это связано с учетом изменений окружающей среды и обновлением облика села, что ведет к применению новых IT-технологий и сервисов на предприятиях. Многие исследователи, рассматривают цифровизацию как фактор мотивации деятельности агро-промышленного сектора РК.

Нами использованы методы наблюдения и сопоставления теоретических данных цифровизации с практическими. Мы поэтапно проанализировали имеющиеся проблемы цифровизации, и наметили возможные пути их решений.

В работе использованы методы анализа научной литературы, сравнительного анализа, обобщения и систематизации теоретических данных.

Объектом исследования является предпринимательская деятельность, предметом исследования – социальные сети РК.

Актуальность нашей темы обусловлена тем, что все больше предпринимателей малого и среднего бизнеса (МСП), используют социальные сети как основной маркетинговый ход. Платформы позволяют предпринимателям с минимальными вложениями выходить на большую аудиторию и делать крупные продажи, а также моментально реагировать на запросы клиентов и быстро адаптироваться к изменениям рынка.

Рассмотрим теоретические основы использования социальных сетей в бизнесе. Социальные сети представляют собой онлайн-платформы для общения, обмена информацией и создания пользовательского контента в онлайн-среде.

В условиях активного развития онлайн-платформ и цифровых технологий они приобрели значимую роль в предпринимательской деятельности. Онлайн-платформы позволяют компаниям новые возможности для взаимодействия с потребителями, продвижения товара или услуг [1].

С точки зрения теории предпринимательства социальные сети рассматриваются как эффективный инструмент цифрового маркетинга. Их использование позволяет расширять целевую аудиторию и сократить затраты на продвижение. Таким образом, социальные сети выступают значимым фактором развития бизнеса, способствуют адаптации предпринимательской деятельности к условиям цифровой экономики.

Результаты и обсуждения

В современных условиях роль социальных сетей в развитии бизнеса растет. Социальные сети выступают важнейшим инструментом для продвижения продукции и услуг. Они обеспечивают прямой доступ к потребителям и позволяют компаниям оперативно распространять информацию о новых предложениях и акциях в режиме онлайн. Например, предприниматели используют Facebook и Instagram для публикации визуального контента о товарах, что помогает формировать спрос и повышать уровень узнаваемости бренда среди целевой аудитории.

Кроме того, социальные сети оказывают влияние на формирование имиджа компании. С помощью регулярных публикаций контента, отражающего ценности и стиль бренда, предприятия могут создавать устойчивое позитивное восприятие у пользователей. Например, казахстанские бренды национальной одежды активно используют платформу Instagram для продвижения продукции с элементами традиционной культуры. Публикация визуального контента, демонстрирующего национальные мотивы и современные дизайнерские решения, способствует формированию уникального имиджа бренда и повышению его узнаваемости среди потребителей.

Также социальные платформы используются для укрепления лояльности клиентов через публикацию отзывов и кейсов успешного сотрудничества, что улучшает репутацию компании и способствует укреплению её позиции на рынке. Например, казахстанская финтех-компания Kaspi.kz активно использует социальные сети для обратной связи с

клиентами. Оперативные ответы на комментарии, разъяснение условий услуг и публичное решение возникающих вопросов формируют образ открытой и клиентоориентированной компании. Такая коммуникационная стратегия укрепляет доверие потребителей и положительно влияет на репутацию бренда.

В практике предпринимательства социальные сети применяются как эффективные каналы маркетинга. Популярные платформы, такие как Instagram, TikTok и Facebook, предоставляют бизнесу инструменты для демонстрации продукции, общения с клиентами и размещения рекламных материалов. Например, Instagram позволяет использовать визуальный контент и сторис для повышения вовлечённости аудитории, а TikTok помогает достигать молодой аудитории с помощью коротких видеороликов. Расширенные возможности указанных платформ для развития бизнеса в Казахстане представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Расширенные возможности популярных социальных сетей для развития бизнеса в Казахстане [1]

Платформа	Основные инструменты для бизнеса	Целевая аудитория	Маркетинговые возможности	Преимущества для МСП
Instagram	Посты, сторис, Reels, прямые эфиры, встроенный магазин, таргетированная реклама.	18–40 лет	Визуальное продвижение товаров, коллаборации с блогерами, продвижение через лидеров мнений.	Быстрое формирование бренда, высокая вовлечённость аудитории.
TikTok	Короткие видеоролики, трендовый контент, прямые эфиры, реклама.	16–30 лет	Вирусный маркетинг, продвижение через челленджи и тренды.	Возможность быстрого роста охвата при минимальных вложениях.
Facebook	Бизнес-страницы, таргетированная реклама, группы, аналитика.	25+	Продвижение услуг, B2B-коммуникация, реклама мероприятий.	Подходит для деловой аудитории и корпоративного сегмента.
YouTube	Видеоконтент, реклама, прямые трансляции.	18–45 лет	Демонстрация продукции, обучающий контент, экспертное позиционирование.	Формирование доверия через экспертный контент.

Таким образом, каждая социальная платформа обладает специфическими инструментами и преимуществами, что позволяет предпринимателям выбирать наиболее эффективный канал продвижения в зависимости от целевой аудитории и стратегии развития бизнеса.

Контент-маркетинг в социальных сетях является ключевым элементом эффективного продвижения товаров и услуг. Регулярное размещение полезного и интересного контента помогает привлекать внимание аудитории и удерживать её интерес. Также успешные компании применяют таргетированную рекламу, которая позволяет направлять рекламные сообщения на конкретные группы пользователей с учётом их интересов и поведения, что повышает вероятность конверсии и роста продаж [2].

Правильно разработанная маркетинговая стратегия предприятия в современных условиях дает более широкие возможности предпринимателям:

- *продвигать* желаемые продукты, позиционировать их виды на рынке, расширять целевую аудиторию (рынок покупателей);
- *повышать объёмы поступления ассортимента продукции;*
- *укреплять финансовую устойчивость предприятий сельхоз отрасли.*

От результативности использования социальной сети зависит имидж предприятия (производства), рост его репутации, привлечение новых покупателей, а также повышение интереса к выпускаемой продукции.

Несмотря на значительные преимущества, социальные сети могут создавать определённые риски для бизнеса. Одним из них является финансовая нагрузка, связанная с затратами на рекламу и создание качественного контента. Кроме того, появление негативных комментариев или отзывов может повлиять на репутацию компании и снизить доверие потребителей, что требует дополнительного внимания к управлению коммуникацией в сети. Ещё одним риском является зависимость от алгоритмов социальных платформ. Изменения алгоритмов могут привести к сокращению органического охвата публикаций и снижению эффективности маркетинговых усилий [3]. Такая ситуация требует адаптации стратегий продвижения и постоянного изучения новых инструментов для взаимодействия с аудиторией.

Социальные сети продолжают развиваться и внедрять новые инструменты, что открывает дополнительные возможности для бизнеса. Например, прямые трансляции, встроенные магазины и интеграция с электронными торговыми платформами позволяют компаниям расширять каналы продаж и улучшать клиентский опыт. Это особенно важно для малого и среднего бизнеса, который стремится выйти на новые рынки с минимальными затратами. Все это позволяет рассматривать перспективы развития бизнеса через социальные сети.

Социальные сети играют немаловажную роль в формировании имиджа различных брендов. Короткие видеоролики, сторис и прямые эфиры позволяют демонстрировать процессы выращивания, сбора урожая и ее переработки. Такой формат усиливает доверие потребителей и формирует эмоциональную связь с брендом.

Визуальный контент помогает предпринимателям не только продвигать продукцию, но и рассказывать о ценностях устойчивого развития и экологической ответственности производителей.

Важным элементом маркетинговой стратегии производителей становится *использование технологий Интернета вещей (IoT) и систем цифровой прослеживаемости. Датчики, дроны и спутниковые технологии* позволяют отслеживать состояние урожая и качество продукции на всех этапах производства. Не стоит забывать, что в основном, сельхоз продукция имеет кратковременный срок хранения. Информация о происхождении товара, доступная потребителю через QR-коды и цифровые платформы, повышает уровень доверия и является конкурентным преимуществом как на внутреннем, так и на внешнем рынках различной продукции [3].

Цифровой маркетинг Казахстана активно развивается через переход к Smart Farming, через внедрение искусственного интеллекта (ИИ), дронов и электронных торговых площадок, которые способствуют повышению эффективности и снижению затрат. Основные инструменты включают спутниковый мониторинг ресурсов, онлайн-продажи, системы точного земледелия и робототехники, что позволяет предпринимателям оптимизировать процессы и повышать общую конкурентоспособность.

В Казахстане в 2026 году более 2243 сельхозтоваропроизводителей используют цифровые решения и элементы ИИ. Активно внедряются цифровые фермы, и на сегодня их количество по стране превысило 200. Такие фермы используют технологии точного земледелия, дроны, сенсоры, аналитические платформы, GPS-навигацию для сбора данных о состоянии почвы и растений в режиме реального времени, что позволяет оптимизировать

процессы посева, внесения удобрений и орошения. Ключевой задачей остается формирование единой цифровой экосистемы e-АПК с консолидацией данных в Data Lake и развитой BI-аналитикой. Особый акцент делается на прослеживаемости продукции и внедрении ИИ. Сотрудничество с финтех-сектором должно повысить точность оценки рисков, снизить административную нагрузку на фермеров и обеспечить прозрачность для государства [4].

Новые IT-технологии с использованием ИИ помогут предпринимателям быстрее получать субсидии, улучшат почвы и сокращать потери урожая.

Таким образом, политика современной цифровизации социальных сетей должна состоять в достижении основной цели – подготовке качественной отечественной продукции, способной удовлетворять потребности покупателей в ассортименте. Этого можно добиться за счет маркетинговой активности. Цифровой маркетинг в сфере сельского хозяйства – это особый вид деятельности, который направлен на удовлетворение запросов и нужд населения страны в данных товарах.

В современном бизнесе ключ к конкурентоспособности лежит в интеграции цифровых решений. *Farmonaut*, *ИИ* и *спутниковый мониторинг*, позволяют предприятиям, эффективнее использовать ресурсы, минимизировать негативное воздействие на окружающую среду, поддерживать биоразнообразие и получать советы по улучшению состояния выпускаемой продукции. Например:

Спутниковый мониторинг – следит за динамикой здоровья культур и влажностью почв по всему полю в реальном времени.

Jeevn AI Advisory System – выдает индивидуальные рекомендации от ИИ с учетом погодных рисков, условий почвы и текущего состояния растений.

Blockchain-трассируемость – обеспечивает прозрачность происхождения продукции, используя технологии отслеживания от *Farmonaut*.

Fleet Management – это цифровой контроль за техникой и логистикой, экономия ГСМ, сокращение простоя и затрат.

Экологический контроль – мониторит выбросы CO₂ и другие проблемы с инструментами углеродного следа [5].

Все эти технологии доступны всем, независимо от масштабов, без дорогостоящей техники, реальными инструментами для управления ресурсами и для принятия результативных решений в бизнесе и производстве.

Сегодня мы говорим о системном подходе к осуществлению маркетинговой деятельности в бизнесе, включающем в себя комплексную продуктовую стратегию, ценовую политику, продвижение и клиентское сопровождение с учетом современных требований целевых рынков и потребителей.

Job to be done (JTBD) – это популярная в мире теория о поведении покупателей на момент принятия решения о целесообразности совершения покупки. Ее смысл в том, что люди не покупают товары, а решают с их помощью конкретные задачи, преодолевают трудности, закономерно возникающие во всех сферах жизни, в том числе и бизнесе [6]. Перспективным направлением является использование аналитических инструментов социальных сетей для изучения поведения потребителей и адаптации предложений под их предпочтения. Такая практика помогает формировать более точные маркетинговые стратегии и повышать эффективность бизнеса в условиях конкуренции.

Заключение

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что социальные сети оказывают существенное влияние на развитие предпринимательской деятельности в Казахстане. Результаты исследования (Results): цифровизация социальных сетей направлена на рост эффективности предприятий, улучшение логистических процессов и повышение прозрачности производства отечественной продукции. Эти платформы способствуют продвижению продукции, формированию имиджа бренда и эффективному

взаимодействию с потребителями. Кроме того, социальные сети открывают дополнительные возможности для роста бизнеса, особенно в сегментах малого и среднего предпринимательства, что актуально для экономики Казахстана.

Для начинающих предпринимателей рекомендуется использовать социальные сети как один из ключевых каналов маркетинга, уделяя внимание качеству контента, анализу результатов и адаптации стратегий продвижения к изменениям платформ. Таким образом, мы считаем, что социальные сети могут служить важным инструментом достижения стабильного роста и конкурентных преимуществ на рынке.

Развитие цифровой экономики и роль социальных сетей в предпринимательстве. В последние годы развитие цифровой экономики оказывает значительное влияние на структуру предпринимательской деятельности во всем мире. Цифровые технологии активно внедряются в различные сферы экономики, включая производство, торговлю, маркетинг и логистику. Одним из наиболее заметных проявлений цифровой трансформации является широкое использование социальных сетей в бизнесе. По данным международных исследований, более половины населения мира активно используют социальные сети, что делает их важной платформой для продвижения товаров и услуг [7].

Социальные сети представляют собой не только платформы для общения пользователей, но и эффективные инструменты цифрового маркетинга. Благодаря развитию интернет-технологий предприятия получили возможность напрямую взаимодействовать с потребителями, получать обратную связь и анализировать потребительское поведение в режиме реального времени [8]. Для Казахстана процесс цифровизации экономики имеет особое значение. Государственные программы развития цифровых технологий, включая инициативу «Цифровой Казахстан», направлены на повышение эффективности экономики и внедрение инновационных решений в предпринимательскую деятельность [9]. В рамках этих программ активно развивается электронная коммерция, цифровые сервисы и онлайн-платформы. Социальные сети становятся важной частью этой цифровой экосистемы. Они позволяют предпринимателям быстро адаптироваться к изменениям рынка, расширять географию продаж и повышать конкурентоспособность бизнеса.

Влияние социальных сетей на поведение потребителей

Одним из ключевых факторов развития бизнеса через социальные сети является изменение поведения современных потребителей. В условиях цифровизации пользователи все чаще получают информацию о товарах и услугах именно через онлайн-платформы. Перед совершением покупки потребители изучают отзывы, рекомендации блогеров и визуальный контент, опубликованный в социальных сетях [10,11].

Особенно заметно влияние социальных сетей среди молодого поколения, которое активно использует платформы Instagram, TikTok и YouTube для поиска информации о товарах. Видеоконтент, сторис и прямые эфиры позволяют пользователям получить более полное представление о продукции и оценить её преимущества. Кроме того, социальные сети позволяют формировать так называемое «сообщество бренда». Пользователи могут взаимодействовать с компанией, участвовать в обсуждениях, делиться своим опытом использования продукции. Это способствует укреплению лояльности клиентов и повышению доверия к компании.

Значение контент-маркетинга в социальных сетях. Эффективность продвижения бизнеса в социальных сетях во многом зависит от качества контента. Контент-маркетинг представляет собой стратегию создания и распространения полезной и информативной информации для привлечения аудитории. Основными форматами контента являются публикации, видеоролики, сторис, прямые эфиры и отзывы клиентов. Использование разнообразных форматов контента позволяет компаниям поддерживать интерес аудитории и повышать уровень вовлеченности пользователей. Особое значение имеет визуальный контент, который позволяет наглядно продемонстрировать преимущества продукции и сформировать положительное восприятие бренда. Преимущества использования

социальных сетей для малого и среднего бизнеса. Для предприятий малого и среднего бизнеса социальные сети открывают значительные возможности для развития. Продвижение через социальные сети требует относительно небольших финансовых затрат по сравнению с традиционными рекламными каналами. Кроме того, социальные сети позволяют предпринимателям анализировать интересы потребителей, тестировать новые продукты и быстро реагировать на изменения спроса [12,13].

Использование аналитических инструментов социальных платформ позволяет компаниям получать данные о поведении пользователей и эффективности рекламных кампаний. На основе этих данных предприниматели могут корректировать маркетинговую стратегию и повышать результативность продвижения.

Перспективы развития цифрового маркетинга в Казахстане. В ближайшие годы роль социальных сетей в развитии бизнеса будет продолжать расти. Одним из перспективных направлений является использование искусственного интеллекта и аналитических технологий для обработки данных о поведении потребителей. Такие системы позволяют компаниям более точно определять потребности клиентов и предлагать персонализированные продукты. Также активно развивается направление social commerce — продажа товаров непосредственно через социальные сети. Многие платформы внедряют встроенные магазины, что позволяет пользователям совершать покупки без перехода на сторонние сайты [14,15].

В условиях роста конкуренции предприятиям необходимо активно внедрять инновационные инструменты продвижения, развивать цифровые компетенции и адаптировать маркетинговые стратегии к новым требованиям рынка.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Ким С., Чой Х. Социальные сети как инструмент развития бизнеса // Вестник современной экономики. – 2022. – № 4. – С. 45–53.
- 2 Ергалиева Ж. Социальные сети в формировании корпоративного бренда и коммуникаций // Маркетинг и менеджмент. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 34–42.
- 3 Турсунов А. Использование социальных сетей и связанные с этим риски для бизнеса // Экономика и бизнес. – 2021. – № 3. – С. 12–20.
- 4 Международное информационное агентство «Казинформ» РК. Сельское хозяйство. Минсельхоз. Цифровизация. – Astana, 2025. – 15 p.
- 5 24.kz. Цифровые технологии внедряют в сельское хозяйство в Казахстане [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://24.kz/ru/news/social/694361-tsifrovye-tekhnologii-vnedryayut-v-selskoe-khozyajstvo-v-kazakhstan> (дата обращения: 26.03.2026).
- 6 Farmonaut. Устойчивое сельское хозяйство: 7 ключей к успеху в 2026 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://farmonaut.com/blogs> (дата обращения: 26.03.2026).
- 7 Kaplan A.M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media // Business Horizons. – 2010. – Vol. 53, № 1. – P. 59–68.
- 8 Tuten T.L., Solomon M.R. Social Media Marketing. – 3rd ed. – London: Sage Publications, 2017. – 352 p.
- 9 Государственная программа «Цифровой Казахстан». – Astana, 2025. – 28 p.
- 10 Kotler P., Keller K.L. Marketing Management. – 16th ed. – Pearson Education, 2022. – 816 p.
- 11 Chaffey D., Ellis-Chadwick F. Digital Marketing: Strategy, Implementation and Practice. – 7th ed. – Harlow: Pearson Education Limited, 2019. – 545 p.
- 12 Statista. Global social media statistics and trends [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.statista.com/topics/1164/social-media-usage-worldwide/> (дата обращения: 26.03.2026).
- 13 Ryan D. Understanding Digital Marketing: Marketing Strategies for Engaging the Digital Generation. – 5th ed. – London: Kogan Page, 2020. – 432 p.
- 14 Chaffey D. Digital Business and E-Commerce Management. – 8th ed. – Harlow: Pearson Education, 2022. – 608 p.
- 15 Safiullin R., Zhumabekova G. Vliyaniye social'nykh setey na razvitiye predprinimatel'stva v Kazakhstane // Innovatsionnye tekhnologii i predprinimatel'stvo. – 2024. – № 2. – S. 27–36.

REFERENCES:

- 1 Kim S., Choi H. (2022). Sociálnye seti kak instrument razvitiya biznesa [Social networks as a tool for business development]. Vestnik sovremennoi ekonomiki, no.4, pp. 45–53. (in Russian)

- 2 Ergalieva J. (2023). *Sosiálne seti v formirovanii korporativnogo brenda i komunikasi* [Social networks in the formation of corporate brand and communications]. *Marketiň i menejment*, vol.15, no.2, pp. 34–42. (in Russian)
- 3 Tursunov A. (2021). *İspölvovanie sosiálnyh setei i sväzannye s etim riski dlä biznesa* [Use of social networks and related business risks]. *Ekonomika i biznes*, no.3, pp. 12–20. (in Russian)
- 4 Mejdunarodnoe informacionnoe agentstvo «Kazinform» RK. (2025). *Selskoe hozäistvo*. Minselhoz. Sifrovizasia [Agriculture. Ministry of Agriculture. Digitalization]. Astana, 15 p. (in Russian)
- 5 24.kz. (2026). *Sifrovye tehnologii vnedräiut v selskoe hozäistvo v Kazahstane* [Digital technologies are being implemented in agriculture in Kazakhstan]. [Electronic resource] – Available at: <https://24.kz/ru/news/social/694361-tsifrovye-tehnologii-vnedryayut-v-selskoe-khozyajstvo-v-kazahstane> (accessed: 26.03.2026). (in Russian)
- 6 Farmonaut. (2026). *Ustoichivoe selskoe hozäistvo: 7 klüchei k uspehu v 2026* [Sustainable agriculture: 7 keys to success in 2026]. [Electronic resource] – Available at: <https://farmonaut.com/blogs> (accessed: 26.03.2026). (in Russian)
- 7 Kaplan A.M., Haenlein M. (2010). *Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media*. *Business Horizons*, vol.53, no.1, pp. 59–68.
- 8 Tuten T.L., Solomon M.R. (2017). *Social Media Marketing*. 3rd ed. London: Sage Publications, 352 p.
- 9 Gosudarstvennaia programma «Sifrovoi Kazahstan». (2025). Astana, 28 p. (in Russian)
- 10 Kotler P., Keller K.L. (2022). *Marketing Management*. 16th ed. Pearson Education, 816 p.
- 11 Chaffey D., Ellis-Chadwick F. (2019). *Digital Marketing: Strategy, Implementation and Practice*. 7th ed. Harlow: Pearson Education Limited, 545 p.
- 12 Statista. (2026). *Global social media statistics and trends*. [Electronic resource] – Available at: <https://www.statista.com/topics/1164/social-media-usage-worldwide/> (accessed: 26.03.2026).
- 13 Ryan D. (2020). *Understanding Digital Marketing: Marketing Strategies for Engaging the Digital Generation*. 5th ed. London: Kogan Page, 432 p.
- 14 Chaffey D. (2022). *Digital Business and E-Commerce Management*. 8th ed. Harlow: Pearson Education, 608 p.
- 15 Safiullin R., Zhumabekova G. (2024). *Vliyaniye social'nykh setey na razvitiye predprinimatel'stva v Kazahstane* [Impact of social networks on business development in Kazakhstan]. *Innovatsionnye tehnologii i predprinimatel'stvo*, no.2, pp. 27–36. (in Russian)

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БИЗНЕСТІҢ ДАМУЫНА ӘЛЕУМЕТТІК ЖЕЛІЛЕРДІ ЦИФРЛАНДЫРУДЫҢ ӘСЕРІНІҢ ӨЗЕКТІЛІГІ

*Ахмарова С.Ф. *, Сейсекенова М.Б.*

І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Қазақстан Республикасы, Талдықорған қ.

*e-mail: sofiyaakhmarova7@mail.ru, m.Seisekenova@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақалада қазіргі жағдайдағы Қазақстандағы бизнестің дамуына әлеуметтік желілерді цифрландырудың әсері қарастырылады. Экономиканы цифрландыру және IT-технологияларды пайдалану жағдайында әлеуметтік желілер кәсіпкерлік қызметтің ажырамас бөлігіне айналды. Олар тауарлар мен қызметтерді ілгерілетудің, бренд қалыптастырудың және аудиториямен өзара байланыс орнатудың тиімді құралы ретінде дамып отыр. Қазіргі кәсіпкерлер үшін әлеуметтік желілерде өнімді ілгерілету бәсекеге қабілеттіліктің және бизнестің дамуының маңызды факторына айналды.

Кілт сөздер: әлеуметтік желілер, кәсіпкерлік қызмет, шағын және орта бизнес, бәсекеге қабілеттілік, тауарларды ілгерілету.

THE RELEVANCE OF THE IMPACT OF SOCIAL MEDIA DIGITALIZATION ON BUSINESS DEVELOPMENT IN KAZAKHSTAN

*Akhmarova S.F. *, Seisekenova M.B.*

Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Republic of Kazakhstan, TalDYkorgan

*e-mail: sofiyaakhmarova7@mail.ru, m.Seisekenova@mail.ru

Abstract. This article examines the impact of social media digitalization on business development in modern conditions in Kazakhstan. In the context of economic digitalization and the use of IT technologies, social networks have become an integral part of entrepreneurial activity. They have turned into an effective tool for promoting goods and services, building a brand, and interacting with the audience. For modern entrepreneurs, promoting products on social networks has become an important factor in competitiveness and business development.

Keywords: *social networks, entrepreneurial activity, small and medium-sized business, competitiveness, product promotion.*

Сведения об авторах:

Ахмарова София Фархатовна – студент 2 курса факультета права и экономики, Жетысуский университет им. И. Жансугурова (Республика Казахстан, г. Талдыкорган, sofiyaakhmarova7@mail.ru).

Сейсекенова Мейрамбала Бейсембековна – кандидат экономических наук, научный руководитель, Жетысуский университет им. И. Жансугурова (Республика Казахстан, г. Талдыкорган, m.Seisekenova@mail.ru, ORCID: 0009-0006-2516-2593).

Авторлар туралы мәліметтер:

Ахмарова София Фархатовна – Құқық және экономика факультетінің 2-курс студенті, І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Қазақстан Республикасы, Талдықорған қ., sofiyaakhmarova7@mail.ru.

Сейсекенова Мейрамбала Бейсембековна – экономика ғылымдарының кандидаты, ғылыми жетекші, І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Қазақстан Республикасы, Талдықорған қ., m.Seisekenova@mail.ru, ORCID: 0009-0006-2516-2593.

Information about authors:

Akhmarova Sofiya Farkhatovna – 2nd-year student of the Faculty of Law and Economics, I. Zhansugurov Zhetysu University, Taldykorgan, Republic of Kazakhstan, sofiyaakhmarova7@mail.ru.

Seisekenova Meirambala Beisembekovna – Candidate of Economic Sciences, Scientific Supervisor, I. Zhansugurov Zhetysu University, Taldykorgan, Republic of Kazakhstan, m.Seisekenova@mail.ru, ORCID: 0009-0006-2516-2593.

THE IMPACT OF MIGRATION PROCESSES ON THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE AND RURAL AREAS

Eraliev Sh.¹ Turgambekova Z.^{2*} , Nurmukhankyzy D.²

¹ Lund University, Sweden, Lund

² Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Republic of Kazakhstan, Taldykorgan

*e-mail: sherzod.eraliev@soclaw.lu.se, zhansayaturgambekova@gmail.com,
daniyafmo@gmail.com

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the impact of migration processes on the socio-economic development of rural areas and agriculture. The study analyses the impact of foreign and internal migrants on the structure of labour resources in rural areas. The experience of Kazakhstan shows that the migration of rural residents to cities has led to a reduction in the working-age population, a decrease in the number of people employed in agriculture, and the disappearance of villages. The article pays particular attention to the dynamics of the number of people employed in agriculture, agricultural production, the problems of mass migration from villages to cities, and the reasons that lead to them. The research methodology includes the collection and analysis of statistical data, comparative analysis of the results obtained, a systematic approach, and methods for assessing socio-economic indicators. In addition, a comprehensive analysis was conducted based on data from national statistical agencies, scientific literature, and industry reports. The results of the study highlight the importance of improving government policies aimed at sustainable development and support for rural settlements and agriculture, as well as effective regulation of internal and external migration. The conclusions presented in the study are of scientific and practical importance for the socio-economic development of rural areas and ensuring stability in agriculture.

Keywords: migration, village, rural residents, agriculture, urbanisation, labour force.

Introduction

The agricultural sector ensures food security and is a key component of economic development in countries. In addition, the agricultural sector plays a key role in promoting socio-economic development in international relations. Despite being an important industry in the global economy, phenomena such as socio-economic and regional inequality, mass migration of local residents from rural areas to cities, and agricultural migrants are widespread among those engaged in agriculture in the agricultural sector. In 2000, the share of the workforce employed in agriculture fell by 40% from 2.6 billion workers to 1.1 billion people. The decline in employment in this sector is a cause for serious concern due to urbanisation, which is growing every year. In this context, it is important to study the impact of migration processes on the development of agriculture and rural areas through scientific analysis. A quarter of the world's workforce, 25%, works in agriculture. Agriculture accounts for 2.2 trillion US dollars of the Asian economy, 480 billion US dollars of the American continent, 397 billion US dollars of the African economy, 328 billion US dollars of the European economy, and 45 billion US dollars of the Oceania economy. More than 1 billion people are employed in agriculture, and their labour accounts for 4% of global GDP.

Industrialisation, acceleration (intensification) of specialisation and agriculture were accompanied by a reduction in the workforce employed in this area. Those who had small family farms increasingly chose temporary and hired work in the city. In subsequent years, this gap was filled by migrants. In other words, migrants are filling vacant jobs in agriculture. The rise in education levels in developed countries, the emancipation of women (equality with men in all sectors), and the high ambitions of young people and women in rural areas have led them to reject low wages in agriculture [1].

During the period of seasonal work related to agriculture in villages, in line with the trend towards labour shortages, the use of foreign migrant workers is becoming normal. At the same time, the effectiveness of using unemployed people living in cities as a labour force for seasonal

work in agriculture is obvious. The issue of mass migration from rural to urban areas can be considered from different angles at the state level. One is related to the lack of infrastructure in cities for newly arrived rural residents, and the other is related to the shortage of agricultural products. According to advanced foreign experience in the field of agriculture, despite the migration of the rural population to cities, it is necessary to increase the number of farmers and provide the domestic and foreign markets with agricultural products [2].

Materials and methods

Existing literature suggests that changes in land use, unemployment in rural areas, climate change, environmental threats to food security, and the unprofitability of agricultural production are identified as the main factors influencing farmers' decisions to leave agriculture.

However, scientific and official data also show the positive effects of the migration of farmers and rural residents from rural areas to cities. These include diversification of income sources, access to new markets and modern farming methods, remittances, the development of new competencies and skills by citizens and the use of educational opportunities, increased resilience to environmental and economic shocks, the exchange of knowledge and experience, and improved living standards and quality of life for farmers and their families. However, the main factors driving rural populations and farmers to migrate from agricultural activities to urban areas remain insufficiently studied. Accordingly, it is necessary to focus on practical government policy measures aimed at managing urbanisation and promoting safe, sustainable cities and towns [3].

The production of fruit and vegetables in European Union countries depends on foreign labour. Germany, Spain, France and Italy are among the EU countries that hire seasonal foreign migrants for agricultural work. Foreign labour can come from both EU countries and 'third countries'. Despite the annual increase in labour from abroad, migrants make up only part of the workforce needed in agriculture. The fact is that there has been a decline in the number of permanent residents of EU countries working in agriculture. In terms of legal protection of the workforce, EU citizens have equal rights with citizens of the host country in accordance with the Treaty on the Free Movement of Workers. And for workers from third countries, the EU has equal rights in terms of state support and employer rights in accordance with the 2014 directives on seasonal workers.

Western European migrants are one of the factors ensuring the sustainability of rural areas. This is because they consume local products and services, such as schools and nurseries, shops and restaurants. However, a large wave of migrants causes a housing shortage and problems with increased demand for public services. While local authorities say that migrant mobility is coming to an end and giving way to stability, migrants believe that they will live here as long as they have work. Migrants who have worked in one place for a long time begin to feel loyalty, connection, comfort (attachment) to that place, and this serves as the basis for inviting their families and friends to come and join them. With regard to issues related to seasonal workers in EU countries, seasonal work in agriculture is challenging, with difficult working conditions and frequent domestic inconveniences. Legal and illegal migrants can equally fall victim to illegal intermediary systems and modern forms of slavery. The pandemic restrictions in 2020 highlighted the significant role of seasonal migrants in EU countries, and in 2020 the European Commission issued new guidelines aimed at supporting seasonal workers, including during the pandemic (migrant seasonal workers in the European agricultural sector). The integration of migrants into employer communities consists of economic, cultural and psychological aspects [4].

This is because the culture and traditions of different ethnic groups within a single country are identical or similar and familiar to each other, so social identity is not a decisive factor for employers when hiring internal migrants. When hiring foreign migrants, however, one of the factors that matters to employers is the nationality, culture and beliefs, i.e. the social identity of the migrant worker.

Some studies of international labour migration have identified a link between the social identity of migrants and their labour market. Although most migrants do not work in agriculture, they usually settle in villages near large cities or in these areas because of the accessibility of marginal areas. However,

migrants can play an important role in addressing the problem of rural depopulation. In the process of rehabilitating the depopulation of villages and the annual ageing of the average age of rural residents, migrants can become an effective socio-economic factor. According to the findings of a number of studies, international migration can be a reason for the cessation of depopulation [5].

However, critical views have noted that the depopulation of rural residents can also have a negative impact on the arrival of migrants. Areas with low socio-economic attractiveness often discourage migrants from choosing villages as places to live [6].

In addition, rural areas may be less prepared to receive migrants than cities. The arrival of large groups of foreign workers in villages can create integration challenges for villagers and local authorities. Such problems are particularly common in areas that have no experience of receiving large groups of migrants and seasonal migrants. European migrants are concentrated in urban and suburban areas rather than in villages [1].

The mobility of Eastern Europeans in Western Europe is characterised by stability within the framework of mobility. Their stable mobility poses a threat to the stability of host countries and communities [7].

The stability and tranquillity of rural areas evoke a sense of comfort associated with property ownership. Mobility and attachment to place, i.e. place-based stability, are often viewed as opposing concepts in many studies. However, this process is a vivid manifestation of the connections and interdependence between the migrant and the host region and its inhabitants. In this regard, the adaptability of the host region and its suitability for the migrant also contribute to the choice of this place for sustainable mobility [8].

This article presents a study conducted using qualitative and quantitative research methods to determine the impact of migration processes on the development of rural areas and agriculture. The theoretical and methodological basis of the study includes concepts of rural development and the agricultural sector, as well as theories of international migration [9].

First, a review of foreign and domestic scientific literature, reports from international organisations, and studies related to this field was conducted. At this stage, it was possible to identify the relationship between migration and rural development, as well as the main directions of this relationship. At the next stage, based on official data from national statistical agencies, the dynamics of rural population migration to cities or other regions, as well as labour force indicators in agriculture, were analysed. The study used statistical analysis and comparative time series analysis methods. Using Kazakhstan as an example, the relationship between migration trends in different regions was determined by comparing employment dynamics in agriculture. Systematic analysis was used to comprehensively assess the impact of migration on rural infrastructure, social services and quality of life [10].

In order to determine the results of the study, the method of structural analysis and generalization of a logical conclusion was used. The methods and techniques of scientific research used ensure the reliability of the results obtained and served as the basis for the development of scientific and practical recommendations aimed at the development of rural settlements.

Results and Discussion

Labour migration in post-Soviet states means that migrants' status is neither permanent nor legal in either the host countries or the countries supplying labour resources. On the one hand, labour migration fills vacancies in sectors experiencing labour shortages; on the other hand, illegal migration means that the required level of taxation is not paid [11].

The migration of Kazakhs from villages to cities coincided with the country's independence. In the 1990s, the return of Russians, Ukrainians, Koreans, Germans and other ethnic groups to their homeland led to job vacancies in cities. In addition, the disbanding of agricultural collectives, privatisation and unemployment in rural areas also prompted rural residents to move to cities. On 1 January 2003, there were 7,660 villages in Kazakhstan, but by 2023, only 6,256 remained. Over the course of 20 years, 1,404 villages disappeared from the map of Kazakhstan, an average of 70 villages per year. Considering that there are between 10 and 30 villages in each

district, between two and seven districts are abandoned every year. This situation, equivalent in size to an entire region, repeats itself every year [12]. Between 2015 and 2024, the migration balance of the rural population was negative. Compared to 2023, the migration balance of the rural population in 2024, i.e. the difference between arrivals and departures, increased by 35% and amounted to -111,640 people. Net migration across all flows for the rural population of the Republic of Kazakhstan and its territories for the period 2015-2024 is presented in Table 1 below.

Table 1 - Volume of Net Migration for All Flows of rural population in the Republic of Kazakhstan and its territories, 2015–2024 (persons).

№	Region	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
	Republic of Kazakhstan	-64 849	-84 545	-53 077	-62 743	-75 151	-82 564	-79 108	-67 172	-82 113	- 1116 40
1.	Abai	-6 461	-7 202	-8 479	-5 303	-6 072	-5 175	-5 303	-5 566	-5 841	-7 616
2.	Akmola		-9 470	-22 772	-2 797	-5 825	-5 660	-5 415	-3 216	-5 164	-6 232
3.	Aktobe	-2 941	-4 163	-7 122	-3 708	-4 989	-3 711	-2 894	-3 231	-3 192	-6 696
4.	Almaty	-1 048		20 030			-4 981				
5.	Atyrau	-2 770	-2 362								
6.	West Kazakhstan	-1 404	-5 644	-6 195	-3 506	-3 711	-2 430	-2 305	-2 670	-2 710	-6 177
7.	Zhambyl	-7 730	-7 430	-5 058	-6 633	-7 778	-8 474	-7 292	-7 903	-10 514	-14 879
8.	Zhetysu	-5 267	-5 321	-3 673	-3 615	-7 654	-6 382	-5 247	-6 348	-6 136	-8 003
9.	Karaganda	-3 979	-5 175	-4 570	-2 491	-3 914	-4 020	-3 893	-3 814	-4 667	-5 921
10.	Kostanay	-5 859	-7 093	-8 436	-6 507	-8 135	-5 907	-6 016	-5 770	-5 000	-7 775
11.	Kyzylorda	-4 761	-6 655	-2 900	-2 281	-4 206	-3 926	-3 425	-3 558	-3 844	-6 562
12.	Mangystau			11 150			-1 060	-1 254		-1 931	-3 324
13.	Pavlodar	-3 363	-3 350	-2 449		-1 665	-1 913	-2 604	-2 357	-2 365	-4 744
14.	North Kazakhstan	-8 416	-6 762	-6 364	-4 991	-5 755	-5 051	-4 948	-4 597	-4 103	-6 395
15.	Turkistan	-13 611	-21 539	-20 574	-26 062	-16 632	-19 132	-23 437	-15 270	-19 771	-29 243
16.	Ulytau	-401	-879	-600	7	-654	-658	-654	-722	-800	-1 134
17.	East Kazakhstan	-4 006	-4 186	-7 252	-5 394	-5 754	-4 192	-4 536	-3 323	-3 667	-4 716

Note. The table is compiled in accordance with the information provided by the Statistical Bureau of the Republic of Kazakhstan [13].

According to data for 2015-2024, the Zhambyl and Turkestan regions have high rates of rural migration according to national records. Between 13,000 and 29,000 residents moved away from villages in the Turkestan region each year. In subsequent years, an average of 5,000 rural residents moved from the Akmola, Aktobe, Kostanay, North and West Kazakhstan, Kyzylorda,

Zhetysu and Abai regions. The volume of ‘net migration across all flows’ of the rural population of the Republic of Kazakhstan for 2015-2024 is presented in Figure 1 below.

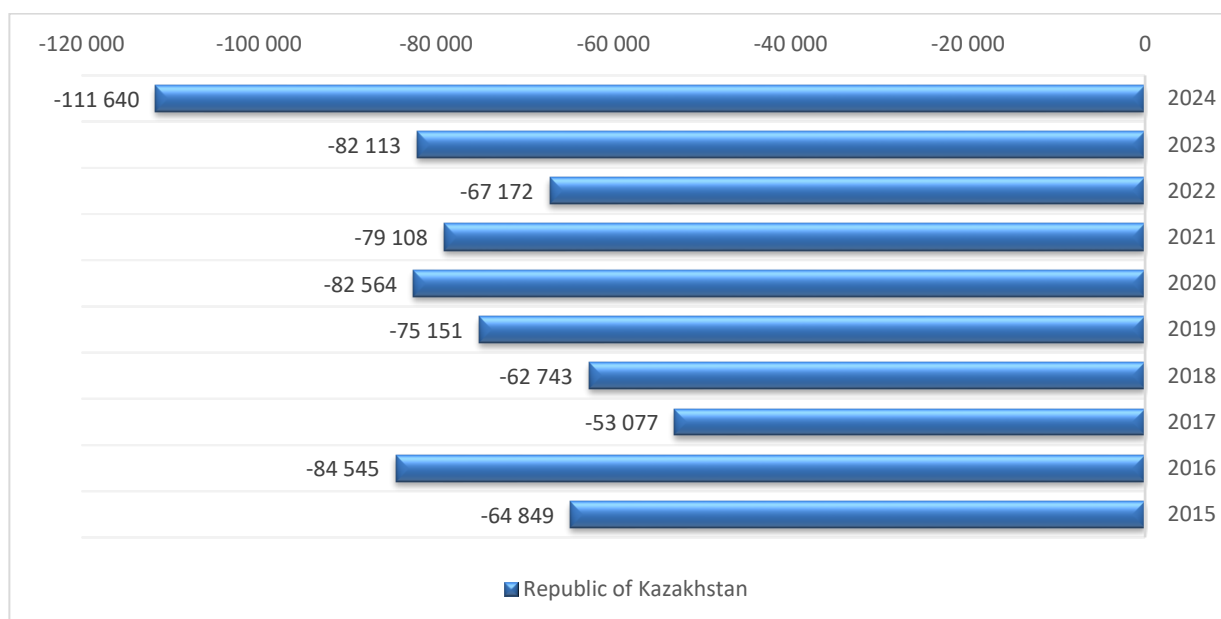

Figure 1 - Volume of net migration across all flows of the rural population of the Republic of Kazakhstan for 2015-2024 (people).

Note. The figure is compiled in accordance with the information provided by the Statistical Bureau of the Republic of Kazakhstan [13].

Today, the main reasons for rural migration to cities in Kazakhstan are unemployment and low wages. Wages for agricultural workers are 60% of the average wage across all sectors of the economy. For this reason, agriculture ranks relatively low in terms of wage levels and is half the per capita income of urban residents. According to data from the United Nations Industrial and Agricultural Organisation, most of the population living in poverty resides in rural areas and uses their farms near their homes for sustenance.

According to statistics, 7.6 million people live in villages in Kazakhstan, and more than half of them are of working age. According to information from the Statistical Bureau of Kazakhstan, the number of people employed in the category ‘agriculture, forestry and fisheries’ related to agriculture is only 1 million. Table 2 shows the number of people employed in ‘agriculture, forestry and fisheries’ for 2020-2024, according to information from the Statistical Office of the Republic of Kazakhstan.

Table 2 - Population of the Republic of Kazakhstan employed in ‘agriculture, forestry and fisheries’ in 2020-2024 (people).

№	Region	2020	2021	2022	2023	2024
	Republic of Kazakhstan	1.175.118	1.176.382	1.108.900	1.078.720	1.027.851
1.	Akmola	115.298	113.989	105.858	103.252	89.489
2.	Aktobe	33.404	33.379	30.738	34.061	31.198
3.	Almaty	201.327	199.961	124.409	127.427	129.266
4.	Atyrau	8.031	8.165	8.198	8.346	8.737
5.	West Kazakhstan	49.195	49.108	47.321	46.176	45.381
6.	Zhambyl	139.409	135.938	140.217	139.304	139.572
7.	Karaganda	37.313	35.747	24.421	37.994	29.366

№	Region	2020	2021	2022	2023	2024
	Republic of Kazakhstan	1.175.118	1.176.382	1.108.900	1.078.720	1.027.851
8.	Kostanay	117.412	120.657	107.367	101.090	87.175
9.	Kyzylorda	28.526	29.364	27.291	26.939	26.773
10.	Mangystau	2.775	4.392	2.909	3.596	4.634
11.	Pavlodar	62.860	61.363	61.379	60.782	60.621
12.	North Kazakhstan	86.087	84.381	78.745	74.406	64.285
13.	East Kazakhstan	102.525	101.600	47.533	38.196	34.962
14.	Astana (city)	3.423	3.725	4.454	5.005	5.128
15.	Almaty (city)	3.112	3.652	3.858	3.272	4.988
16.	Shymkent (city)	6.779	6.411	6.600	7.780	7.871
17.	Turkistan	177.642	184.550	177.857	187.705	188.692
18.	Zhetysu			62.455	40.321	34.731
19.	Ulytau			3.697	5.059	3.340
20.	Abai			43.593	28.009	31.642

Note. The table is compiled in accordance with the information provided by the Statistical Bureau of the Republic of Kazakhstan [14].

Of the working-age population in Kazakhstan's villages, 100,000-150,000 people held administrative rural positions, including teachers and support staff in schools, veterinarians and local police officers. Another 500,000 people were engaged in unstable seasonal work. This means that 1.7 million rural residents are employed, while 2 million of the 3.8 million working-age population are unemployed. Consequently, this means that these residents have no pension savings. Between 2015 and 2024, the number of citizens employed in agriculture in Kazakhstan fell from 1,362,943 to 1,027,851. Over the past 10 years, the agricultural sector has lost 335,000 jobs. Accordingly, every year 35,000 people changed their agriculture-related activities to another industry. Figure 2 below shows the dynamics of employment of citizens of the Republic of Kazakhstan in 'agriculture, forestry and fisheries' for 2015-2024.

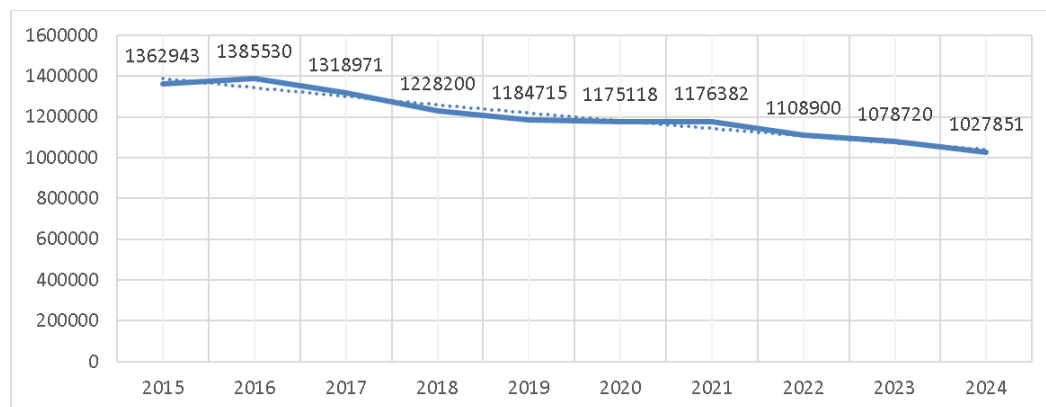

Figure 2 – Dynamics of employment in 'agriculture, forestry and fisheries' in the Republic of Kazakhstan in 2015-2024 (persons)

At the beginning of 2025, the urban population of Kazakhstan was 12,773,115, while the rural population was 7,510,284. This means that the urban population is twice as large as the rural population. The migration of young people from villages to cities is due to a lack of investment in villages, poor infrastructure and the inaccessibility of new technologies for young people. According to global experience, villages have served as a reservoir for supplying cities with agricultural products, young people and unskilled labour. However, according to Japanese experience, the mass migration of young people from villages will reduce the birth rate in villages in the future and lead to only elderly people

remaining in villages. Villages deprived of young people of working age are disappearing. Migration in Kazakhstan also reflects the characteristics of this process. There is a high rate of young people and young families leaving, moving from rural areas to cities, and abroad in search of work. Accordingly, the demand for education and services in these areas will decline, investment attractiveness will decrease, and the basis for infrastructure development will diminish.

Nevertheless, according to the results of a study conducted by the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan in 2025, 88.8% of the rural population stated that they do not plan to move to the city. The results of a survey of 1,200 respondents showed that 12% of residents expressed interest in moving to the city, to another area, or abroad. Young people and young families cited the lack of prospects for themselves and their children in rural areas as reasons for moving to the city. In addition, characteristics such as obtaining high-paying jobs and quality education for children reflect the socio-economic background of migration [15].

Conclusion

Migration can be considered as one of the ways to restore rural areas. The land adjacent to cities around the world is equal to 2 percent, and the number of poor residents in cities exceeds 1 billion. Due to the annual increase in the level of urbanization, the number of cases of homelessness, lack of infrastructure, delinquency, and unemployment is increasing [16].

Problems in rural areas also include an increase in the number of socially vulnerable segments of the population, low living standards, single people and families who are waiting for their children to graduate from school. Also among the vulnerable segments of the village's population are Russians and other ethnic groups whose children have returned to their historical homeland. Able-bodied youth move to Russia, while parents who receive a stable pension live in Kazakhstan. The lack of jobs in rural areas is one of the reasons why young people move to cities. Accordingly, there are many middle-aged residents in the villages [2].

There is an obvious link between the number of migrants from rural areas of the Republic of Kazakhstan and a decrease in the number of people employed in "agriculture, forestry and fisheries". Because most of those employed in agriculture live in rural areas. They produce meat, milk, eggs, fruits, vegetables, and whole grains on their farm and use them daily as food. There are several effective characteristics of living in rural areas and those employed in agriculture. Rural residents provide themselves and other citizens of the Republic with agricultural products. Secondly, as producers of agricultural products and as citizens engaged in this field, they can reimburse pension contributions and insurance services, as well as independently pay wages on behalf of the peasant farm.

It can be noted that the relocation of rural residents to the city leads to several socio-economic problems. The number of rural people employed in agriculture is decreasing. Agricultural production volumes will decrease in the Republic. The fact that many of those who move from the countryside to the city live in rented apartments has a negative impact on their quality of life in the city. As a rule, the status of those employed in agriculture changes to hired or seasonal workers associated with moving to the city. Using the example of Kazakhstan, the provision of subsidies on a permanent basis to rural farms, the provision of high-quality education and effective leisure activities for young people is a prerequisite for the population to live in rural areas. If we consider the impact of migration processes on the development of agriculture and rural areas in international practice, then in some countries, empty villages are replenished by foreign migrants. And in some countries, you can see that villages have disappeared from the surface of the map, and only farms are located in remote areas.

At the same time, given that the territory of the Republic of Kazakhstan is vast and the population is small, there is a need for the development of villages or small towns. This is due to the fact that if the entire population moves from villages to large cities, the territory of the state risks emptying, and this fact is detrimental to national security. According to the study of the article, the impact of migration processes on the development of agriculture and rural areas can be drawn several conclusions. Agricultural workers are provided by the rural population in some countries, and in some by foreign and domestic migrants doing seasonal work. With a small and densely populated territory

of the state, agriculture usually uses the labor of migrants and seasonal workers who have the opportunity to travel to work from the city on a daily basis. And in the practice of states with large and sparsely populated territories, the development of rural settlements and small towns is necessary not only for agricultural production, but also for the national security of the state.

Funding Information

Acknowledgement of the EU funding is mandatory in all publications: “This publication has received funding from the European Union’s Horizon Europe research and innovation programme under the Marie Skłodowska-Curie grant agreement No 101130177 project “MARS: Non-Western Migration Regimes in a Global Perspective”

LITERATURE:

- 1 Kalantaryan S., Scipioni M., Natale F., Alessandrini A. Immigration and integration in rural areas and the agricultural sector: An EU perspective // *Journal of Rural Studies*. – 2021. – Vol. 88. – P. 462–472. – DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.04.017.
- 2 Serikqyzy E. Qazaqtyñ qalağa köşui: qaper men qater // *Egemen Qazaqstan*. – 21.02.2020. – (qaz.). – URL: <https://egemen.kz/article/221756-qazaqtynh-qalagha-koshui-qaper-men-qater>
- 3 Saini S., Burman R. R., Padaria R. N., Mahra G. S., Bishnoi S., Padhan S. R., Mallick S., Mukherjee S. Agriculture driven rural-to-urban migration trends among farmers impacting urban policy development in Northern India // *Cities*. – 2025. – Vol. 162. – Article 105960. – DOI: 10.1016/j.cities.2025.105960.
- 4 Cai S., Zimmermann K.F. Social identity and labor market outcomes of internal migrant workers // *European Economic Review*. – 2024. – Vol. 163. – Article 104676. – DOI: 10.1016/j.euroecorev.2024.104676.
- 5 Collantes F., Pinilla V. Extreme depopulation in the Spanish rural mountain areas: A case study of Aragon // *Population, Space and Place*. – 2014. – Vol. 20. – P. 203–223.
- 6 Hedberg C., Haandrikman K. Rural-urban migration and social networks in Sweden // *Journal of Rural Studies*. – 2014. – Vol. 35. – P. 45–55.
- 7 Shubin S., Dickey H. Integration and mobility of Eastern European migrants in Scotland // *Environment and Planning A: Economy and Space*. – 2013. – Vol. 45, No. 12. – P. 2959–2979. – DOI: 10.1068/a45533.
- 8 Aure M., Førde A., Magnussen T. Will migrant workers rescue rural regions? Challenges of creating stability through mobility // *Journal of Rural Studies*. – 2018. – Vol. 60. – P. 52–59. – DOI: 10.1016/j.jrurstud.2018.03.005.
- 9 Zhang Y., Yasin S.M., Sun L. The implications of urban-to-rural migration on rural development: A systematic literature review // *GeoJournal*. – 2025. – Vol. 90. – Article 97.
- 10 Kartseva M.A., Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis // *The Russian Peasant Studies*. – 2024. – Vol. 9, No. 2. – P. 153–179. – DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179.
- 11 Karabchuk T., Salnikova D. The economic impact of migration in the Russian Federation: Taxation of migrant workers // *Asia-Pacific Population Journal*. – 2017. – Vol. 32, No. 2. – P. 137–171. – DOI: 10.18356/839a8861-en.
- 12 Administrative-territorial units of the Republic of Kazakhstan (as of January 1, 2024). – Bureau of National Statistics. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/industries/social-statistics/demography/publications/118368/>
- 13 The migration of the population of the Republic of Kazakhstan (January–September 2025) // Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. – Astana: Bureau of National Statistics, 2025. – URL: <https://stat.gov.kz/industries/social-statistics/demography/publications/460838/>
- 14 Employment: agriculture, forestry & fishery (2010–2024) // Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan (via CEIC). – URL: <https://www.ceicdata.com/en/kazakhstan/employment-by-industry-and-type/employment-agriculture-forestry--fishery>
- 15 Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. Три четверти опрошенных сельчан не планируют переезд в столицу и города – КИСИ представил данные соцопроса // *KISI.kz*. – 15.04.2025. – URL: <https://kisi.kz/ru/tri-chetverti-oproshennyh-selchan-ne-planirujut-pereezd-v-stolichu-i-goroda-kisi-predstavil-dannye-sochoprosa/>
- 16 Stockdale A. Migration: Pre-Requisite for Rural Economic Regeneration? // *Journal of Rural Studies*. – 2006. – Vol. 22, No. 3. – P. 354–366. – DOI: 10.1016/j.jrurstud.2005.11.001.

REFERENCES:

- 1 Kalantaryan S., Scipioni M., Natale F., Alessandrini A. (2021). Immigration and integration in rural areas and the agricultural sector: An EU perspective. *Journal of Rural Studies*, vol. 88, pp. 462–472. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.04.017.

- 2 Serikqyzy E. (2020). Kazakhtyn qalaga koshui: qaper men qater [Urban Migration of Kazakhs: Awareness and Risks]. Egemen Kazakhstan - Sovereign Kazakhstan, February 21. Available at: <https://egemen.kz/article/221756-qazaqtynh-qalagha-koshui-qaper-men-qater>. (in Kazakh)
- 3 Saini S., Burman R.R., Padaria R.N., Mahra G.S., Bishnoi S., Padhan S.R., Mallick S., Mukherjee S. (2025). Agriculture driven rural-to-urban migration trends among farmers impacting urban policy development in Northern India. Cities, vol. 162, Article 105960. DOI: 10.1016/j.cities.2025.105960.
- 4 Cai S., Zimmermann K.F. (2024). Social identity and labor market outcomes of internal migrant workers. European Economic Review, vol. 163, Article 104676. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2024.104676.
- 5 Collantes F., Pinilla V. (2014). Extreme depopulation in the Spanish rural mountain areas: A case study of Aragon. Population, Space and Place, vol. 20, pp. 203–223.
- 6 Hedberg C., Haandrikman K. (2014). Rural-urban migration and social networks in Sweden. Journal of Rural Studies, vol. 35, pp. 45–55.
- 7 Shubin S., Dickey H. (2013). Integration and mobility of Eastern European migrants in Scotland. Environment and Planning A: Economy and Space, vol. 45, no. 12, pp. 2959–2979. DOI: 10.1068/a45533.
- 8 Aure M., Førde A., Magnussen T. (2018). Will migrant workers rescue rural regions? Challenges of creating stability through mobility. Journal of Rural Studies, vol. 60, pp. 52–59. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2018.03.005.
- 9 Zhang Y., Yasin S.M., Sun L. (2025). The implications of urban to rural migration on rural development: A systematic literature review. GeoJournal, vol. 90, Article 97.
- 10 Kartseva M.A., Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. (2024). Rural urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis. The Russian Peasant Studies, vol. 9, no. 2, pp. 153–179. DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179.
- 11 Karabchuk T., Salnikova D. (2017). The economic impact of migration in the Russian Federation: Taxation of migrant workers. Asia Pacific Population Journal, vol. 32, no. 2, pp. 137–171. DOI: 10.18356/839a8861-en.
- 12 Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. (2024). Administrative-territorial units of the Republic of Kazakhstan (as of January 1, 2024). Available at: <https://stat.gov.kz/industries/social-statistics/demography/publications/118368/>.
- 13 Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. (2025). The migration of the population of the Republic of Kazakhstan (January–September 2025). Astana. Available at: <https://stat.gov.kz/industries/social-statistics/demography/publications/460838/>.
- 14 Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan (via CEIC). (2024). Employment: agriculture, forestry & fishery (2010–2024). Available at: <https://www.ceicdata.com/en/kazakhstan/employment-by-industry-and-type/employment-agriculture-forestry--fishery>.
- 15 Kazhastanski institut strategicheskikh issledovani pri Prezidente Respubliki Kazahstan [Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan]. (2025). Tri chetverti oproshennykh selchan ne planiruiut pereezd v stolisu i goroda – KISI predstavil danye sosoprosa - Three quarters of surveyed rural residents do not plan to move to the capital and cities: KISI presents sociological survey data. KISI.kz, April 15. Available at: <https://kisi.kz/ru/tri-chetverti-oproshennykh-selchan-ne-planirujut-pereezd-v-stolichu-i-goroda-kisi-predstavil-dannye-sochoprosa/>. (in Russian)
- 16 Stockdale A. (2006). Migration: Pre-requisite for rural economic regeneration? Journal of Rural Studies, vol. 22, no. 3, pp. 354–366. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2005.11.001.

МИГРАЦИОННЫЕ УДЕЛИТЕЛЬНЫЕ АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ МЕН АУЫЛДЫҚ АУМАҚТАРДЫҢ ДАМУЫНА ӘСЕРІ

Эралиев Ш.¹, Тұрғамбекова Ж.Е.^{2*}, Нұрмуханқызы Д.²

¹ Лунд университеті, Швеция, Лунд қ.

² І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Қазақстан Республикасы, Талдықорған қ.

*e-mail: sherzod.eraliev@soclaw.lu.se, zhansayaturgambekova@gmail.com, daniyafmo@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада миграциялық үдерістердің ауылдық аумақтар мен ауыл шаруашылығының әлеуметтік-экономикалық дамуына әсері жан-жақты талданған. Зерттеу барысында ішкі және сыртқы миграцияның ауылдық жерлердегі еңбек ресурстарының құрылымына ықпалы қарастырылған. Қазақстан тәжірибесі көрсеткендей, ауыл тұрғындарының қалаларға жаппай көшуі еңбекке қабілетті халық санының қысқаруына, ауыл шаруашылығында жұмыспен қамтылғандар санының азаюына және бірқатар ауылдық елді мекендердің жойылуына алып келді. Мақалада ауыл шаруашылығында жұмыспен қамтылғандар санының динамикасына, ауыл шаруашылығы өндірісінің дамуына, ауылдан қалаға көші-қонның негізгі себептері мен салдарларына ерекше назар аударылған. Зерттеу әдістемесі статистикалық деректерді жинау және талдау, салыстырмалы талдау, жүйелі тәсіл, сондай-ақ әлеуметтік-экономикалық көрсеткіштерді бағалау әдістерін

қамтиды. Сонымен қатар ұлттық статистикалық органдардың деректері, ғылыми әдебиеттер мен салалық есептер негізінде кеішенді талдау жүргізілді. Зерттеу нәтижелері ауылдық аумақтар мен ауыл шаруашылығының тұрақты дамуын қолдауға бағытталған мемлекеттік саясатты жетілдірудің, сондай-ақ ішкі және сыртқы миграцияны тиімді реттеудің маңыздылығын көрсетеді. Алынған қорытындылар ауылдық аумақтардың әлеуметтік-экономикалық дамуын қамтамасыз ету және ауыл шаруашылығында тұрақтылықты нығайту тұрғысынан ғылыми және практикалық мәнге ие.

Кілт сөздер: миграция, ауыл, ауыл тұрғындары, ауыл шаруашылығы, урбанизация, еңбек ресурстары.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Эралиев Ш.¹, Тургамбекова Ж.Е.^{2*}, Нұрмуханқызы Д.²

¹ Лунд университет, Швеция, г. Лунд

² Жетысуский университет имени И. Жансугурова, Республика Казахстан, г. Талдықорган
*e-mail: sherzod.eraliev@soclaw.lu.se, zhansayaturgambekova@gmail.com, daniyafmo@gmail.com

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие сельских территорий и сельского хозяйства. В исследовании рассматривается воздействие внешней и внутренней миграции на структуру трудовых ресурсов в сельской местности. Опыт Республики Казахстан показывает, что миграция сельского населения в города привела к сокращению численности трудоспособного населения, снижению количества занятых в сельском хозяйстве и исчезновению сельских населённых пунктов. В статье особое внимание уделено динамике численности занятых в сельском хозяйстве, объёмам сельскохозяйственного производства, проблемам массовой миграции из сельской местности в города, а также причинам, обуславливающим данные процессы. Методология исследования включает сбор и анализ статистических данных, сравнительный анализ полученных результатов, системный подход и методы оценки социально-экономических показателей. Кроме того, проведён комплексный анализ на основе данных национальных статистических органов, научной литературы и отраслевых отчётов. Результаты исследования подчёркивают важность совершенствования государственной политики, направленной на устойчивое развитие и поддержку сельских территорий и сельского хозяйства, а также на эффективное регулирование внутренних и внешних миграционных процессов. Представленные в работе выводы имеют научную и практическую значимость для социально-экономического развития сельских территорий и обеспечения устойчивости аграрного сектора.

Ключевые слова: миграция, село, сельское население, сельское хозяйство, урбанизация, трудовые ресурсы.

Information about authors:

Eraliev Sherzod – PhD, professor, Lund University (Sweden, Lund, e-mail: sherzod.eraliev@soclaw.lu.se, ORCID: 0000-0001-7766-0961)

Turgambekova Zhansaya* – PhD, Zhetysu University named after I. Zhansugurov (Kazakhstan, Taldykorgan, e-mail: zhansayaturgambekova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1254-4561).

Daniya Nurmukhankyzy, PhD, Associate Professor, Zhetysu University named after Ilyas Zhansugurov (Kazakhstan, Taldykorgan, e-mail: daniyafmo@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3817-1975).

Авторлар туралы мәліметтер:

Эралиев Шерзод – PhD, профессор, Лунд университеті (Швеция, Лунд қ., e-mail: sherzod.eraliev@soclaw.lu.se, ORCID: 0000-0001-7766-0961)

Тұрғамбекова Жансая Ержанқызы* – PhD, I. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті (Қазақстан, Талдықорған қ., e-mail: zhansayaturgambekova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1254-4561).

Нұрмуханқызы Дания PhD - қауымдастырылған профессор, Ілияс Жансүгіров атындағы Жетісу университеті (Қазақстан, Талдықорған қ., e-mail: daniyafmo@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3817-1975).

Сведения об авторах:

Эралиев Шерзод – PhD, профессор, Лундский университет (г. Лунд, Швеция, e-mail: sherzod.eraliev@soclaw.lu.se, ORCID: 0000-0001-7766-0961)

Тургамбекова Жансая Ержанқызы* – PhD, Жетысуский университет имени И. Жансугурова (Казахстан, г. Талдықорган, e-mail: zhansayaturgambekova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1254-4561).

Нұрмуханқызы Дания - PhD, ассоциированный профессор, Жетысуский университет имени И. Жансугурова (Казахстан, г. Талдықорган, e-mail: daniyafmo@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3817-1975).

EVOLUTION OF THE ADMINISTRATIVE LIABILITY REGIME IN KAZAKHSTAN'S GAMBLING SECTOR

Khamzina Zh.

Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems,
Republic of Kazakhstan, Uralsk
*e-mail: 292803@mail.ru

Abstract. This article reconstructs changes in administrative liability for gambling-related offenses in Kazakhstan, 2010-2025. Using official annual statistics (Form No. 1-AD and Form 1-AP (court)), it compares two codification periods: the 2001 Code of Administrative Offenses (Articles 338 and 338-1) and the 2014 Code of Administrative Offenses (Articles 444 and 445). The statistics are read as measures of enforcement throughput and configuration, from detection and legal qualification to judicial review and execution, rather than as a prevalence proxy. Methods combine formal legal and comparative reading of statutory provisions with descriptive time series analysis, computation of shares, mean fines, and payment and collection ratios, plus structural decomposition of trend changes. A 2025 check sample assesses temporal stability. Results show a durable shift from organizational and market-oriented control to behavioral enforcement. During 2010-2014, the recorded caseload fell from 283 to 79 (72.1 percent), almost entirely due to decline in the business-oriented Article 338-1; Article 338 remained comparatively stable and its share rose abruptly in 2013. During 2015-2025, the judicial stream is dominated by Article 444, while Article 445 remains sporadic. Sanctioning moved from an arrest-centered pattern under Article 338 and a fine plus confiscation pattern under Article 338-1 to a fine-centered pattern under Article 444, with less consistent confiscation after 2018 and wide variation in voluntary payment. In 2025, case consolidation covered 73.4 percent of Article 444 materials and terminations remained common. The findings separate statutory severity from enforcement severity: deterrent capacity depends on evidentiary feasibility, procedural screening, and collection of pecuniary penalties.

Keywords: administrative liability, gambling regulation, Code of Administrative Offenses of Kazakhstan, sanctioning model, confiscation, judicial statistics, enforcement.

Introduction

Administrative regulation of the gambling sector in Kazakhstan has long combined permissive and prohibitive elements. The governing statute [1] permits the lawful organization of gambling subject to strict conditions while simultaneously targeting the illegal segment that is associated with financial risks, the involvement of socially vulnerable groups, and threats to public order. Within this design, administrative liability performs a dual function: it supports prompt interdiction of unlawful gambling episodes involving individuals and it disciplines organizers and infrastructure through the enforcement of mandatory requirements. Yet how this two-track model operates in practice, and how stable its outcomes are, remains insufficiently documented using long-run statistical evidence.

Three developments motivate the analysis. First, the shift from the 2001 Code of Administrative Offenses to the 2014 Code altered substantive constructions and procedural organization. Second, gambling has migrated toward digitized, mobile channels, increasing the weight of evidentiary standards and interagency coordination. Third, sanction design should align with practical operability and collection. For legal policy, it matters which prohibitions regularly become cases and rulings and which remain largely declarative.

The core research problem is the potential divergence between the normative design of differentiated regulatory impact on participants and organizers, that is, the behavioral track and the organizational and market-level track, and the empirical configuration of enforcement recorded in official statistics. Scholarship on gambling, both domestic and international, is rich in sociological and psychological research on motivations and harms, as well as analyses of regulatory models for gambling markets. Empirically validated reconstructions of enforcement regimes that rely on long statistical series and explicitly account for codification transitions remain comparatively rare. This gap separates discussions of regulatory effectiveness from analyses of how the judicial and administrative mechanism of liability operates within a specific jurisdiction.

The article aims to reconstruct the dynamics and structural parameters of administrative liability in Kazakhstan's gambling sector, 2010-2025, using official statistics and functionally comparable offenses across two normative periods (Articles 338 and 338-1 of the 2001 Code; Articles 444 and 445 of the 2014 Code). It examines changes in the balance between behavioral and organizational or market-oriented offenses; the evolution of sanctions (types of penalties, confiscation, fine levels); procedural and execution capacity (terminations, deadlines, fine payment and collection); and the subject profile of liability. Methodologically, the statistics are not used as a direct prevalence measure; they are read as traces of the enforcement pathway, where substantive provisions, evidentiary standards, jurisdiction, and procedural technology filter cases from intake to disposition.

The empirical contribution lies in integrating two institutionally distinct datasets, administrative reporting and judicial statistics, into one analytic design and extending the judicial series through 2025. The added year enables a stability check and reveals further procedural effects, especially large-scale consolidation of case materials. The theoretical legal contribution is an explicit separation of the severity of the statutory rule from the severity of the enforcement regime: sanctioning capacity does not translate automatically into judicial enforceability or deterrent potential, which depend on evidentiary feasibility, procedural screening, and execution of penalties.

The literature relevant to administrative liability for gambling-related offenses sits at the intersection of three bodies of scholarship: interdisciplinary gambling studies, including sociology, economics, and public health, which analyze the commercialization and digitization of gambling practices; research on regulatory design and enforcement, which explains the choice of regulatory instruments and the architecture of compliance; and comparative and regional legal studies of post-Soviet jurisdictions, which document trajectories of permissive and prohibitive regimes. Unlike studies that seek to estimate consumption levels or the prevalence of gambling disorder, this review prioritizes work that supports interpretation of judicial and administrative statistics as metrics of the configuration of an enforcement pathway, including throughput capacity, procedural filters, and sanctioning profiles.

A distinct line of research addresses digitization and the cross border character of online gambling. Studies of internet gambling regulation argue that venue based control gives way to control of flows, including identification of players, payments, and digital traces; performance depends on a mix of legal tools, technological barriers, and coordination with the financial sector [2]. Comparative policy analysis likewise suggests that the durability of access controls depends on how legal prohibitions, licensing conditions, and technological enforcement mechanisms are combined [3]. European debates on channeling show that demand redirection into regulated zones varies over time and relates only ambiguously to tax rates, complicating simple fiscal narratives [4]. For Kazakhstan, these studies provide a theoretical reminder that enforcement statistics mainly reflect how access and exit channels operate, not the true prevalence of gambling practices.

Legal scholarship on the institutional design of gambling markets generally assumes that core regulatory objectives, including preventing crime and fraud, protecting consumers, ensuring game integrity, and controlling financial flows, can be pursued through different legal families and regulatory models. Comparative studies show that licensing, concession, and monopoly structures distribute regulatory risks differently between the state and operators but converge on the need for a stable compliance regime and credible sanctioning of violations [5]. From this perspective, administrative offenses are not a mere supplement to civil, tax, or financial oversight; they constitute an independent mechanism for enforcing mandatory requirements, particularly with respect to access to gambling, advertising, territorial restrictions, identification, and the recording of bets. Empirical analysis of offense provisions in the Code of Administrative Offenses therefore should consider not only the textual scope of statutory prohibitions but also which regulatory objectives are actually supported through enforcement practice.

Regulation and enforcement theory offers tools for explaining why some offense provisions become routine enforcement channels while others remain statistically marginal. Responsive regulation treats enforcement as a graduated regime in which compliance oriented

tools are backed by escalation to sanctions [6, 7]. Work in public policy and regulation argues that such regimes rely on supervisory capacity, evidentiary quality, procedural predictability, and coherence of norms, not only on statutory penalty levels [8]. Critiques of state centered regulation add that control is often distributed across state agencies, markets, and civil society, which complicates attribution of outcomes to a single actor [9].

Regulatory and enforcement theory provides conceptual structures for explaining why some offense provisions are frequently applied while others remain statistically marginal. In the classic model of responsive regulation, enforcement is conceptualized as a graduated regime in which softer instruments of compliance and persuasion are supported by the possibility of escalating sanctions along a pyramid of enforcement [6, 7]. For a canonical exposition, see Ayres and Braithwaite [6]. Scholarship in regulation and public policy notes that the effectiveness of such regimes depends not only on formal sanction severity but also on institutional supervisory capacity, evidentiary quality, procedural predictability, and the coherence of legal rules [8]. Critiques of state-centered models supplement this view with the claim that control is deconcentrated, and that much of the regulatory effect is produced through interactions among state institutions, markets, and society. For liability statistics, this implies a need to account for multiple actors, including courts, police, financial intermediaries, and operators, and for heterogeneity in their incentives [9].

Methodological work warns against treating official enforcement statistics as proxy measures of a social phenomenon. In studies of online gambling and other digital markets, administrative flows reflect control priorities, evidentiary availability, and organizational ability to bring materials to a stable decision [2]. Observed year-to-year change in case counts may reflect shifts in detection technology, bureaucratic priorities, or judicial standards, rather than shifts in gambling behavior. This motivates a distinction between gambling demand and supply as a social process and the enforcement system's throughput, which is what the statistics capture. The present study operates at the second level.

Methodological scholarship likewise cautions against using official enforcement statistics as simple proxy metrics of underlying social phenomena. Studies of internet gambling regulation and other digital markets stress that administrative case flows depend on enforcement priorities, evidentiary availability, and organizational capacity to carry cases to stable decisions [2]. Observed changes in case counts may therefore reflect shifts in detection technologies, agency priorities, and judicial standards rather than changes in population behavior. This motivates a distinction between gambling demand and supply as social phenomena and the throughput of the enforcement pathway captured in statistics. The present study operates at the latter level.

English-language regional research on the post-Soviet space notes that permissive and prohibitive strategies can generate hybrid markets and incentivize migration of gambling practices into gray forms. A comparative overview of legal regulation across former USSR countries prepared for an international audience documents substantial variation in licensing, taxation, and territorial restriction regimes and shows that gambling law has historically been unstable and sensitive to political and moral argumentation [10]. Research on the Russian Federation shows that a sequence of reforms beginning in 2006 produced a tightly constrained but gradually expanding market in which legal gambling zones, the betting segment, and offshore channels coexist. These studies also highlight a pronounced gap between normative rigidity and actual patterns of consumption and enforcement [11]. For Kazakhstan, this context provides a comparative backdrop that situates changes in the Code of Administrative Offenses within a regional pattern of regulatory volatility, in which administrative liability becomes a primary instrument for flexible market governance.

The relevant literature is shaped at the intersection of three bodies of work: (1) interdisciplinary gambling studies (sociology, economics, public health) examining commercialization and digitization of gambling practices; (2) work on regulatory instrument choice and enforcement architecture; and (3) comparative legal and regional studies of post Soviet jurisdictions describing trajectories of permissive and prohibitive regimes. Unlike work that estimates prevalence or addiction rates, this section focuses on literature that helps interpret judicial and administrative statistics as measures of regulatory throughput, procedural screening, and sanctioning patterns.

In sum, despite the breadth of the global literature on gambling regulation, an analytic gap persists at the intersection of statistical evidence and the legal construction of administrative offenses. First, relatively few studies examine, over long horizons, how legal reforms correspond to changes in enforcement profiles, including subject structure, sanctions, terminations, and fine execution. Second, procedural mechanisms through which enforcement adapts to workload, including consolidation of case materials, reclassification into other provisions, and shifts into nonjudicial channels, are insufficiently studied. Third, in the Kazakhstani context, there has been no sustained analysis of the statistically observable divergence between behavioral and organizational and market-level tracks of liability. The present study addresses this gap by combining functional comparison of provisions across two codifications, the 2001 and 2014 Codes of Administrative Offenses, with systematic analysis of annual official judicial and administrative reporting forms. This approach treats administrative liability not only as statutory text but also as a technology of decision production that can be measured through the judicial track.

Materials and Methods

The study uses a normative empirical design to reconstruct the enforcement regime for gambling-related administrative offenses in Kazakhstan, 2010-2025. It distinguishes the observed object, the enforcement stream captured in administrative and judicial statistics, from the regulated object, gambling as a social practice. Aggregate statistics are treated not as prevalence measures but as outputs of enforcement throughput and configuration, from detection and legal qualification to judicial review and execution of sanctions.

The analysis addresses three linked questions: how the balance between behavioral and organizational or market-oriented offenses shifted with the move from the 2001 Code to the 2014 Code; how sanctions, terminations, and fine payment or collection ratios changed over time; and how institutional conditions, including jurisdiction, deadlines, evidentiary feasibility, and consolidation of materials, shape the gap between incoming cases and dispositions. The working hypothesis holds that organizational or market-oriented offenses carry higher evidentiary burdens and therefore appear less frequently in the judicial stream and produce less stable outcomes than behavioral offenses.

The study proceeded in four steps: (1) reconstruction of the relevant offense provisions, sanction ranges, and procedural parameters; (2) construction of comparable time series by period and harmonization of variables; (3) computation of derived statistics, including shares, ratios, and mean fines, plus identification of structural shifts; and (4) institutional interpretation of the series in light of limits of statistical observability. A late check sample for 2025 served to assess temporal continuity and to capture changes in court processing, especially consolidation of materials.

Legal sources reflect the codification change. For 2010-2014, the analysis relies on the 2001 Code of Administrative Offenses, in which gambling-related prohibitions relevant here were concentrated in Articles 338 and 338-1. For 2015-2025, it uses the 2014 Code of Administrative Offenses, in current versions, with functionally comparable liabilities in Articles 444 and 445. The study compares these provisions by function rather than by textual identity, focusing on protected interests and addressees: (a) a behavioral stream, participation in, involvement in, or admission to gambling; and (b) an organizational or market-oriented stream, breach of mandatory requirements governing gambling operations, infrastructure, and operating conditions. This distinction guides interpretation of the statistics because it is associated with different evidentiary burdens and procedural profiles. Behavioral provisions (Article 338 of the 2001 Code; Article 444 of the 2014 Code) are multi component and can merge legally heterogeneous fact patterns in aggregated reporting. Organizational or market-oriented provisions (Article 338-1 and Article 445) are blanket norms whose content depends on gambling legislation, primarily the Law of the Republic of Kazakhstan On Gambling Business, and subordinate acts establishing mandatory requirements. Their blanket structure can raise the procedural cost of production because stable judicial outcomes require both factual proof and correct linkage to a specific mandatory requirement, along with proof of actor status and procedural compliance.

The empirical base consists of official annual statistical reporting forms capturing the movement of administrative cases and their disposition outcomes [12, 13]. For 2010-2014, the study uses administrative statistics (Form No. 1-AD) for Articles 338 and 338-1 of the 2001 Code. For 2015-2025, it uses judicial statistics (Form 1-AP (court), consolidated reports of first-instance courts nationwide) for Articles 444 and 445 of the 2014 Code. Because these sources pertain to different institutional tracks, administrative and judicial, the comparison is not treated as a continuous count of offenses across time. Instead, it is used to identify stable structural regularities, including the balance between provisions, patterns of outcomes, sanctioning profiles, and metrics of execution. The formalization of judicial statistical reporting and the rules for its compilation are established by the Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan dated June 22, 2021, No. 92 [14].

Units of analysis are annual aggregated counts of cases and persons as reported in the statistical forms. Derived measures include offense shares within the total caseload and decomposition of each offense contribution to total change. Sanctioning analysis uses distributions of primary sanctions and supplementary measures, including confiscation, plus total fines and mean fines (total amount divided by the number of fine outcomes). Execution is approximated by payment and collection ratios (paid or collected amount divided by imposed amount). Procedural analysis uses termination rates and, where available, late processing rates. In 2025, consolidation of materials required separate attention because it alters the relation between filings and adjudications. Monetary values are examined in nominal tenge with a caveat: fines are normatively linked to the monthly calculation index, so year-to-year comparisons in tenge partly incorporate indexation.

The methodological toolkit combined formal legal analysis, including analysis of offense definitions, sanction provisions, qualifying features, and procedural architecture; comparative legal analysis, comparing the functional logic of the 2001 and 2014 Codes for equivalent tracks of liability; descriptive statistical analysis, including time series, shares, coefficients, and mean values; structural decomposition of trends to assess the contribution of provisions and regime shifts; and an institutional interpretation of statistics as metrics of how the enforcement system operates. Reliability was supported by internal consistency checks for annual case flow balances, including the relationship between beginning stock, new filings, adjudications, and end stock, and by comparing inflow and outflow metrics within each reporting year.

Results and discussion

The datasets analyzed represent two institutionally distinct tracks of administrative liability. For 2010-2014, the study draws on administrative statistics (Form No. 1-AD) for Articles 338 and 338-1. For 2015-2025, it draws on judicial statistics (Form 1-AP (court), consolidated reports of first-instance courts nationwide) for Articles 444 and 445 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan. Because the sources differ institutionally, the comparison is not a continuous count of cases across the entire period. Instead, it is used to identify stable structural regularities in enforcement because both time blocks capture functionally comparable pairs of provisions: a behavioral provision, concerning participation, involvement, and allowing access to gambling, and an organizational and market-level provision, concerning violations of mandatory requirements applicable to gambling business.

From 2010 to 2014, the total number of recorded cases under Articles 338 and 338-1 declined sharply, from 283 in 2010 to 79 in 2014, a 72.1 percent decrease. The legal import of this trend lies less in its magnitude than in its structure. The decline is driven almost entirely by the business-oriented Article 338-1, which fell from 232 to 35, an 84.9 percent decrease, while Article 338 remained comparatively stable, declining from 51 to 44, a 13.7 percent decrease. Decomposing the overall reduction of 204 cases shows that approximately 96.6 percent of the decline is attributable to Article 338-1 and only about 3.4 percent to Article 338. This pattern suggests that the contraction should not be interpreted as direct evidence of a reduction in gambling practices. Rather, it shows a decline in enforcement activity or enforcement success for provisions aimed at infrastructure and organizational forms of gambling activity. The observed dynamics therefore primarily reflect institutional parameters

of control, including detection capacity, evidentiary standards, and procedural filters, rather than the prevalence of behavioral involvement in gambling.

The structural reconfiguration in 2010-2014 is discontinuous and concentrates in 2013. The share of Article 338 within the total series increased from 11.2 percent in 2012 to 47.3 percent in 2013, an increase of 36.1 percentage points, accompanied by a corresponding decline in the share of Article 338-1. On average, Article 338 accounted for approximately 12.6 percent of cases in 2010-2012 and approximately 51.5 percent in 2013-2014. In legal terms, this shows a shift in the enforcement regime from dominance of the organizational and market-level provision, Article 338-1, to dominance of the behavioral provision, Article 338. The nonlinearity of the series, including the dip in 2011 and the return to higher values in 2012, strengthens the methodological requirement for caution because annual fluctuations may reflect changes in registration and detection practices. The 2013 structural break, however, remains analytically salient because it is expressed primarily as a change in the relative balance between provisions, that is, as a change in the classificatory lens through which enforcement activity is channeled.

Judicial statistics for 2015-2020 under Articles 444 and 445 show not merely an asymmetry but an effective institutional monopolization of the judicial track by the behavioral provision. Over this period, courts received 148 cases under Article 444 and 29 cases under Article 445; Article 444 therefore accounted for 83.6 percent of incoming cases. After 2016, the asymmetry becomes persistent: in 2017-2020, the share of Article 444 among incoming cases exceeded 90 percent and reached 100 percent in 2020, while Article 445 almost disappears from the judicial flow. Extending the empirical base through 2021-2024 does not change the basic configuration but clarifies its dynamics. For Article 444, courts received 21, 13, 15, and 26 cases in 2021-2024, respectively, for a total of 75. For Article 445, incoming cases were 0, 9, 1, and 1, respectively, for a total of 11.

For Article 445, a year-to-year carryover effect is evident. In 2022, courts received nine cases, adjudicated six, and carried three forward as end-of-year stock. In 2023, courts received one new case but adjudicated four, drawing on the prior-year stock, and all four were resolved through decisions imposing administrative penalties. The resulting flow for Article 445 as a result takes the form of episodic waves rather than a stable series. The 2025 validation snapshot again supports the dominance of Article 444 while revealing a different processing technology. With total movement of 207 Article 444 cases, including one case in beginning stock and 206 newly received, courts adjudicated 42 cases; 152 case materials, or 73.4 percent of total movement, were resolved through procedural consolidation; and end-of-period stock was 13 cases. For Article 445, no case movement is reported. In legal terms, the dual-track design of liability, behavioral and organizational and market-level, continues to operate in the judicial dimension as an almost single-track configuration. Courts function primarily as a mechanism for sanctioning involvement in and access to gambling, while violations of gambling business legislation are either shifted into nonjudicial procedures or face durable barriers to being carried to a sanctioning outcome in court. The detailed case flow indicators are summarized in Table 1 (Article 444) and Table 2 (Article 445).

Table 1 – Judicial statistics under Article 444 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan: case flow and disposition outcomes (Form 1-AP (court)), 2021 to 2025.

Year	Pending at the beginning of the year	Cases received	Cases adjudicated	Decisions imposing an administrative penalty	Proceedings terminated	Cases consolidated	Pending at the end of the year
2021	0	21	21	20	1	0	0
2022	0	13	13	11	2	0	0
2023	0	15	15	12	3	0	0
2024	0	26	25	12	13	0	1
2025	1	206	42	23	19	152	13

Table 2 – Judicial statistics under Article 445 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan: case flow and disposition outcomes (Form 1-AP (court)), 2021 to 2025.

Year	Pending at the beginning of the year	Cases received	Cases adjudicated	Decisions imposing an administrative penalty	Proceedings terminated	Pending at the end of the year
2021	0	0	0	0	0	0
2022	0	9	6	2	4	3
2023	3	1	4	4	0	0
2024	0	1	1	0	1	0
2025	0	0	0	0	0	0

Sanctioning patterns in 2010-2014 show a functional divergence between the two provisions. Under Article 338, an arrest-centered profile prevails. Over the period, 157 principal penalties were imposed, including 121 administrative arrests, or 77.1 percent, and 36 fines, or 22.9 percent. Confiscation was imposed as an additional measure in 71 cases, corresponding to 45.2 percent of penalty decisions. Under Article 338-1, the sanctioning model is predominantly pecuniary. All 569 principal penalties were fines, and confiscation was imposed in 463 cases, or 81.4 percent of cases with penalties; in 2012, the confiscation rate reached 96.4 percent. In legal terms, Article 338 functions as an instrument of prompt interdiction noting immediate deprivation of liberty, whereas Article 338-1 operates as an instrument of regulatory control over infrastructure and the economic neutralization of unlawful activity, with the fine as the baseline measure and confiscation as a mechanism for dismantling the material base. The distribution of administrative penalties under Articles 338 and 338-1 is shown in Table 3.

Table 3 – Structure of Administrative Penalties Imposed Under Article 338 and Article 338-1 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan (2001), 2010 to 2014

Offense provision	Administrative arrest	Administrative fine	Confiscation (additional measure)
Article 338	121 (77.1 percent)	36 (22.9 percent)	71 (45.2 percent)
Article 338-1	0 (0.0 percent)	569 (100.0 percent)	463 (81.4 percent)

Note. Percentages are calculated as a share of rulings imposing administrative penalties (principal penalties).

In 2014, Article 338-1 exhibits a pattern of selective tightening: the mean fine increased by approximately 64.2 percent relative to 2013 even as the number of cases declined. Legally, this combination may show a shift away from mass coverage toward a smaller number of cases in which sanctions carry greater economic import. In any event, the statistics provide a stable basis for treating 2014 as a turning point in the application of pecuniary sanctions, which should be incorporated into causal interpretation in the discussion.

From 2015 to 2020, judicial sanctioning under Article 444 reflects a further shift toward pecuniary enforcement. Courts applied, in practice, an administrative fine almost exclusively; administrative arrest does not appear in the statistics. The mean fine increased from approximately 337,000 tenge in 2015 to approximately 429,000 tenge in 2020, a rise of about 27 percent. Confiscation, which was a systematic additional measure in 2015-2018, appearing in roughly 71-94 percent of fine-based dispositions, loses that systematic character after 2018, appearing in about 30 percent of dispositions in 2019 and not at all in 2020. Annual Form 1-AP (court) data for 2021-2024 support the persistence of a fine-centered model and the absence of arrest, while showing substantial year-to-year variation in the monetary value of fines and in additional measures. Under Article 444, courts issued 20 fine decisions totaling 8,225,860 tenge in 2021, with a mean fine of

approximately 411,300 tenge and confiscation in five cases; in 2022, 11 fine decisions totaling 4,696,580 tenge, with a mean fine of approximately 427,000 tenge and no confiscation; in 2023, 12 fine decisions totaling 7,426,800 tenge, with a mean fine of approximately 618,900 tenge and confiscation in three cases; and in 2024, 12 fine decisions totaling 7,309,760 tenge, with a mean fine of approximately 609,100 tenge and confiscation in eight cases. The 2025 validation snapshot records 23 fine decisions totaling 12,984,080 tenge, with a mean fine of approximately 564,500 tenge and confiscation in four cases, or 17.4 percent of fine-based dispositions. Nominal dynamics in tenge are partly driven by indexation of fines through the monthly calculation index, so cross-year comparisons of sanction severity are methodologically more informative when recoded in monthly calculation index units. Substantively, the combined data support that the core sanctioning burden under Article 444 is realized through fines, while confiscation after 2018 ceases to be a typical element of the enforcement response and becomes year-to-year volatile. This volatility increases the salience of actual fine execution as the only stable anchor of deterrence.

For Article 445, sanctioning remains episodic. In judicial statistics for 2015-2020, sanctioning decisions appear only in 2019, when two fine decisions were issued for three persons; the fines were imposed on legal entities and were substantially higher, with a mean fine of approximately 1.64 million tenge, than those under Article 444 in the same year. Annual Form 1-AP (court) data for 2021-2025 support the marginality of the Article 445 flow while also showing that its disappearance is not perfectly continuous. In 2022, courts received nine cases, adjudicated six, and carried three forward; fines were imposed on two legal entities for a total of 1,837,800 tenge, with a mean fine of approximately 918,900 tenge, while four cases were terminated. In 2023, courts adjudicated four cases, including prior-year stock, and all four resulted in fines imposed on legal entities totaling 6,206,700 tenge, with a mean fine of approximately 1.55 million tenge, and confiscation in one case. In 2024, one case was received and the proceeding was terminated. No case movement is reported for 2021 or 2025. The legal inference retains a dual structure. First, the normative assessment of organizational violations as more serious is reflected in the sanctioning capacity of fines imposed on legal entities. Second, the rarity and year-to-year instability of sanctioning, together with high termination rates in some years, reduces general deterrence because the severity of the statutory rule does not compensate for deficits in practical enforceability.

Procedural metrics for 2010-2014 demonstrate markedly different procedural costs for the two provisions. Under Article 338, the median share of cases adjudicated beyond the statutory time limit is approximately 18 percent, declining to 7.1 percent and 6.8 percent in 2012 and 2014, respectively. Under Article 338-1, the median share of time-limit violations is approximately 46.6 percent, and in 2012 and 2014 it exceeds 70 percent. This asymmetry suggests that Article 338-1 is procedurally more demanding, requiring more complex proof and organizational steps, which increases vulnerability and contributes to higher termination rates. Consistent with this, the share of terminations among final dispositions under Article 338-1 increases to 22.9 percent in 2014, whereas terminations under Article 338 stabilize after 2012 at a low level, approximately 0 to 2.3 percent. In legal terms, the business-oriented provision is the area of elevated procedural risk. Even when the statute carries substantial sanctioning capacity, effectiveness depends on procedural organization, compliance with time limits, and the standardization of evidentiary actions.

Execution metrics for 2010-2014 show that the pecuniary sanctioning model under Article 338-1 exhibits increasing enforceability. The fine collection coefficient rises from 0.203 in 2010 to 0.588 in 2012 and 0.608 in 2014, with year-to-year variation. Under Article 338, the collection metric is less stable statistically because fines are rare relative to arrests. The atypically low value in 2014 should be interpreted in light of lags between imposition and collection and of interyear case turnover. As a result, even when arrest dominates under Article 338, the central criterion for the effectiveness of pecuniary sanctions remains the institutional capacity to ensure actual collection.

Judicial statistics for 2015-2020 situate procedural viability in a more stringent setting. Under Article 445, all cases reaching court in 2015-2018 end in termination, or 100 percent by persons, meaning that the judicial track produced no sanctioning output for this provision; in 2019, terminations remained at 33.3 percent, one of three persons. Under Article 444, termination rates are variable and reach 50 percent in 2017, suggesting a period of heightened classificatory or evidentiary uncertainty associated with the multi-alternative structure of the provision, participation, involvement, and allowing access to gambling. These observations retain explanatory value when the period is extended through 2021-2025. For Article 444, terminations range from 4.8 percent in 2021, one termination among 21 adjudicated cases, and 15.4 percent in 2022, two of 13, to 52.0 percent in 2024, 13 of 25. In the 2025 validation snapshot, terminations are 45.2 percent, 19 terminations among 42 adjudicated cases. For Article 445, termination rates also vary: 66.7 percent in 2022, four of six; 0 percent in 2023, 0 of four; and 100 percent in 2024, one of one; with no reported flow in 2025. Finally, the 2025 snapshot shows that, under Article 444, large-scale consolidation of case materials becomes an independent factor shaping how incoming cases translate into sanctioning outcomes.

With respect to execution, the fine-centered model in 2015-2020 shows limited effectiveness at the stage of voluntary payment. For Article 444, voluntary payment accounts for only approximately 7.3 to 29.7 percent of imposed amounts in 2015-2019; the metric is not populated for 2020. Annual Form 1-AP (court) data for 2021-2025 show substantial variation in voluntary payment under Article 444: 2,586,380 tenge of 8,225,860 tenge in 2021, or 31.4 percent; 857,640 of 4,696,580 in 2022, or 18.3 percent; 5,563,800 of 7,426,800 in 2023, or 74.9 percent; 2,560,560 of 7,309,760 in 2024, or 35.0 percent; and 7,089,040 of 12,984,080 in 2025, or 54.6 percent. For Article 445, although fine decisions are recorded in 2022-2023, voluntary payment is reported as zero, which precludes inferences about ultimate collection without additional enforcement data. In legal terms, certainty of liability in this segment depends not only on the imposition of a fine but also on the institutional capacity to secure execution and on the quality of case materials. The decline in systematic confiscation after 2018 further increases reliance on execution mechanisms because fines become the only consistently applied measure capable of producing a pecuniary impact. Fine amounts, confiscation, and voluntary payment indicators are reported in Table 4.

Table 4 – Fines, confiscation, and voluntary payment under Article 444 and Article 445 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan (Form 1-AP (court)), 2021-2025.

Year	Article	Decisions imposing an administrative fine	Total amount of fines imposed, Kazakhstani tenge	Paid voluntarily, Kazakhstani tenge	Share of voluntary payment, percent	Confiscation
2021	Article 444	20	8,225,860	2,586,380	31.4	5
2021	Article 445	0	0	0	Not applicable	0
2022	Article 444	11	4,696,580	857,640	18.3	0
2022	Article 445	2	1,837,800	0	0.0	0
2023	Article 444	12	7,426,800	5,563,800	74.9	3
2023	Article 445	4	6,206,700	0	0.0	1
2024	Article 444	12	7,309,760	2,560,560	35.0	8
2024	Article 445	0	0	0	Not applicable	0
2025	Article 444	23	12,984,080	7,089,040	54.6	4
2025	Article 445	0	0	0	Not applicable	0

Subject structure in 2010-2014 corroborates the functional separation between provisions. Article 338 is applied almost exclusively to natural persons, whereas Article 338-1 includes legal entities and shows an increase in their share among sanctioned subjects, from approximately 0.9 percent in 2010 to 17.1 percent in 2014. This gives the sanctioning differences a clear normative meaning: the arrest-centered profile under Article 338 corresponds to an individual addressee, whereas the fine-and-confiscation profile under Article 338-1 corresponds to organizational addressees and an infrastructure-oriented logic of control.

The gender profile for 2012-2014 is heterogeneous. The share of women among sanctioned subjects is higher for the business-oriented provision than for the behavioral provision, and within the female subsample under Article 338, arrests are absent while fines are imposed. The legally relevant point is not a demographic generalization but an signal that penalty individualization and the roles of subjects in typical case scenarios may differ across provisions. These observations are best treated as prompts for explanatory hypotheses and for qualitative examination of case narratives and judicial decisions.

In 2015-2020, the subject orientation of the judicial track becomes even more pronounced. Article 444 operates in practice as liability for natural persons, whereas the rare sanctioning episodes under Article 445 are directed toward legal entities, as in 2019. Annual Form 1-AP (court) data for 2021-2025 reproduce this configuration. Under Article 444, sanctioning is imposed exclusively on natural persons, 20 in 2021, 11 in 2022, 12 in 2023, 12 in 2024, and 23 in 2025, with women represented in each year, five, two, one, zero, and three, respectively. Under Article 445, two legal entities are sanctioned in 2022 and four in 2023; in 2021, 2024, and 2025, either no case flow is reported or proceedings end without a sanctioning result. The subject profile of persons held administratively liable is presented in Table 5.

Table 5 – Subject profile of persons held administratively liable: Article 444 (natural persons and women) and Article 445 (legal entities), 2021-2025

Year	Article 444: natural persons	Article 444: women	Article 445: legal entities
2021	20	5	0
2022	11	2	2
2023	12	1	4
2024	12	0	0
2025	23	3	0

Together with the dominance of Article 444 in the case flow, these findings support a legal inference of institutional displacement. Judicial practice concentrates on the individual segment of liability, while the track aimed at organizational forms of gambling business appears difficult to operationalize in court. Empirically, this supports a structural mismatch between the dual-track normative design of regulation and the observed asymmetry of enforcement. Although formal instruments targeting organizers exist, the system's practical workload is borne primarily by the behavioral level, which constrains the infrastructure-oriented effectiveness of administrative regulation in the gambling sector.

Overall, the two time blocks, 2010-2014 and 2015-2025, including the extension of judicial data through 2024 and the 2025 validation snapshot, converge on a durable trend. Enforcement focus is gradually reallocated from organizational and market-level control toward behavioral-level interdiction, accompanied by an evolution of the sanctioning model toward pecuniary penalties and an increasing dependence on execution mechanisms as a condition of certainty of liability. At the same time, business-oriented provisions remain vulnerable in terms of procedural provability and judicial enforceability. For Article 444 in the late period, an additional factor emerges: procedural aggregation through large-scale consolidation of case materials, which affects how incoming case flows are translated into sanctioning outcomes.

Dicussion.

The results invite interpretation of changes in gambling-related administrative liability not as a linear change in the scale of the phenomenon but as a reconfiguration of an enforcement regime. This reconfiguration is visible in the changing balance between behavioral and organizational and market-level provisions, in sanctioning profiles, and in the procedural viability of cases. Because the analysis compares an administrative reporting track (Form No. 1-AD) with a judicial reporting track (Form 1-AP (court)), interpretation does not rely on direct comparison of absolute counts across periods. Instead, it notes durable structural ratios within functionally comparable pairs of provisions, Articles 338 and 338-1 and Articles 444 and 445.

From 2010 to 2014, the 72.1 percent decline in total cases does not, by itself, demonstrate a reduction in gambling practices because the decomposition shows that the decline is almost entirely attributable to Article 338-1. The series therefore reflects not simply the frequency of prohibited conduct but the probability of detection, legal qualification, and progression to a final decision, that is, the parameters of the enforcement flow. In theoretical and legal terms, a fundamental mechanism appears: provisions targeting infrastructure and organizational and market-level violations are more sensitive to institutional constraints, including the resource intensity of inspections, the complexity of proving status and operating conditions, and the need to document items and records, and are therefore more prone to contraction in enforcement practice.

This mechanism persists in judicial statistics for 2015-2020. The pattern is not simply a decrease in Article 445 cases but an effective marginalization of this provision in the judicial track alongside the near dominance of Article 444. If the 2010-2014 period shows contraction of administrative pursuit under the business-oriented provision, the 2015-2020 period exhibits a comparable phenomenon as a judicial deficit under Article 445. Even when cases are filed, the judicial track in 2015-2018 produces no sanctioning output and resolves proceedings through termination. Extending the series through 2021-2024 clarifies the form of marginalization. For Article 445, no case flow is reported in 2021; a small flow appears in 2022, nine cases filed and six adjudicated, with a high termination rate, four of six; in 2023, four cases are adjudicated, drawing on prior-year stock, and sanctioning decisions are issued; and in 2024, the single incoming case ends in termination. The 2025 validation snapshot again reports no movement under Article 445 and reproduces the dominance of Article 444. The legal inference is that for organizational and market-level provisions, Articles 338-1 and 445, the statistics primarily reflect throughput and evidentiary viability of enforcement tracks rather than the true dynamics of gambling markets. Directly equating fewer cases with less gambling is therefore methodologically and legally unwarranted.

The 2013 break within the 2010-2014 series has the character of a regime switch. The balance shifts sharply in favor of the behavioral provision, Article 338, whereas the business-oriented provision, Article 338-1, had previously dominated. In legal terms, this shows a change in classificatory priorities and in the choice of which legal construction is more viable under prevailing procedural and organizational conditions. Within this logic, the behavioral provision represents a channel of enforcement with lower procedural costs, while the business-oriented provision is more costly and requires a more robust evidentiary infrastructure.

The judicial period from 2015 to 2020 shows that this tendency extends beyond the 2013 switch and unfolds structurally. Beginning in 2017, the judicial flow is effectively monopolized by Article 444, the functionally behavioral provision, while Article 445, the organizational and market-level provision, nearly disappears from judicial practice. Data for 2021-2024 support that even when episodic waves of Article 445 cases arise, in 2022-2023, the judicial track overall remains centered on Article 444 as the primary channel of enforcement. The 2025 validation snapshot further supports the durability of this single-track configuration. With total movement of 207 Article 444 matters, one case in beginning stock, 206 new filings, and 13 cases in end-of-period stock, and with no reported movement under Article 445, judicial output is produced mainly through fine decisions under the behavioral provision. The 2025 snapshot also reveals an additional procedural parameter of enforcement, large-scale consolidation of case materials, 152 consolidated matters, or 73.4 percent of

total movement. Consolidation reduces transaction costs of adjudication but complicates the interpretation of incoming case counts as an metric of offense scale.

Given that 2015 coincides with an updated codification, it is plausible that within the new normative architecture and the changed institutional environment of courts, the behavioral provision proved more operational, while the business-oriented provision in the judicial track faced a higher evidentiary threshold. In the terms of the responsive regulation model, grounded in the idea of graduated escalation of enforcement, the observed displacement can be interpreted as a reduction of the upper tier of the regulatory pyramid. When judicially workable tools for influencing organizers are deficient, enforcement stabilizes at more readily provable behavioral interventions [6].

Potential causal mechanisms are best understood as complementary. They include reclassification, selection of the more provable provision; organizational factors, redistribution of competences and workloads between agencies and courts; and selectivity, a shift from broad infrastructure targeting toward rare, high-stakes organizer cases. Judicial statistics for Article 445, in which sanctioning appears only episodically and mainly against legal entities, align with a selectivity hypothesis. The organizational and market-level track does not disappear entirely but becomes an exception rather than the rule.

The sanctioning profile for 2010-2014 shows two functionally distinct models of administrative intervention. Under Article 338, administrative arrest predominates as an instrument of immediate interdiction. Under Article 338-1, a pecuniary model dominates, fines combined with frequent confiscation, aimed at neutralizing the material base of unlawful activity. In legal terms, adjacent provisions as a result support different regulatory objectives, one interrupts conduct quickly, the other regulates infrastructure.

Judicial statistics for 2015-2020 under Article 444 display a qualitatively different sanctioning profile. Arrest is not recorded, and the fine becomes the only consistently applied principal penalty. This shift supports an interpretation of a move toward a pecuniary sanctioning regime in the judicial track. Data for 2021-2025 support this configuration while also showing an increase in nominal mean fines in 2023-2024, approximately 619,000 to 609,000 tenge, followed by a decrease in 2025, approximately 564,500 tenge, and substantial variation in confiscation, from zero cases in 2022 to eight cases in 2024. This shift is not normatively neutral. When restrictive sanctions are absent and confiscation is not systematic, deterrent capacity depends increasingly on the execution of fines and the effective application of additional measures.

The business-oriented provision in the judicial period, Article 445, reflects the opposite design: potentially high fines are imposed, albeit rarely, on legal entities, consistent with a normative assessment of organizational violations as more serious. The contrast between 2022 and 2023 is illustrative: despite small numbers of adjudicated cases, the mean fine is approximately 918,900 tenge in 2022 and approximately 1.55 million tenge in 2023. The theoretical inference, however, is that high sanctioning capacity does not compensate for weak judicial enforceability. When application is rare and unstable, even a severe statutory penalty fails to generate a durable deterrent effect. This is a classical manifestation of the distinction between the severity of the statutory rule and the severity of the enforcement regime.

In administrative statistics for 2010-2014, Article 338-1 is characterized by an exceptionally high share of cases adjudicated beyond statutory time limits and by an increase in terminations in 2014. These metrics signal heightened procedural complexity and vulnerability. Infrastructure-oriented and organizational and market-level provisions require more demanding proof and a more developed procedural infrastructure, making procedural quality a limiting factor for enforcement success.

Judicial statistics for 2015-2020 show a similar pattern in a different form. Under Article 445, the judicial track terminates proceedings in 100 percent of cases by persons in 2015-2018. In legal terms, Article 445 demonstrates low judicial provability during this period. Data for 2022-2024 support the persistence of procedural risk but also its heterogeneity. In 2022, four of six adjudicated cases end in termination, 66.7 percent, and sanctioning output is produced only for

two legal entities. In 2023, four cases are adjudicated, including prior-year stock, and all result in sanctioning decisions. In 2024, the single incoming case ends in termination, and judicial statistics for 2025 report no flow under Article 445. Two interpretations are possible, each with distinct legal implications, but both underscore the systemic character of the problem. If the cause is objective evidentiary complexity and stringent requirements for case materials, then procedural engineering should be developed through standardized evidentiary packages, specialization, and interagency coordination. If the cause lies in jurisdictional architecture, such that the bulk of Article 445 cases is designed to be resolved outside courts, then a different question arises regarding judicial oversight, legality control, and the uniformity of practice.

For Article 338-1 in 2010-2014, the collection coefficient for fines increases, suggesting a strengthening of execution mechanisms. This has direct legal import because, for pecuniary sanctions, execution is the primary carrier of deterrence. A fine that does not translate into collection becomes largely symbolic and has limited behavioral effect.

Judicial statistics for 2015-2020 under Article 444 reveal a risk of disconnection between imposition and actual pecuniary consequences. Although fines dominate, voluntary payment remains limited in 2015-2019 at levels that do not ensure automatic certainty of enforcement. Data for 2021-2025 show that voluntary payment rates can vary substantially, from 18.3 percent in 2022 to 74.9 percent in 2023, reaching 54.6 percent in 2025. Such variation may reflect changes in execution mechanisms, selectivity of cases that reach fine decisions, or differences in subject profiles and case typologies. Whatever the source, the legal implication is similar: a shift toward fine-based liability without reliable execution can reduce regime effectiveness, and the decline in systematic confiscation after 2018 further increases dependence on fine collection as the only stable punitive mechanism.

This yields a broader theoretical conclusion that integrates both periods. The effectiveness of pecuniary provisions, Articles 338-1 and 444 and 445, depends less on nominal statutory severity than on institutional capacity to ensure actual collection and associated measures, including confiscation and compulsory enforcement. Absent this capacity, enforcement may drift toward provisions that produce faster procedural effects, such as prompt interdiction, even when policy objectives prioritize infrastructure regulation.

Subject profiles both support functional separation and reveal a potential policy problem. In 2010-2014, the behavioral provision, Article 338, is applied almost exclusively to natural persons, whereas the business-oriented provision, Article 338-1, includes legal entities and shows an increasing share of such entities by 2014. In judicial statistics for 2015-2020, the same structure appears more sharply. Case flows concentrate under Article 444, applied to natural persons, while Article 445 remains peripheral and, in rare sanctioning episodes, targets legal entities.

The legal meaning is that, despite a formally dual-track design, the system's practical workload shifts toward the individual segment, while the organizational segment is only weakly implemented. This creates a risk of subject substitution, in which enforcement is concentrated on peripheral actors or low-level involvement without comparably affecting the infrastructure that sustains illegal activity. From the perspective of administrative regulation, this may generate a disproportionate punitive burden on natural persons while producing limited structural impact on the market. The observed asymmetry of addressees therefore should be treated as an explanatory factor for the dominance of behavioral provisions. They are easier to detect, prove, and carry to decision, but their contribution to long-run suppression of infrastructure may be limited.

The high confiscation rates under Article 338-1 in 2010-2014 and under Article 444 in 2015-2018 show that confiscation has functioned in practice as a structural instrument. It reduces the reproducibility of offenses by removing the material base of unlawful activity. In this sense, confiscation has a more infrastructure-oriented function than the fine, and its systematic application is a salient metric of whether enforcement targets operating conditions rather than only punishing individual subjects.

The sharp decline in confiscation frequency in judicial practice under Article 444 after 2018 has independent normative import. It may reflect a shift in gambling activity toward forms

that are less materially traceable or a change in judicial standards governing additional measures. Annual data for 2021-2025 show that confiscation after 2018 ceases to be a typical element of the response and becomes statistically volatile: five cases among 20 fine dispositions in 2021; zero among 11 in 2022; three among 12 in 2023; eight among 12 in 2024; and four among 23 in 2025. Whatever the cause, the legal implication is similar. When confiscation is not systematic, the regime becomes more dependent on fine execution, because the fine remains the only consistently applied measure capable of producing a pecuniary impact.

In combination, the results characterize 2010-2025 as a period of sustained reconfiguration of administrative responses to gambling-related offenses. First, enforcement shifts from organizational and market-level provisions toward behavioral provisions. This appears initially as the 2013 administrative switch and later as a durable single-track configuration in the judicial period, which persists after extending the series through 2024 and remains visible in the 2025 validation snapshot. Second, sanctioning in the judicial track evolves toward the dominance of pecuniary penalties. Confiscation, as an infrastructure-oriented tool, loses systematic application after 2018 and becomes year-to-year variable, increasing the salience of fine execution as a condition of certainty of liability. Third, business-oriented provisions, Articles 338-1 and 445, exhibit heightened procedural vulnerability: in the administrative period, through time-limit violations and increased terminations; and in the judicial period, through a lack of stable sanctioning output and high termination shares in certain years. Finally, the late period reveals an additional structural parameter under Article 444, large-scale consolidation of case materials in 2025, underscoring that regime effectiveness is shaped not only by the existence of statutory provisions and nominal sanction severity but also by the procedural technology of decision production, from the quality of documentation to mechanisms of case aggregation in court.

The study therefore clarifies the legal nature of the observed statistical dynamics. They reflect not the level of gambling activity but the configuration of institutional capabilities and constraints that shape enforcement. Behavioral provisions are more practically applicable and procedurally stable, whereas business-oriented provisions carry higher sanctioning capacity but are more difficult to prosecute and sustain to a judicial outcome. Looking forward, the effectiveness of administrative regulation in the gambling sector will depend not only on statutory design but also on the development of evidentiary standards, detection mechanisms, and execution of pecuniary penalties, and on coordination of competences between agencies and courts so that the dual-track normative design does not collapse into a *de facto* single-track practice.

Conclusion

This study reconstructs administrative responses to gambling-related offenses in Kazakhstan from 2010 to 2025 as an enforcement regime shaped by codification structure, evidentiary standards, and institutional organization of proceedings. Comparing functionally equivalent provisions across two codes, Articles 338 and 338-1 of the 2001 Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan [15] and Articles 444 and 445 of the 2014 Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan [16], makes it possible to describe not only the normative differentiation of liability but also the practical limits of judicial enforceability.

The principal theoretical and legal contribution is an empirically grounded account of the gap between the severity of the statutory rule and the severity of the enforcement regime. Organizational and market-level prohibitions that are potentially more severe do not automatically translate into a stable judicial flow and a consistent sanctioning output. This gap is produced by the blanket nature of the statutory provisions, elevated evidentiary burdens, and procedural filters; in the late period it is amplified by procedural aggregation through consolidation of case materials, which alters the relationship between case inflow and the number of final decisions.

The practical implications are tied to aligning the two stream model with institutional capacity. For the organizational or market-oriented stream, priorities include clarifying mandatory requirements and translating them into standardized evidentiary packages, plus strengthening

interagency coordination that draws on payment traces and remote channels of involvement. Under a fine-centered pattern for the behavioral stream, evaluation should rely on measures of actual execution and collection rather than nominal sanction levels.

Funding information

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR24992927 “Integrative Study of Gambling Addiction in Kazakhstan and Multidisciplinary Strategies for Its Minimization”).

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Республика Казахстан. Закон Республики Казахстан «О игорном бизнесе» от 12 января 2007 г. № 219-III.
- 2 Sparrow M. K. Can Internet gambling be effectively regulated? Managing risks in an electronic environment // U.S. House of Representatives, Committee on Financial Services. – 2009. – (доклад). – С. 1–??.
- 3 Gainsbury S., Wood R. Internet gambling policy in critical comparative perspective: The effectiveness of existing regulatory arrangements // International Gambling Studies. – 2011. – Vol. 11, No. 1. – P. 1–35.
- 4 Marionneau V., Matteucci N., Vieira Lima S., Nikkinen J., Selin J. Channelling and taxation in European online gambling markets: Evolution and policy implications // Harm Reduction Journal. – 2025. – Vol. 22. – Art. 1.
- 5 Cabot A., Cortés P., Vilela A. L. Comparing gaming regulatory systems in civil and common law countries: How different approaches can achieve the same policy goals // UNLV Gaming Law Journal. – 2023. – Vol. 13, No 2. – P. 135–196.
- 6 Ayres I., Braithwaite J. Responsive regulation: Transcending the deregulation debate. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 206 p.
- 7 Braithwaite J. Restorative justice and responsive regulation. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 328 p.
- 8 Baldwin R., Cave M., Lodge M. Understanding regulation: Theory, strategy, and practice. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 680 p.
- 9 Black J. Critical reflections on regulation // Australian Journal of Legal Philosophy. – 2002. – Vol. 27. – P. 1–35.
- 10 Ковтун Е. В. Правовое регулирование игорного бизнеса в странах бывшего СССР и зарубежных государствах. – М.: Фонд «Ответственная игра», 2008. – 300 с.
- 11 Marionneau V. Gambling in Russia: Policies, markets, and research // International Journal of Russian Studies. – 2020. – Vol. 9, No. 2. – P. 122–134.
- 12 Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Форма № 1-АД. Таблица А (сводный отчет) за 12 месяцев 2010–2020 гг.: статистические формы (электронные таблицы).
- 13 Суды Республики Казахстан. Форма 1-АП (суд). Таблица А «Движение и результаты рассмотрения дел об административных правонарушениях» за период 01.01.2021–31.12.2025 гг.: статистические формы (электронные таблицы). Выгрузки данных от 25.01.2023; 13.01.2024; 09.01.2024; 03.01.2025; 05.01.2026.
- 14 Генеральная прокуратура Республики Казахстан. Приказ от 22 июня 2021 г. № 92 «Об утверждении форм отчетности о работе судов по рассмотрению дел об административных правонарушениях, электронных информационных учетных документов и Инструкции по их формированию» (зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 26 июня 2021 г. № 23196).
- 15 Республика Казахстан. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30 января 2001 г. № 155-II.
- 16 Республика Казахстан. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V.

REFERENCES:

- 1 Respublika Kazakhstan. (2007). Zakon Respubliki Kazakhstan «O igornom biznese» ot 12 ianvaria 2007 g. No. 219-III [Law of the Republic of Kazakhstan on Gambling Business, January 12, 2007, No. 219-III]. (in Russian)
- 2 Sparrow M. K. (2009). Can Internet gambling be effectively regulated? Managing risks in an electronic environment. U.S. House of Representatives, Committee on Financial Services.
- 3 Gainsbury S., Wood R. (2011). Internet gambling policy in critical comparative perspective: The effectiveness of existing regulatory arrangements. International Gambling Studies, vol. 11, no. 1, pp. 1–35.
- 4 Marionneau V., Matteucci N., Vieira Lima S., Nikkinen J., Selin J. (2025). Channelling and taxation in European online gambling markets: Evolution and policy implications. Harm Reduction Journal, vol. 22, art. 1.
- 5 Cabot A., Cortés P., Vilela A. L. (2023). Comparing gaming regulatory systems in civil and common law countries: How different approaches can achieve the same policy goals. UNLV Gaming Law Journal, vol. 13, no. 2, pp. 135–196.
- 6 Ayres I., Braithwaite J. (1992). Responsive regulation: Transcending the deregulation debate. Oxford: Oxford University Press.
- 7 Braithwaite J. (2002). Restorative justice and responsive regulation. Oxford: Oxford University Press.

- 8 Baldwin R., Cave M., Lodge M. (2012). Understanding regulation: Theory, strategy, and practice (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press.
- 9 Black J. (2002). Critical reflections on regulation. Australian Journal of Legal Philosophy, vol. 27, pp. 1–35.
- 10 Kovtun E. V. (2008). Pravovoe regulirovanie igornogo biznesa v stranakh byvshego SSSR i zarubezhnykh gosudarstvakh [Legal Regulation of Gambling Business in the Countries of the Former USSR and Abroad]. Moscow: Fond «Otvettvennaia igra». (in Russian)
- 11 Marionneau V. (2020). Gambling in Russia: Policies, markets, and research. International Journal of Russian Studies, vol. 9, no. 2, pp. 122–134.
- 12 Komitet po pravovoi statistike i spetsialnym ucheta Generalnoi prokuratury Respubliki Kazakhstan. (2010–2020). Forma No. 1-AD. Tablitsa A (svodnyi otchet) za 12 mesiatsev: statisticheskie formy (elektronnye tablitsy) [Committee on Legal Statistics and Special Accounting of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan. Form No. 1-AD. Table A (Summary Report) for 12 Months: Statistical Forms (Electronic Tables)]. (in Russian)
- 13 Sudy Respubliki Kazakhstan. (2021–2025). Forma 1-AP (sud). Tablitsa A «Dvizhenie i rezultaty rassmotreniia del ob administrativnykh pravonarusheniakh» za period 01.01.2021–31.12.2025: statisticheskie formy (elektronnye tablitsy) [Courts of the Republic of Kazakhstan. Form 1-AP (Court). Table A “Movement and Results of Administrative Offense Cases” for the period 01.01.2021–31.12.2025: Statistical Forms (Electronic Tables)]. (in Russian)
- 14 Generalnaia prokuratura Respubliki Kazakhstan. (2021). Prikaz ot 22 iyunia 2021 g. No. 92 «Ob utverzhdenii form otchetnosti o rabote sudov po rassmotreniiu del ob administrativnykh pravonarusheniakh, elektronnykh informatsionnykh uchetykh dokumentov i Instruksii po ikh formirovaniu» [Order of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan No. 92, June 22, 2021 “On Approving Reporting Forms on the Work of Courts on Administrative Offense Cases, Electronic Information Accounting Documents, and Instructions for Their Formation”]. (in Russian)
- 15 Respublika Kazakhstan. (2001). Kodeks Respubliki Kazakhstan ob administrativnykh pravonarusheniakh ot 30 ianvaria 2001 g. No. 155-II [Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses, January 30, 2001, No. 155-II]. (in Russian)
- 16 Respublika Kazakhstan. (2014). Kodeks Respubliki Kazakhstan ob administrativnykh pravonarusheniakh ot 5 iulia 2014 g. No. 235-V [Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses, July 5, 2014, No. 235-V]. (in Russian)

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ҚҰМАР ОЙЫНДАР САЛАСЫНДАҒЫ ӘКІМШІЛІК ЖАУАПКЕРШІЛІК РЕЖИМІНІҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ

Хамзина Ж.

Қазақстанның инновациялық және телекоммуникациялық жүйелер университеті,

Қазақстан Республикасы, Орал қ.

*e-mail: 292803@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақалада Қазақстан Республикасында құмар ойындарға байланысты әкімшілік құқық бұзушылықтар үшін әкімшілік жауаптылықтың 2010–2025 жж. аралығындағы өзгерістері қайта құрылады. Ресми жылдық статистика (№ 1-АД нысаны және 1-АП (сот) нысаны) негізінде екі кодификациялық кезең салыстырылады: 2001 жылғы Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодекс (338 және 338-1-баптар) және 2014 жылғы Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодекс (444 және 445-баптар). Статистика құмар ойындардың таралуының тікелей көрсеткіші ретінде емес, құқық қолдану ағынының өткізу қабілеті мен конфигурациясының өлшемі ретінде — анықтау мен құқықтық саралаудан бастап сотта қарау мен қаулыны орындауға дейін — түсіндіріледі. Әдістеме нормативтік мәтіндерді формалды және салыстырмалы талдауды, уақыттық қатарлардың сипаттамалы талдауын, үлестерді, орташа айыппұлдарды, ерікті төлем және өндіріп алу коэффициенттерін есептеуді, сондай-ақ тренд өзгерістерін құрылымдық декомпозициялауды біріктіреді; 2025 жылға арналған бақылау үлгісі тұрақтылықты бағалау үшін пайдаланылды. Нәтижелер ұйымдық-нарықтық бақылаудан мінез-құлықтық құқық қолдануға тұрақты ығысу бар екенін көрсетеді: 2010–2014 жж. істер санының 72,1% төмендеуі негізінен 338-1-бап бойынша материалдардың құлдырауымен түсіндіріледі, ал 338-бап салыстырмалы тұрақты; 2015–2025 жж. сот ағымында 444-бап басым, 445-бап эпизодтық сипатта. Санкциялау 338-баптағы қамалуға алу үлгісінен және 338-1-баптағы «айыппұл + тәркілеу» моделінен 444-баптағы айыппұлға негізделген модельге ауысады; 2018 жылдан кейін тәркілеудің жүйелілігі төмендеп, ерікті төлем айтарлықтай құбылады. Қорытындысында норманың қатаңдығы мен құқық қолдану режимінің қатаңдығы ажыратылады: тосқауылдық әлеует дәлелдемелік қолжетімділікке, процессуалдық сүзгілеуге және ақша жазаларын нақты орындауға тәуелді.

Кілт сөздер: әкімшілік жауаптылық, құмар ойындарды реттеу, Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексі, санкциялау моделі, тәркілеу, сот статистикасы, құқық қолдану.

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЖИМА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИГОРНОМ СЕКТОРЕ КАЗАХСТАНА

Хамзина Ж.

*Казахстанский университет инновационных и телекоммуникационных систем,
Республика Казахстан, г. Уральск
e-mail: 292803@mail.ru

Аннотация. В статье реконструируется эволюция режима административной ответственности за правонарушения, связанные с игорной деятельностью, в Республике Казахстан в 2010–2025 гг. На основе официальной ежегодной статистики (форма № 1-АД и форма 1-АП (суд)) сопоставляются два периода кодификации: Кодекс об административных правонарушениях 2001 г. (ст. 338 и 338-1) и Кодекс об административных правонарушениях 2014 г. (ст. 444 и 445). Статистические ряды интерпретируются не как показатель распространенности азартных игр, а как индикатор пропускной способности и конфигурации правоприменительного контура — от выявления и квалификации до судебного рассмотрения и исполнения постановлений. Методика включает формально-юридический и сравнительно-правовой анализ норм, описательную динамику, расчет долей, средних штрафов, коэффициентов добровольной уплаты и взыскания, а также структурную декомпозицию изменений тренда; дополнительно использована контрольная выборка 2025 г. Результаты фиксируют устойчивый сдвиг от организационно-рыночного контроля к поведенческому правоприменению: в 2010–2014 гг. снижение общего массива дел на 72,1% обусловлено почти полностью падением дел по ст. 338-1, тогда как ст. 338 сохраняет относительную стабильность; в 2015–2025 гг. судебный поток доминируется ст. 444 при эпизодичности ст. 445. Санкционирование эволюционирует от ареста (ст. 338) и модели «штраф + конфискация» (ст. 338-1) к штрафцентричной модели (ст. 444) при снижении системности конфискации после 2018 г. и высокой вариативности добровольной уплаты. Делается вывод о различии «строгости нормы» и «строгости режима»: превентивный потенциал зависит от доказуемости, процессуальной фильтрации и фактического исполнения денежных взысканий.

***Ключевые слова:** административная ответственность, регулирование игорной деятельности, Кодекс об административных правонарушениях Республики Казахстан, модель санкционирования, конфискация, судебная статистика, правоприменение.*

Information about author:

Khamzina Zhanna Amangeldinovna (corresponding author) – Doctor of Law, Professor, Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems (Republic of Kazakhstan, Uralsk, e-mail: 292803@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0913-2002).

Автор туралы мәлімет:

Хамзина Жанна Амангельдиновна (корреспондент-автор) – заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстанның инновациялық және телекоммуникациялық жүйелер университеті (Қазақстан Республикасы, Орал қ., e-mail: 292803@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0913-2002).

Сведения об авторе:

Хамзина Жанна Амангельдиновна (корреспондент-автор) – доктор юридических наук, профессор, Казахстанский университет инновационных и телекоммуникационных систем (Республика Казахстан, г. Уральск, e-mail: 292803@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0913-2002).

PSYCHOLOGICAL ASSESSMENT OF SCHOOL MALADJUSTMENT AND THE IMPACT OF DIAGNOSTIC ARTIFACTS ON WELL-BEING EVALUATION

Klymchuk V.¹ , Tapalova O.^{2*} , Zhaparov E.^{2*}

¹University of Luxembourg, Luxembourg

²Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan, Almaty

*e-mail: otapalova@gmail.com; zhaparoveldar@gmail.com

Abstract. The present study examines the reliability of psychodiagnostic assessment of social and personal maladjustment among secondary school students in non-laboratory educational settings. The study aimed to identify the extent to which psychological artifacts distort self-report diagnostic results and to propose practical strategies for improving the accuracy of well-being assessment. The sample consisted of 218 students aged 13–17 enrolled in grades 7–11 of a public secondary school. Standardized self-report measures of emotional state and anxiety (Eysenck; Spielberger) were used alongside instruments assessing behavioral tendencies and abilities (Klimov; Hall). Descriptive and distributional analyses were conducted using SPSS. The results revealed substantial deviations from normal distribution for measures targeting psycho-emotional states, characterized by systematically reduced symptom severity. In contrast, assessments focused on abilities and emotional intelligence demonstrated distributions consistent with normative expectations. These findings suggest that self-report measures of emotional well-being in school contexts are particularly vulnerable to psychological artifacts, especially social desirability and expectancy effects. The study concludes that reliance on standardized testing alone may lead to under-identification of students experiencing maladjustment. Integrating indirect methods, particularly structured observation forms, is proposed as an effective approach to minimizing diagnostic distortions and enhancing early detection of students in need of psychological support.

Keywords: psychodiagnostics; school maladjustment; psychological well-being; social desirability bias; diagnostic artifacts

Introduction

Psychological assessment plays a central role in identifying students at risk of social and personal maladjustment and in informing preventive and supportive interventions within educational systems. Difficulties in emotional regulation, heightened anxiety, and impaired social functioning during adolescence are consistently associated with reduced academic engagement and long-term psychosocial risks [1].

Despite the widespread use of standardized self-report instruments in school-based psychological assessment, their application outside controlled laboratory environments raises substantial methodological concerns. Schools represent complex social contexts characterized by constant interpersonal interaction, hierarchical relationships, and implicit normative expectations. From the perspective of ecological and representative design, such conditions fundamentally challenge the assumption that test responses reflect stable internal states rather than situationally shaped behavior [2].

A growing body of research demonstrates that self-report measures are vulnerable to psychological artifacts, including social desirability bias, expectancy effects, and situational response modulation [3]. Adolescents may consciously or unconsciously adapt their responses to align with perceived social norms or adult expectations, particularly when assessment targets sensitive emotional or personal experiences. These distortions are amplified in educational contexts where anonymity is limited and assessment outcomes may be perceived as consequential.

While psychological artifacts have been extensively examined in experimental and clinical research, their impact on routine school-based psychodiagnostics remains insufficiently explored. Existing studies predominantly focus on psychometric validation under controlled conditions or on clinical samples, leaving a gap in understanding how standardized diagnostic tools function in real-world educational settings [4]. As a result, deviations from normative distributions in school diagnostics are often interpreted as indicators of well-being rather than as potential signs of methodological distortion.

In contrast, diagnostic instruments targeting behavioral tendencies, abilities, and inclinations appear to be less susceptible to social desirability and expectancy effects. Empirical observations suggest that such measures demonstrate more stable distributional properties in non-laboratory settings, likely due to their reduced focus on introspective self-evaluation [5, 6].

However, comparative analyses of emotional-state measures and behavior-oriented instruments within the same school-based empirical framework remain rare. Psychological well-being is increasingly conceptualized as a multidimensional construct encompassing emotional balance, cognitive appraisal, motivational regulation, identity coherence, and social functioning. Within educational contexts, however, assessment of well-being is often operationalized through symptom-focused self-report measures that primarily capture transient emotional states. Such an approach risks overlooking deeper eudaimonic dimensions of well-being related to autonomy, self-acceptance, purpose in life, and identity development. This conceptual mismatch raises important methodological concerns, particularly when psychodiagnostic results are interpreted as indicators of students' psychological well-being without sufficient consideration of theoretical models emphasizing personal maturity and self-regulatory capacity.

The present study addresses this gap by examining the reliability of psychodiagnostic assessments of social and personal maladjustment among secondary school students in a naturalistic educational environment. By comparing the distributional characteristics of self-report measures of psycho-emotional state with those of instruments assessing behavioral and ability-related constructs, the study aims to identify patterns indicative of diagnostic distortion. Furthermore, the study substantiates the need to integrate indirect assessment methods, particularly structured observation forms, as a means of minimizing the influence of psychological artifacts and enhancing early detection of maladjustment in school populations.

Proposed Hypotheses. Based on previous research and theoretical considerations, the study tested two main assumptions. First, it was hypothesized that self-report measures targeting psycho-emotional states would demonstrate reduced reliability in school settings due to the influence of psychological artifacts, particularly social desirability and expectancy effects. Second, it was assumed that diagnostic instruments focused on behavioral tendencies and abilities would be less susceptible to such distortions, yielding distributions closer to normative expectations. In addition, the study explored the potential of structured observation forms as a complementary assessment method for improving early detection of student maladjustment.

Materials and methods

Participants. The study sample consisted of 218 secondary school students (48% male, 52% female) enrolled in grades 7–11 of a public comprehensive school. Participants' ages ranged from 13 to 17 years ($M = 15.2$). All students attended regular educational programs and were assessed within the framework of routine school-based psychological services. Participation was voluntary. Written informed consent was obtained from school administration and parents or legal guardians prior to data collection. Students were informed about the purpose of the assessment, the confidentiality of their responses, and their right to withdraw at any stage without consequences.

Instruments. To examine the reliability of psychodiagnostic assessment in school settings, a set of standardized instruments targeting different psychological domains was employed.

Self-assessment of mental states (Eysenck). This questionnaire assesses four psycho-emotional dimensions: anxiety, frustration, aggressiveness, and rigidity. The instrument is widely used in educational and applied psychological contexts and relies on self-reported evaluation of internal emotional states.

State–Trait Anxiety Inventory (Spielberger). The inventory measures situational (state) and dispositional (trait) anxiety through self-report items reflecting subjective emotional experience. The instrument is commonly applied in adolescent samples and is sensitive to contextual and situational influences.

Differential Diagnostic Questionnaire (Klimov). This measure assesses professional interests and behavioral inclinations across multiple activity domains. Unlike emotional self-report measures, the questionnaire focuses on preferences and tendencies rather than subjective emotional distress.

Emotional Intelligence Assessment (Hall). The instrument evaluates emotional awareness, emotion regulation, self-motivation, empathy, emotion recognition, and an integral emotional intelligence score. The questionnaire emphasizes behavioral and cognitive-emotional competencies rather than clinical symptomatology.

Procedure. Data collection was conducted during regular school hours in classroom settings familiar to students. Assessments were administered in group format by an educational psychologist as part of routine diagnostic activities. Standardized instructions were provided for each instrument, and students were given the opportunity to ask clarifying questions prior to completing the questionnaires. The sequence of instruments was consistent across all groups. Testing sessions were conducted in a single session lasting approximately 45–60 minutes. Although confidentiality was emphasized, full anonymity was not possible due to the applied nature of school-based psychological assessment, which aimed to identify students in need of support.

Data Analysis. Data analysis was performed using SPSS (Version 27). Descriptive statistics, including means, medians, and standard deviations, were calculated for all variables. Distributional properties of the test results were examined using frequency analysis and visual inspection of histograms. Special attention was paid to deviations from normal distribution as indicators of potential diagnostic distortion. Results obtained from self-report measures of psycho-emotional state were compared with those from instruments assessing behavioral tendencies and abilities to evaluate differential susceptibility to psychological artifacts.

Ethical Considerations. The study was conducted in accordance with ethical principles of psychological research involving minors. Approval to conduct the assessment was obtained from the educational institution, and all procedures complied with national regulations governing psychological and pedagogical support in educational settings. Data were processed in aggregated form to ensure confidentiality and to minimize potential harm to participants.

Results and discussion

Descriptive and distributional analyses were conducted to examine the reliability of psychodiagnostic outcomes obtained using different types of assessment instruments in a school setting.

Self-report measures of psycho-emotional state. Analysis of the results obtained using the Eysenck self-assessment of mental states revealed a pronounced deviation from the expected normal distribution across all measured dimensions (anxiety, frustration, aggressiveness, rigidity). As shown in Table 1, mean scores were accompanied by median values consistently shifted toward the lower end of the scale, indicating asymmetric distributions.

Table 1 - Results of diagnostics of mental states using the Eysenck method.

		Anxiety	Frustration	Aggressiveness	Rigidity
N	Valid	218	218	218	218
	Missed	0	0	0	0
Average		6,2156	6,7844	6,5275	6,3486
Median		5,0000	6,0000	5,5000	5,0000
Standard deviation		4.23768	4,67608	4.45165	4,55459

Visual inspection of score distributions further confirmed this pattern, with histograms demonstrating a reduced frequency of moderate and high scores (Figure 1).

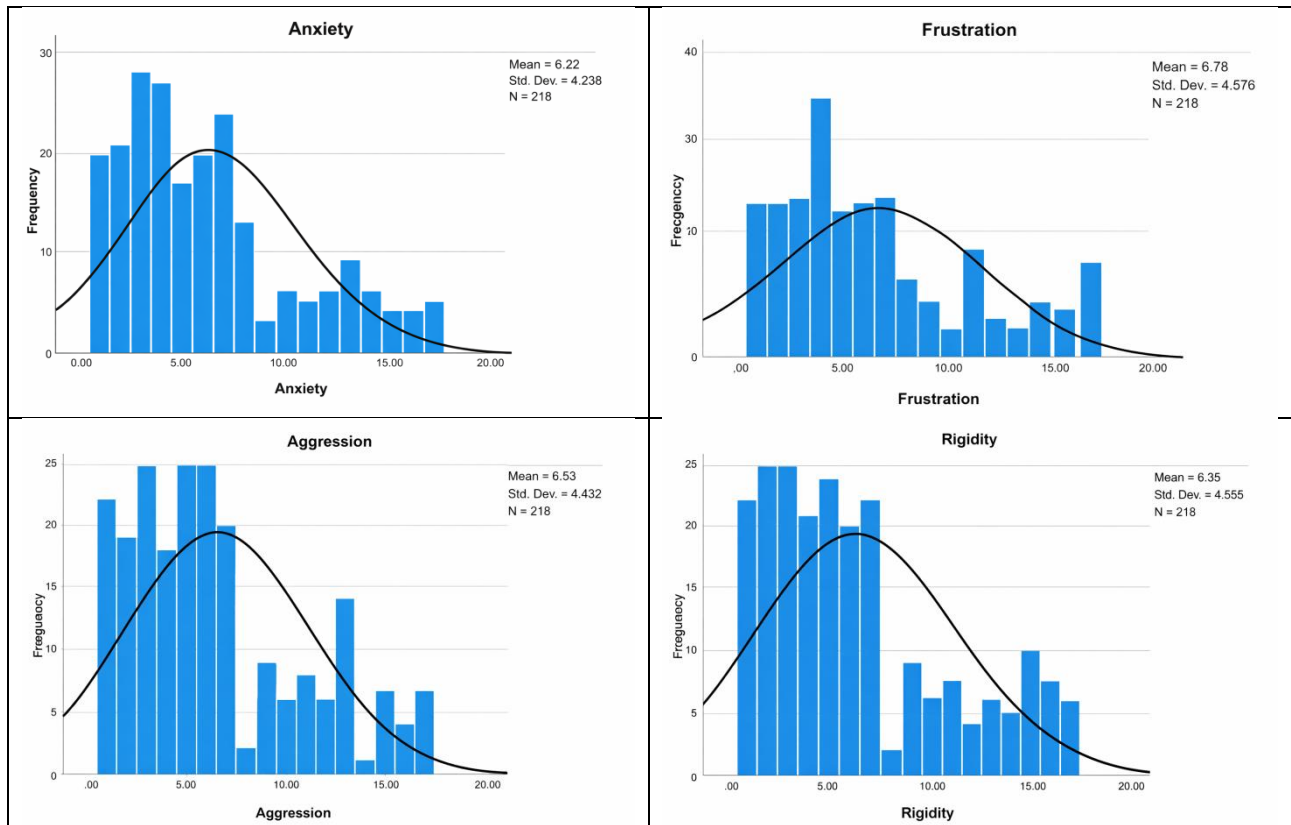

Figure 1 - Results of frequency analysis in the form of histograms using the Eysenck G. method.

A similar pattern was observed for anxiety measures assessed using the State–Trait Anxiety Inventory. Descriptive statistics presented in Table 2 indicate low mean and median values for both state and trait anxiety.

Table 2 - Results of anxiety level diagnostics using the Spielberger C. method.

Statistics		Situational	Personal
N	Valid	218	218
	Missed	0	0
Average		23,6376	23,7752
Median		21,0000	20,5000
Standard deviation		17.43776	17,89575

Frequency distributions illustrated in Figure 2 reveal a strong clustering of scores at the lower range, with an underrepresentation of moderate anxiety levels typically reported in normative adolescent samples.

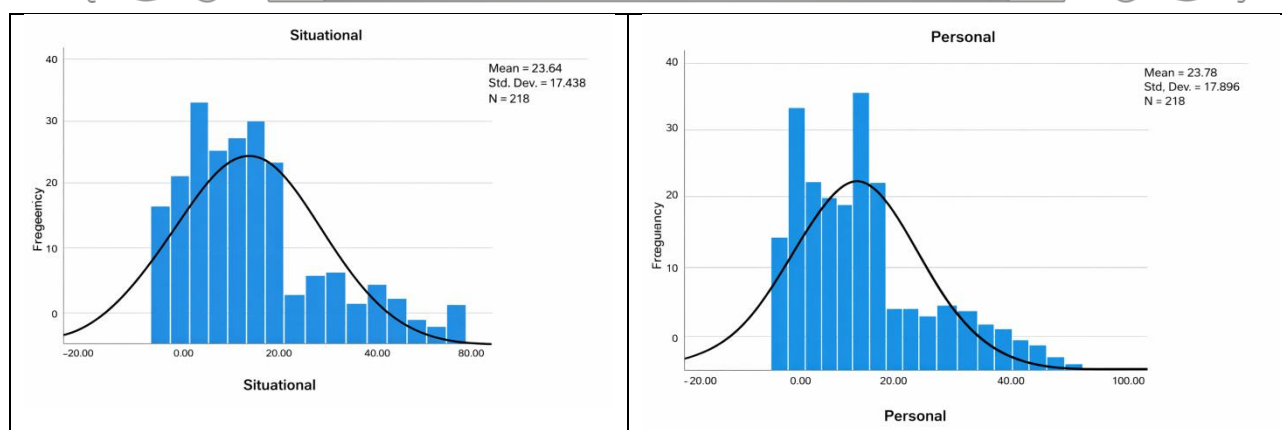

Figure 2 - Results of frequency analysis in the form of histograms using the Spielberger C. technique.

Measures of behavioral tendencies and abilities

In contrast, results obtained using the Differential Diagnostic Questionnaire demonstrated distributions consistent with expected normative patterns. As illustrated in Figure 3, professional interest scores were evenly distributed across categories, without systematic clustering at minimal or extreme values.

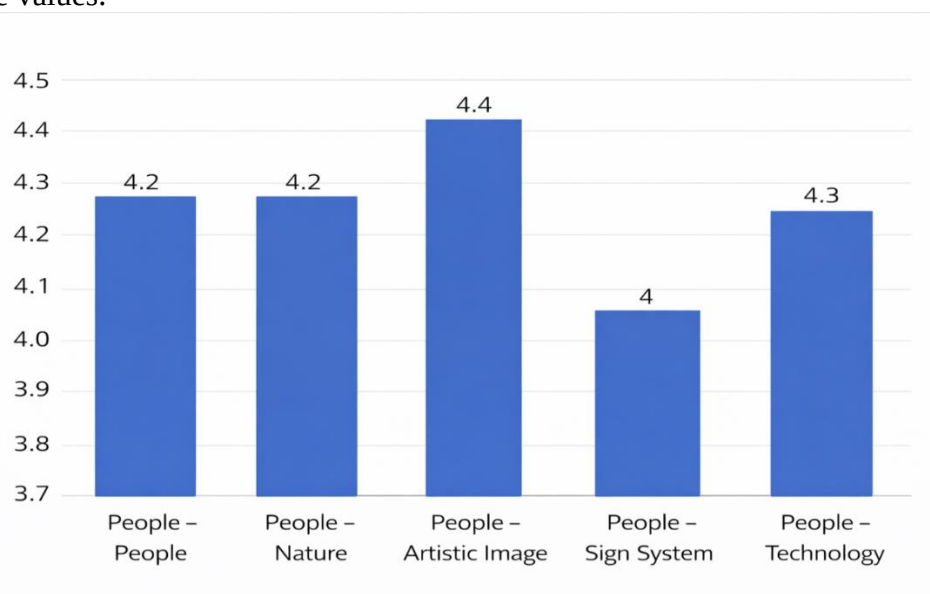

Figure 3 - Results of diagnostics of professional inclination using the method of E. Klimov.
(in average points)

Comparable findings were observed for the Emotional Intelligence Assessment. Descriptive statistics for all subscales and the integral emotional intelligence score are presented in Table 37

Table 3 - Results of diagnostics of the level of emotional intelligence using the Hall N. method.

		Informed	Control	Self-motivation	Empathy	Recognition	Integral
N	Valid	218	218	218	218	218	218
	Missed	0	0	0	0	0	0
Average		9,3578	8,8394	9,2752	8,5872	9,7202	45,7798
Median		9,0000	8,0000	9,0000	8,0000	10,0000	45,0000
Standard deviations		5,33923	5,05882	5,15988	4,88147	5,16276	11,84139

While the corresponding frequency distributions are shown in Figure 4. All scales demonstrated distributions approximating normality, with balanced measures of central tendency and dispersion.

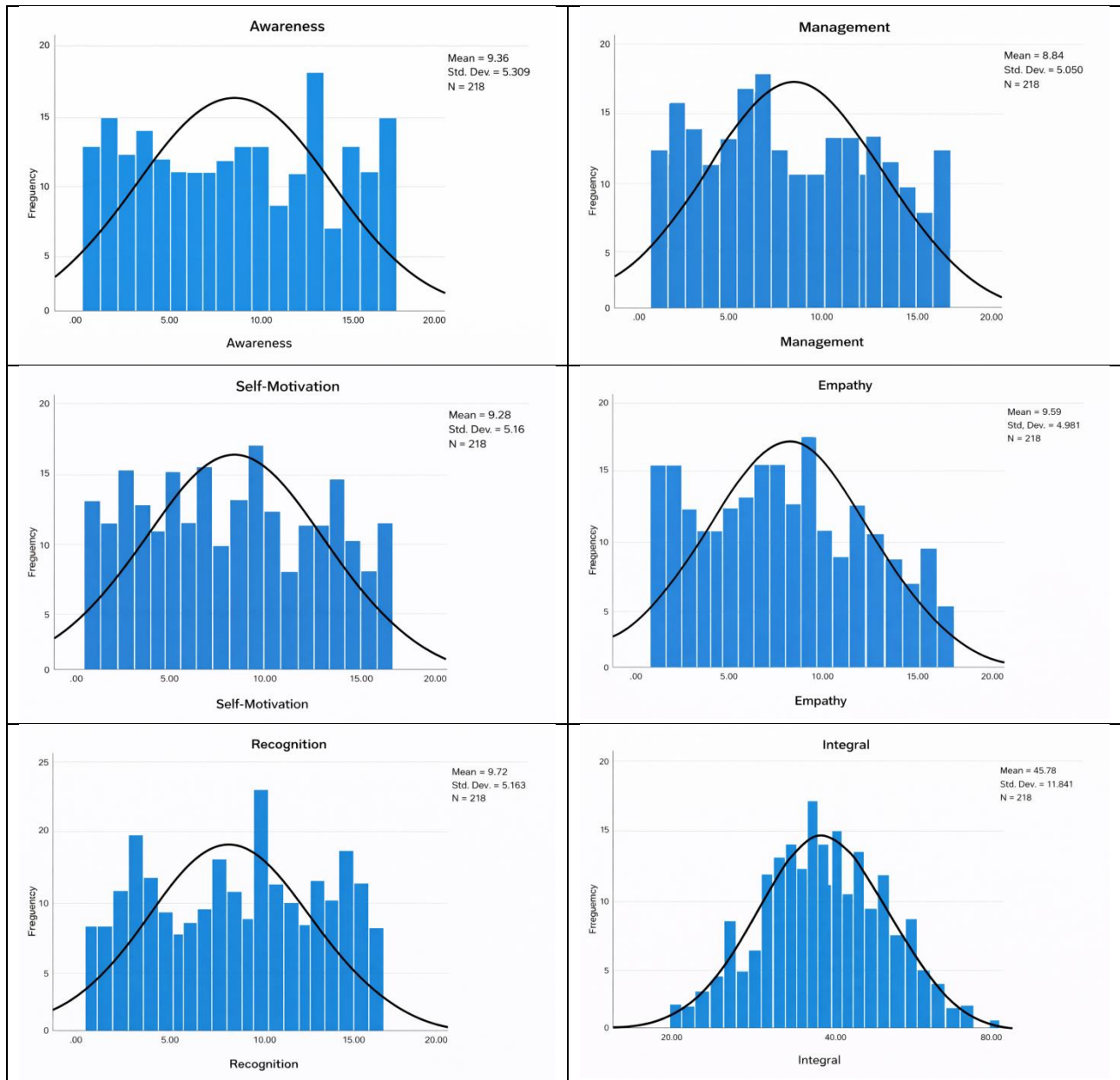

Figure 4 - Results of frequency analysis in the form of histograms using the Hall N. method

Comparative pattern of diagnostic reliability

The comparison of distributional characteristics across instruments revealed a systematic difference between self-report measures targeting internal emotional states and instruments focusing on behavioral or ability-related constructs. Self-report emotional measures consistently demonstrated distributional distortions indicative of reduced sensitivity to moderate and high levels of psycho-emotional difficulties, whereas behavior-oriented instruments showed stable and balanced distributions.

Discussion

The present study aimed to examine the reliability of psychodiagnostic assessment of social and personal maladjustment in a naturalistic school environment and to explore the role of psychological artifacts in shaping diagnostic outcomes. The findings provide empirical support for the assumption that standardized self-report measures of psycho-emotional state are particularly vulnerable to distortion when applied in educational settings.

Theoretical implications for psychological well-being assessments. The observed distortion of self-report measures in school settings has important implications for the conceptualization and assessment of psychological well-being in adolescence.

Contemporary models emphasize that well-being cannot be reduced to the absence of distress or the presence of positive affect alone. Hedonic indicators, such as momentary emotional states, capture only one dimension of functioning and may be particularly sensitive to contextual pressures and impression management [7].

In contrast, eudaimonic approaches conceptualize psychological well-being as a function of personal maturity, autonomy, self-acceptance, purposefulness, and the capacity for self-regulation (Ryff, 1989). From this perspective, unrealistically low levels of anxiety or emotional discomfort observed in self-report assessments do not necessarily indicate high psychological well-being. Instead, they may reflect socially desirable responding, especially in environments where evaluation is embedded within hierarchical and socially regulated systems such as schools.

The present findings suggest that school-based psychodiagnostics may inadvertently produce what can be described as false-positive well-being, a situation in which students appear emotionally well-adjusted based on self-report data while underlying difficulties related to identity formation, self-regulation, or social adaptation remain undetected. This risk is particularly salient during adolescence, a developmental period characterized by heightened sensitivity to external evaluation and ongoing identity consolidation.

From the standpoint of self-determination theory, reliable psychological well-being is grounded in the satisfaction of basic psychological needs for autonomy, competence, and relatedness [8]. When these needs are unmet, individuals may adopt compensatory response strategies aimed at preserving a socially acceptable self-image rather than expressing authentic internal states. Such mechanisms may partially explain why emotional self-report measures demonstrated reduced sensitivity in the present study, whereas behavior- and ability-oriented instruments showed greater stability.

These findings underscore the importance of integrating theoretical models of psychological well-being into the interpretation of psychodiagnostic data. Without such integration, there is a substantial risk that school psychologists may equate low symptom endorsement with well-being, thereby underestimating students' need for support. Indirect assessment methods, including structured observation and multi-source data triangulation, may help bridge the gap between surface-level emotional indicators and deeper dimensions of psychological functioning.

Consistent with the first hypothesis, measures targeting internal emotional experiences [9] demonstrated systematic deviations from normative distributions, characterized by unrealistically low symptom severity. Such patterns are unlikely to reflect the actual prevalence of emotional difficulties in adolescent populations and instead point to the influence of contextual and psychological artifacts. Social desirability bias and expectancy effects appear to play a central role, as adolescents may adapt their responses to align with perceived social norms, adult expectations, or fears of negative consequences.

These findings align with prior research highlighting the susceptibility of self-report instruments to situational influences, particularly in environments where anonymity cannot be fully ensured and where assessment outcomes may be perceived as consequential [10]. From an ecological perspective, the school context represents a field setting in which strict experimental control is unattainable, thereby challenging the validity assumptions underlying standardized psychometric testing.

In support of the second hypothesis, instruments focusing on behavioral tendencies, abilities, and competencies demonstrated substantially greater distributional stability. The relative resistance of these measures to distortion may be explained by their reduced emphasis on introspective self-evaluation and emotionally sensitive content. As a result, respondents may experience less pressure to manage impressions or conform to socially desirable response patterns.

The discrepancy between emotional self-report measures and behavior-oriented instruments has important implications for school-based psychological assessment. Reliance on

standardized testing alone, particularly when targeting psycho-emotional well-being, may lead to systematic under-identification of students experiencing maladjustment. This, in turn, undermines the preventive and supportive functions of school psychological services.

In this context, the findings substantiate the need to integrate indirect assessment methods into routine psychodiagnostic practice. Structured observation forms, triangulation of data sources, and longitudinal monitoring may help compensate for the limitations of self-report instruments and enhance early detection of students in need of psychological support. Importantly, such approaches do not replace standardized testing but complement it by increasing ecological validity and diagnostic sensitivity [11, 12].

Several limitations of the study should be acknowledged. The research was conducted within a single educational institution, which may limit the generalizability of the findings. In addition, the study relied primarily on distributional analyses rather than inferential comparisons. Future research should examine these effects across multiple schools and incorporate longitudinal designs to further clarify the dynamics of diagnostic distortion [13,14].

In conclusion, the present study demonstrates that school-based psychodiagnostic assessment of psycho-emotional well-being is subject to systematic distortion due to psychological artifacts inherent in naturalistic educational settings. Integrating indirect methods alongside standardized testing represents a promising strategy for improving diagnostic reliability and strengthening psychological support systems in secondary education [15].

Conclusions

The present study examined the reliability of psychodiagnostic assessment of social and personal maladjustment among secondary school students in a naturalistic educational environment. The findings demonstrate that standardized self-report measures targeting psycho-emotional states are particularly vulnerable to diagnostic distortion in school settings, as evidenced by systematic deviations from expected distributional patterns. In contrast, instruments focused on behavioral tendencies, abilities, and emotional competencies exhibited greater distributional stability and appeared less susceptible to psychological artifacts. These results suggest that reliance on self-report emotional measures alone may lead to under-identification of students experiencing maladjustment and, consequently, limit the preventive capacity of school-based psychological services. The study highlights the importance of complementing standardized testing with indirect assessment approaches, such as structured observation and multi-source data integration, to enhance diagnostic validity. Incorporating such methods may improve early detection of maladjustment and support more accurate evaluation of students' psychological well-being in educational contexts.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Myers D. G., Abell J., Sani F. Social psychology. 3rd ed. Maidenhead: McGraw Hill, 2020. 756 p. URL: https://books.google.com/books/about/EBook_Social_Psychology_3e.html?id=CsovEAAAQBAJ (accessed: 10.02.2026).
- 2 Brunswik E. Perception and the representative design of psychological experiments. Berkeley: University of California Press, 2023. URL: <https://www.ucpress.edu/books/perception-and-the-representative-design-of-psychological-experiments> (accessed: 10.02.2026).
- 3 Healy A. F., Proctor R. W. Handbook of psychology. Volume 4: Experimental psychology. 2nd ed. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2003. URL: <https://www.wiley.com/en-us/Handbook%2Bof%2BPsychology%2C%2BVolume%2B4%2C%2BExperimental%2BPsychology%2C%2B2nd%2BEdition-p-x000543592> (accessed: 10.02.2026).
- 4 Донцов Д. А., Шарафутдинова Н. В. Социально-психологическая диагностика детских и юношеских коллективов: учебное пособие. М.: Юрайт, 2023. 205 с. URL: <https://urait.ru/bcode/516389> (дата обращения: 10.02.2026).
- 5 Климов Е. А. Дифференциально-диагностический опросник (ДДО): методика. URL: <https://www.kurgancollege.ru/upload/docs/test.pdf> (дата обращения: 10.02.2026).
- 6 Hall N. Emotional intelligence test (HEIT): questionnaire (electronic resource). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-intellekta-i-empaticheskikh-sposobnostey-u-studentov-meditsinskogo-vuza> (accessed: 10.02.2026).
- 7 Diener E. Subjective well-being. Psychological Bulletin. 1984;95(3):542-575. DOI10.1037/0033-2909.95.3.542
- 8 Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. Journal of Personality and Social Psychology. 1989;57(6):1069-1081. DOI10.1037/0022-3514.57.6.1069

- 9 Ryan R. M., Deci E. L. Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions. *Contemporary Educational Psychology*. 2000;25(1):54-67. DOI10.1006/ceps.1999.1020
- 10 Keyes C. L. M. The mental health continuum: From languishing to flourishing in life. *Journal of Health and Social Behavior*. 2002;43(2):207-222. DOI10.2307/3090197
- 11 Paulhus D. L. Socially desirable responding: The evolution of a construct. In: Braun H. I., Jackson D. N., Wiley D. E. (eds.). *The role of constructs in psychological and educational measurement*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2002:49-69. URL: <https://www2.psych.ubc.ca/~dpaulhus/research/CIRCUMPLEX/ETS%20chapter.pdf> (accessed: 10.02.2026).
- 12 Stigler S. M. Regression toward the mean, historically considered. *Statistical Methods in Medical Research*. 1997;6(2):103-114. DOI10.1177/096228029700600202
- 13 Klymchuk V., Tapalova O., Zhaparov E. Psychological assessment of school maladjustment and the impact of diagnostic artifacts on well-being evaluation // *SRSTI*. – 2026. – Vol. 15, No. 41. – P. 49–65.
- 14 Eysenck H.J. *Self-assessment of mental states*. – London: Routledge, 1990. – 256 p.
- 15 Spielberger C.D. *State-Trait Anxiety Inventory (STAI) Manual*. – Palo Alto: Consulting Psychologists Press, 1983. – 45 p.

REFERENCES:

- 1 Myers, D. G., Abell, J., & Sani, F. (2020). *Social psychology* (3rd ed.). McGraw Hill. URL: https://books.google.com/books/about/EBook_Social_Psychology_3e.html?id=CsovEAAAQBAJ
- 2 Brunswik, E. (2023). *Perception and the representative design of psychological experiments*. University of California Press. URL: <https://www.ucpress.edu/books/perception-and-the-representative-design-of-psychological-experiments>
- 3 Healy, A. F., & Proctor, R. W. (Eds.). (2003). *Handbook of psychology: Experimental psychology* (Vol. 4, 2nd ed.). John Wiley & Sons. URL: <https://www.wiley.com/en-us/Handbook%2Bof%2BPsychology%2C%2BVolume%2B4%2C%2BExperimental%2BPsychology%2C%2B2nd%2BEdition-p-x000543592>
- 4 Dontsov, D. A., & Sharafutdinova, N. V. (2023). *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika detskikh i yunosheskikh kollektivov* [Social and psychological diagnostics of children's and youth groups]. Yurait. URL: <https://urait.ru/bcode/516389> (in Russian)
- 5 Klimov, E. A. (n.d.). *Differentsial'no-dagnosticheskii oprosnik (DDO)* [Differential diagnostic questionnaire]. URL: <https://www.kurgancollege.ru/upload/docs/test.pdf> (in Russian)
- 6 Hall, N. (n.d.). *Hall Emotional Intelligence Test (HEIT)* (electronic resource). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-intellekta-i-empaticheskikh-sposobnostey-u-studentov-meditsinskogo-vuza>
- 7 Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542-575. DOI10.1037/0033-2909.95.3.542
- 8 Ryff, C. D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57(6), 1069-1081. DOI10.1037/0022-3514.57.6.1069
- 9 Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2000). Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions. *Contemporary Educational Psychology*, 25(1), 54-67. DOI10.1006/ceps.1999.1020
- 10 Keyes, C. L. M. (2002). The mental health continuum: From languishing to flourishing in life. *Journal of Health and Social Behavior*, 43(2), 207-222. DOI10.2307/3090197
- 11 Paulhus, D. L. (2002). Socially desirable responding: The evolution of a construct. In H. I. Braun, D. N. Jackson, & D. E. Wiley (Eds.), *The role of constructs in psychological and educational measurement* (pp. 49-69). Lawrence Erlbaum Associates. URL: <https://www2.psych.ubc.ca/~dpaulhus/research/CIRCUMPLEX/ETS%20chapter.pdf>
- 12 Stigler, S. M. (1997). Regression toward the mean, historically considered. *Statistical Methods in Medical Research*, 6(2), 103-114. DOI10.1177/096228029700600202

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ШКОЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ И ВЛИЯНИЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ НА ОЦЕНКУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Климчук В.¹, Тапалова О.Б.^{2}, Жапаров Э.^{2*}*

¹ Люксембургский университет, г. Люксембург

² Казахский национальный педагогический университет имени Абая,

Республика Казахстан, г. Алматы

*e-mail: otapalova@gmail.com, zhaparoveldar@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема достоверности психодиагностической оценки социальной и личностной дезадаптации учащихся в условиях естественной образовательной среды. Цель

исследования заключалась в выявлении степени влияния психологических артефактов на результаты самоотчётной диагностики и разработке практических рекомендаций по повышению точности оценки психологического благополучия обучающихся. В исследовании приняли участие 218 учащихся общеобразовательной школы в возрасте 13–17 лет. В диагностическом комплексе использовались стандартизированные методики самооценки эмоциональных состояний и тревожности (Г. Айзенк, Ч. Спилбергер), а также методики оценки поведенческих склонностей и способностей (Е.А. Климов, Н. Холл). Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS. Результаты исследования показали существенные отклонения распределения показателей психоэмоциональных состояний от нормальных значений, характеризующиеся систематическим занижением выраженности симптоматики. В то же время показатели, отражающие способности и эмоциональный интеллект, продемонстрировали распределения, близкие к нормативным. Полученные данные свидетельствуют о высокой уязвимости самоотчётных методик оценки эмоционального благополучия к влиянию психологических артефактов, прежде всего социальной желательности и эффекта ожиданий. В работе обосновывается необходимость использования косвенных методов психодиагностики, включая структурированное наблюдение, как эффективного инструмента повышения достоверности диагностики и раннего выявления учащихся группы риска.

Ключевые слова: психодиагностика, школьная дезадаптация, психологическое благополучие, социальная желательность, диагностические артефакты.

МЕКТЕПТЕГІ ДЕЗАДАПТАЦИЯНЫҢ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ДИАГНОСТИКАСЫ ЖӘНЕ ДИАГНОСТИКАЛЫҚ АРТЕФАКТІЛЕРДІҢ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ӘЛ-АУҚАТТЫ БАҒАЛАУҒА ӘСЕРІ

Климчук В.¹, Тапалова О.Б.^{2*}, Жапаров Э.^{2*}

¹ Люксембург университеті, Люксембург

² Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Қазақстан Республикасы, Алматы қ.

*e-mail: otapalova@gmail.com, zhaparoveldar@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада табиғи білім беру ортасы жағдайында оқушылардың әлеуметтік және тұлғалық дезадаптациясын психодиагностикалық бағалаудың сенімділігі мәселесі қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – өзін-өзі бағалау негізіндегі диагностика нәтижелеріне психологиялық артефактілердің әсер ету деңгейін анықтау және оқушылардың психологиялық әл-ауқатын бағалаудың дәлдігін арттыру бойынша практикалық ұсыныстар әзірлеу. Зерттеуге 13–17 жас аралығындағы жалпы білім беретін мектептің 218 оқушысы қатысты. Диагностикалық кешен құрамында эмоционалдық жағдай мен мазасыздықты өзіндік бағалау әдістемелері (Г. Айзенк, Ч. Спилбергер), сондай-ақ мінез-құлық бейімділіктері мен қабілеттерін бағалау әдістемелері (Е.А. Климов, Н. Холл) қолданылды. Мәліметтерді статистикалық өңдеу SPSS бағдарламасының көмегімен жүргізілді. Зерттеу нәтижелері психоэмоционалдық жағдай көрсеткіштерінің қалыпты үлестірімнен елеулі ауытқуларын анықтады, бұл симптомдардың көріну деңгейінің жүйелі түрде төмен бағалануымен сипатталды. Сонымен қатар қабілеттер мен эмоционалдық интеллект көрсеткіштері қалыпты үлестірімге жақын нәтижелер көрсетті. Алынған мәліметтер эмоционалдық әл-ауқатты өзін-өзі бағалау әдістері психологиялық артефактілердің, әсіресе әлеуметтік қолайлылық пен күту әсерінің ықпалына жоғары дәрежеде бейім екенін дәлелдейді. Зерттеу нәтижелері психодиагностикада жанама әдістерді, оның ішінде құрылымдалған бақылауды қолданудың диагностикалық дәлдікті арттыру және тәуекел тобына жататын оқушыларды ерте анықтау үшін тиімді құрал екенін негіздейді.

Кілт сөздер: психодиагностика, мектеп дезадаптациясы, психологиялық әл-ауқат, әлеуметтік қолайлылық, диагностикалық артефактілер.

Information about authors:

Vitalii Klymchuk – ScD in Social Psychology, PhD in Developmental Psychology, Researcher (Social Sciences), University of Luxembourg (Luxembourg, Luxembourg), e-mail: vitalii.klymchuk@uni.lu , ORCID: 0000-0001-7898-5530

Olga Tapalova* – Corresponding Author, Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Applied Psychology, Abai Kazakh National Pedagogical University (13 Dostyk Avenue, Almaty, Kazakhstan), e-mail: otapalova@gmail.com , ORCID: 0000-0001-5381-6466

Eldar Zhaparov* – Corresponding Author, Doctoral Student at Abai Kazakh National Pedagogical University; Methodologist at the Almaty Center for Psychological Support (13 Dostyk Avenue, Almaty, Kazakhstan), e-mail: zhaparoveldar@gmail.com , ORCID: 0000-0003-2875-8369

Авторлар туралы мәліметтер:

Климчук Виталий – әлеуметтік психология ғылымдарының докторы (ScD), даму психологиясы бойынша PhD, ғылыми қызметкер (әлеуметтік ғылымдар), University of Luxembourg (Люксембург, Люксембург), e-mail: vitalii.klymchuk@uni.lu , ORCID: 0000-0001-7898-5530

Тапалова Ольга* – автор-корреспондент, психология ғылымдарының докторы, жалпы және қолданбалы психология кафедрасының профессоры, Abai Kazakh National Pedagogical University (Қазақстан, Алматы қ., Достық даңғылы, 13), e-mail: otapalova@gmail.com , ORCID: 0000-0001-5381-6466

Жапаров Елдар* – автор-корреспондент, Abai Kazakh National Pedagogical University докторанты; Алматы психологиялық қолдау орталығының әдіскері (Қазақстан, Алматы қ., Достық даңғылы, 13), e-mail: zhaparoveldar@gmail.com , ORCID: 0000-0003-2875-8369

Сведения об авторах:

Климчук Виталий – доктор наук по социальной психологии (ScD), PhD по психологии развития, научный сотрудник (социальные науки), University of Luxembourg (Люксембург, Люксембург), e-mail: vitalii.klymchuk@uni.lu , ORCID: 0000-0001-7898-5530

Ольга Тапалова* – автор-корреспондент, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии, Abai Kazakh National Pedagogical University (Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 13), e-mail: otapalova@gmail.com , ORCID: 0000-0001-5381-6466

Елдар Жапаров* – автор-корреспондент, докторант Abai Kazakh National Pedagogical University; методист Алматинского центра психологической поддержки (Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 13), e-mail: zhaparoveldar@gmail.com , ORCID: 0000-0003-2875-8369

РЕФЛЕКСИВНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ НАРУШЕНИЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Л.Ф. Крупельницкая¹ , Н.Б. Жиенбаева² , Н.М. Суюндыкова^{2,*}

¹Киевский национальный университет имени Т. Шевченко, Украина, г. Киев

²Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Республика Казахстан, г. Алматы

*e-mail: Krlyuda@gmail.com, zh_nadejda@mail.ru, nsuyundykova@gmail.com

Аннотация. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) представляет собой комплексное психическое состояние, оказывающее системное влияние на эмоциональную регуляцию, самоконтроль и поведенческое функционирование личности. Несмотря на значительный объем исследований нейробиологических и клинических аспектов ПТСР, механизмы перехода от травматического опыта к нарушениям поведенческого здоровья остаются недостаточно изученными, особенно в контексте субъективного опыта и социокультурных факторов. Цель исследования заключалась в выявлении психологических механизмов, связывающих симптоматику ПТСР с нарушениями поведенческого здоровья, включая употребление психоактивных веществ, поведенческие аддикции, социальную изоляцию и рискованное поведение. Исследование выполнено в качественной парадигме с использованием метода глубинного полуструктурированного интервью. В исследовании приняли участие 25 респондентов из различных регионов Республики Казахстан. Анализ данных осуществлялся в рамках рефлексивного тематического анализа. Результаты позволили выделить ключевые механизмы формирования поведенческой дезадаптации, включая хроническое чувство угрозы, избегание, нарушения сна, эмоциональную дисрегуляцию, самостигматизацию и дефицит социальной поддержки. Выявлено, что поведенческие нарушения выступают функционально объяснимыми стратегиями краткосрочной регуляции дистресса, закрепляющимися через механизмы отрицательного подкрепления. Полученные данные позволили разработать концептуальную модель, описывающую самоподдерживающийся цикл взаимодействия симптомов ПТСР и поведенческих нарушений. Практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости интегрированных травма-информированных вмешательств, направленных на восстановление эмоциональной регуляции и профилактику аддиктивных траекторий.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, поведенческое здоровье, эмоциональная регуляция, тематический анализ, травматический стресс.

Введение

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) в последние десятилетия все чаще рассматривается не только как клиническое последствие экстремального стрессового воздействия, но и как многоуровневый фактор, оказывающий системное влияние на поведенческое здоровье личности. Современные эмпирические исследования показывают, что ПТСР сопряжено с выраженными нарушениями эмоциональной регуляции, хронической психофизиологической гипервозбудимостью, когнитивными искажениями, а также устойчивыми стратегиями избегания, которые в совокупности создают предпосылки для формирования широкого спектра дезадаптивных поведенческих паттернов [1]. В данном контексте поведенческое здоровье может быть определено как интегративная область, включающая поведение, связанное с саморегуляцией, стрессоустойчивостью, адаптационным функционированием и риском развития импульсивных и аддиктивных расстройств (область, включающая: (а) психический дистресс, (б) проблемный гэмблинг, (в) употребление психоактивных веществ, а также (г) контекстные системы поддержки и доступ к лечению).

Актуальность изучения взаимосвязи ПТСР и нарушений поведенческого здоровья обусловлена ростом распространенности травматического опыта в условиях современных социальных трансформаций, миграционных процессов, экономической нестабильности и увеличения числа людей, сталкивающихся с насилием, утратой и хроническим стрессом [2]. ПТСР нередко сопровождается коморбидными психическими расстройствами, включая

депрессию, тревожные состояния, суицидальный риск, а также различные формы зависимого поведения. В частности, исследователи подчеркивают, что дисфункции эмоциональной регуляции при ПТСР могут выступать центральным механизмом формирования рискованных стратегий совладания, таких как употребление психоактивных веществ, компульсивное поведение и патологическое вовлечение в азартные игры [3]. Таким образом, травматический стресс может рассматриваться как предиктор поведенческих нарушений, поддерживающий цикл избегания, эмоционального онемения и поиска краткосрочного облегчения через аддиктивные практики.

Несмотря на значительный объем данных о нейробиологических и психологических механизмах ПТСР, в современной научной литературе сохраняется недостаток исследований, раскрывающих субъективный опыт формирования поведенческой дезадаптации у людей с травматическим фоном. Особую значимость в этом отношении приобретает качественный анализ, позволяющий выявить, каким образом травматическое переживание трансформируется в устойчивые поведенческие паттерны, нарушающие социальное функционирование, финансовую стабильность и межличностные отношения. Данный аспект особенно важен при изучении игровой зависимости (лудомании), которая в современных условиях характеризуется высокой доступностью через онлайн-платформы и агрессивные маркетинговые стратегии, усиливающие риск вовлеченности у социально и психологически уязвимых групп населения. Материалы глубинных интервью с респондентами, имеющими опыт лудомании в Казахстане, демонстрируют разрушительные последствия игровой зависимости, включая долговую нагрузку, социальную изоляцию, депрессивные состояния и утрату контроля над жизнью. Эти данные подчеркивают необходимость более глубокого анализа психологических механизмов формирования и закрепления аддиктивного поведения в контексте травматического стресса.

Цели исследования включают: (1) описание субъективных траекторий перехода от травматического опыта и симптомов ПТСР к изменениям поведения и функционирования; (2) выявление ключевых механизмов (эмоциональная регуляция, нарушения сна и гипервозбуждение, избегание, переживание стыда, привязанность и социальная поддержка, контекстные стрессоры), связывающих ПТСР и поведенческие нарушения; (3) построение концептуальной модели циклов поддержания дезадаптивного поведения.

В рамках исследования выдвигаются следующие гипотезы:

Во-первых, трудности эмоциональной регуляции выступают центральным механизмом, связывающим тяжесть симптоматики ПТСР с употреблением психоактивных веществ и рискованным поведением, что соответствует модели саморегуляторных дефицитов и негативного подкрепления.

Во-вторых, избегание может снижать дистресс в краткосрочной перспективе, однако в долгосрочной перспективе оно поддерживает повторные переживания и ощущение угрозы, сужая жизненное пространство личности и повышая вероятность обращения к «быстрым» дезадаптивным стратегиям (алкоголь, азартные игры, самоповреждения).

В-третьих, небезопасные стратегии привязанности и дефицит социальной поддержки усиливают траекторию «ПТСР → поведенческие нарушения», повышая изоляцию, стыд и межличностный стресс. Наконец, нарушения сна и гипервозбуждение формируют «усилительный контур», увеличивающий уязвимость к импульсивным решениям и рецидивам зависимого поведения.

Таким образом, работа основывается на междисциплинарном подходе, сочетающем современные теоретические модели эмоциональной регуляции при ПТСР и качественный анализ глубинных интервью, что позволяет расширить понимание взаимосвязи травмы и нарушений поведенческого функционирования в социокультурном контексте Казахстана.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) в современной клинико-психологической и психиатрической литературе описывается как комплексное состояние,

возникающее вследствие воздействия экстремального стрессора и сопровождающееся устойчивыми нарушениями эмоционального, когнитивного и поведенческого функционирования. На феноменологическом уровне ПТСР включает навязчивые воспоминания и вторжения, выраженный дистресс, гипервозбуждение и избегающее поведение; однако в исследованиях последнего десятилетия усиливается представление о том, что клиническая значимость ПТСР не исчерпывается «памятью о травме», а проявляется в системной перестройке процессов саморегуляции и адаптации [1]. Именно эти изменения формируют основу для нарушений поведенческого здоровья – как в виде выраженного психического дистресса, так и в виде дезадаптивных паттернов поведения (употребление психоактивных веществ, поведенческие аддикции, рискованное и импульсивное поведение), часто выступающих в роли стратегий совладания.

Центральным звеном, связывающим ПТСР и поведенческую дезадаптацию, в современной литературе выступает *эмоциональная дисрегуляция*. В рамках расширенной процессной модели регуляции эмоций показано, что при ПТСР нарушения могут проявляться на разных стадиях регуляторного процесса, начиная от трудностей распознавания и осмысления эмоционального состояния и заканчивая снижением эффективности выбора и реализации адаптивных стратегий. Систематический анализ Agathos et al. подчеркивает каскадный характер этих дефицитов: сбои на ранних этапах регуляции повышают вероятность дисфункциональных реакций на поздних этапах, что приводит к закреплению стратегий избегания, подавления и быстрого переключения, обеспечивающих краткосрочное облегчение, но поддерживающих симптоматику в долгосрочной перспективе [3]. В прикладном плане это означает, что дезадаптивные формы поведения в контексте ПТСР следует рассматривать не как «слабость воли» или моральный дефект, а как функционально понятные попытки управления непереносимыми аффективными состояниями при недостаточности регуляторных ресурсов.

Эмоциональная дисрегуляция в исследованиях тесно связана с формированием рискованных копинг-стратегий. Weber и Lynch подчеркивают, что при травматическом опыте трудности управления интенсивными эмоциональными состояниями нередко сопряжены с повышенной вероятностью поведения, направленного на немедленное снижение внутреннего напряжения — включая употребление психоактивных веществ и компульсивные практики [4]. В этой логике аддиктивные формы поведения могут выступать как инструмент «быстрого контроля» эмоции, обеспечивая временное облегчение за счет отвлечения, эмоционального онемения или кратковременной «перезагрузки» переживания. Важным аспектом выступает не только регуляция негативных эмоций, но и регуляция позитивного возбуждения: при ПТСР повышенная реактивность и трудности модуляции аффекта могут усиливать импульсивные решения, связанные с поиском стимуляции, рискованными действиями и повторяющимся вовлечением в потенциально зависимые практики.

Отдельное место в систематизированной литературе занимает *психофизиологическое возбуждение* и сон как механизм поддержания симптоматики и фактор поведенческой уязвимости. Inanc указывает, что нарушения сна часто сопутствуют ПТСР и усиливают трудности эмоциональной регуляции, повышая эмоциональную нестабильность и выраженность симптомов [1]. На уровне поведенческого здоровья это особенно значимо, поскольку сон является ключевым ресурсом исполнительных функций и самоконтроля; его нарушения повышают вероятность импульсивных решений, снижают способность к отсроченному вознаграждению и делают «немедленное облегчение» более привлекательным. Таким образом, гипервозбуждение и инсомния могут формировать поддерживающий контур: ПТСР → нарушение сна → снижение саморегуляции → рост дезадаптивного поведения → усиление стресса и симптомов ПТСР.

Наряду с психологическими механизмами, исследования выделяют *нейробиологические контуры*, связывающие ПТСР и расстройства поведенческого здоровья. Chaulagain et al. (2025)

подчеркивают значимость дисрегуляции стресс-систем (в частности, гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси), что ассоциируется с изменениями гормонального ответа и уязвимостью к тревоге и депрессии [5]. Gasol et al. (2022) обращают внимание на то, что дефициты эмоциональной регуляции и связанные с ними нейropsychологические нарушения могут повышать риск формирования зависимого поведения, особенно если оно начинает выполнять функцию управления возбуждением и негативным аффектом [6]. В свою очередь, Mahoney et al. (2020) показывают, что импульсивность может выступать важным модератором связи симптомов ПТСР с употреблением веществ: при повышенной импульсивности вероятность перехода от симптомов к дезадаптивному поведению возрастает, что подчеркивает необходимость учитывать индивидуальные различия в самоконтроле и регуляторных ресурсах [7].

Важным вкладом современной литературы является понимание того, что связь ПТСР с поведенческим здоровьем усиливается **социально-экономическими и контекстными факторами**. Guetta et al. (2022) демонстрируют, что экономическая нестабильность и структурные стрессоры (например, финансовая незащищенность, безработица) могут усугублять последствия ПТСР, поскольку ограничивают доступ к ресурсам поддержки и усиливают хронический дистресс. В этом смысле поведенческие нарушения следует анализировать не только как индивидуальный психологический феномен, но и как результат взаимодействия симптоматики с социальными условиями: недостаток поддержки и ресурсов делает стратегии «быстрого облегчения» более вероятными и более устойчивыми. Параллельно Hen et al. (2022) показывают, что социальная изоляция может осложнять эмоциональную регуляцию у детей и подростков, формируя дополнительную уязвимость к дезадаптивным траекториям [8].

Системный взгляд литературы прослеживается и в исследованиях, посвященных **раннему травматическому опыту**. Adeyemo et al. (2025), рассматривая вмешательства для детей с симптомами травматического стресса, подчеркивают значимость доказательных подходов (в частности, когнитивно-поведенческих), что указывает на возможность профилактики регуляторных дефицитов на ранних этапах [9]. Asiedu и Baliki (2025) акцентируют, что экспозиция к насилию в семье в детстве связана с долгосрочными рисками для психического здоровья, причем последствия варьируют по возрасту и полу [10]. Эти данные поддерживают представление о том, что ПТСР и нарушения поведенческого здоровья могут иметь «развернутую во времени» траекторию, где ранний стресс перестраивает регуляторные системы, повышая риск дезадаптивного совладания во взрослом возрасте. В совокупности эти исследования поддерживают тезис о необходимости комплексной помощи, ориентированной на регуляторные дефициты и контекстные стрессоры, а не только на «изолированные» симптомы.

В целом, систематизация исследований позволяет сделать вывод, что ПТСР влияет на поведенческое здоровье через взаимосвязанные механизмы: хроническое гипервозбуждение и нарушения сна, дефициты эмоциональной регуляции и самоконтроля, повышенную импульсивность, а также контекстные стрессоры и дефицит социальной поддержки. Эти процессы формируют условия, при которых дезадаптивные стратегии совладания (включая употребление ПАВ и поведенческие аддикции, в том числе проблемный гэмблинг) становятся функционально «понятным» способом краткосрочного облегчения и постепенно закрепляются как устойчивые паттерны. Именно поэтому дальнейшие исследования – особенно в формате качественного анализа субъективного опыта – представляются необходимыми для уточнения механизмов перехода от симптомов ПТСР к поведенческим нарушениям и для разработки интегрированных клинических моделей помощи, учитывающих социальный контекст, доступность лечения и барьеры обращения за поддержкой (Таблица 1).

Таблица 1 – Основные механизмы связи ПТСР и нарушений поведенческого здоровья

№	Механизм	Как ведет к поведенческим нарушениям?
1	Диагностическое ядро ПТСР (повторное переживание, избегание, повышенная угроза)	Формирует хронический дистресс, поддерживает избегание и сужение жизненного пространства; повышает вероятность использования краткосрочных стратегий облегчения (аддикции, рискованное поведение)
2	Рискованное и самодеструктивное поведение как компонент симптоматики	Связывает ПТСР с импульсивными и опасными действиями (агрессия, самоповреждения), усиливая вторичную травматизацию и социальные потери
3	Аллостатическая нагрузка	Хронический стресс истощает адаптационные ресурсы организма, снижает регуляторные возможности и усиливает ориентацию на «короткие» стратегии выживания
4	Нейробиологические контуры	Усиленная реактивность миндалины и дефицит префронтального контроля → снижение контекстной переработки и рост импульсивности, уязвимость к триггерам
5	Дефициты эмоциональной регуляции	Трудности управления интенсивным аффектом повышают использование избегания и стратегий «быстрой саморегуляции» через вещества или компульсивное поведение
6	Самолечение и отрицательное подкрепление	Алкоголь, ПАВ или азарт временно снижают дистресс → закрепление паттерна через отрицательное подкрепление → рост зависимости и стрессоров
7	Нарушения сна (инсомния, кошмары)	Сон снижает дневное функционирование, усиливает раздражительность и импульсивность, поддерживает гипервозбуждение и течение ПТСР
8	Привязанность и социальная поддержка	Поддержка снижает риск хронификации и способствует обращению за помощью; дефицит усиливает изоляцию, стыд и барьеры лечения
9	Доказательные вмешательства (травма-фокусированные подходы)	Травма-фокусированные подходы воздействуют на избегание и переработку памяти; психообразование снижает самостигму

Дизайн исследования и методы. Настоящее исследование выполнено в качественной парадигме и основано на методе глубинного полуструктурированного интервью, ориентированного на реконструкцию субъективного опыта и выявление механизмов формирования и поддержания поведенческой дезадаптации.

Выборка и контекст. Эмпирическую базу составили данные глубинных интервью с 25 респондентами из различных регионов Республики Казахстан, представляющими разные социальные и профессиональные группы. В исследование были включены как мужчины ($n = 20$), так и женщины ($n = 5$); возраст участников варьировал от 30 до 52 лет. Социально-профессиональный профиль выборки характеризовался гетерогенностью: среди респондентов присутствовали высококвалифицированные специалисты, работники сферы обслуживания, строители, таксисты, а также представители бизнеса. Разнообразие социального положения также было выраженным: участники описывали различные семейные и жизненные ситуации — от стабильного семейного статуса до переживания

кризисных обстоятельств (развод, потеря работы и др.). Данные интервью использовались для выявления субъективно описываемых причин формирования зависимости.

Критерии включения и логика отбора. Отбор носил целевой характер (purposive sampling) и был направлен на включение информантов, имеющих релевантный опыт проблемного/зависимого поведения (в частности, лудомании) и готовых к развернутому описанию жизненной траектории, связанной с данным феноменом. В расширенной клинико-психологической логике настоящей статьи (где ПТСР рассматривается как фактор поведенческого здоровья) критерии были дополнены следующими позициями: (1) возраст ≥ 18 лет; (2) наличие опыта потенциально травматического события; (3) способность предоставить информированное согласие и участвовать в интервью без выраженного риска дезорганизации состояния. Данные критерии задали рамку для дальнейшей интеграции качественного материала интервью с клинической концептуализацией ПТСР в теоретическом разделе статьи.

Процедура сбора данных. Для сбора эмпирических данных применялись глубинные интервью с открытыми вопросами, направленные на получение подробных нарративов о жизненном контексте «до» и «после» формирования зависимости, профессиональной деятельности, значимых увлечениях, личных переживаниях и субъективно воспринимаемых последствиях. Интервью проводились в различных городах и регионах Казахстана, что позволило обеспечить вариативность социального контекста и снизить риск «локальной» ограниченности эмпирического материала. С учетом травма-информированного подхода (и целей статьи, ориентированных на механизмы), интервью был выстроен так, чтобы не требовать детального воспроизведения травматических эпизодов, а фокусировать внимание на: (а) переживаемых состояниях и симптоматике (гипервозбуждение, нарушения сна, избегание, навязчивые воспоминания/триггеры); (б) изменениях поведения и повседневного функционирования; (в) стратегиях совладания и «быстрого облегчения» (что снижает напряжение краткосрочно и что разрушает долгосрочно); (г) межличностной динамике (поддержка, конфликты, доверие, стыд/изоляция); (д) опыте обращения за помощью и барьерах доступа к лечению. Такая структура обеспечила сопоставимость нарративов и позволила аналитически перейти от описания опыта к реконструкции механизмов поддержания поведенческих нарушений.

Фиксация и подготовка материалов. При проведении интервью использовались аудиофиксация (с согласия участников), полевые заметки исследователя и последующая дословная транскрипция ключевых смысловых фрагментов (или полная транскрипция – в зависимости от выбранной стратегии анализа). Для обеспечения конфиденциальности данные подлежали де-идентификации: персональные сведения, географические и организационные маркеры, позволяющие распознать участника, заменялись кодами. Эмпирические материалы структурировались и хранились в защищенном цифровом формате; рабочие массивы для кодирования и систематизации могли формироваться в программных средах Microsoft Word/Excel (Microsoft, США) как минимально достаточных инструментах для качественного анализа и ведения «audit trail» (журнала аналитических решений), что соответствует требованию журнала указывать используемое программное обеспечение.

Стратегия анализа данных. Анализ выполнен в логике рефлексивного тематического анализа, направленного на выявление повторяющихся смысловых структур и построение тем, описывающих механизмы формирования и поддержания поведенческой дезадаптации. Аналитическая процедура включала поэтапное: (1) первичное ознакомление с корпусом данных; (2) формирование начальных кодов; (3) группировку кодов и поиск тем; (4) пересмотр и уточнение тем с опорой на корпус данных; (5) определение и наименование тем; (6) построение связного аналитического описания и интерпретации результатов. В рамках настоящей статьи кодирование может осуществляться гибридно: индуктивно (фиксация «языка участника» и эмпирически возникающих категорий) и дедуктивно

(использование теоретических якорей – эмоциональная регуляция, гипертвуждение/сон, избегание, социальная поддержка, импульсивность), что обеспечивает сопряжение качественных данных с исследовательскими целями, ориентированными на механизм влияния ПТСР на поведенческое здоровье.

Обеспечение качества и прозрачности. Для повышения доверия к результатам и воспроизводимости аналитической логики применялись процедуры прозрачной документации исследовательских решений: ведение заметок, фиксация изменений кодовой схемы, описание переходов от кодов к темам, а также рефлексивное обозначение позиции исследователя и контекстных влияний на интерпретацию. В структуре рукописи дополнительно было отражено ключевые элементы отчетности качественных исследований.

Этические аспекты. Настоящее исследование получило одобрение Комитета по этике Жетысуского университета (протокол № 2025-04/К) и проводилось в соответствии с международными этическими стандартами проведения исследований с участием человека. Исследование проводилось в соответствии с базовыми этическими принципами психологических и социальных исследований. Участие во всех этапах было добровольным, с возможностью прекращения участия без объяснения причин. Все данные анализировались в обобщенном виде и использовались исключительно в научных целях.

Участие носило добровольный характер и предполагало получение информированного согласия. Участникам предоставлялось право отказаться от ответа на любой вопрос, сделать паузу или прекратить интервью без негативных последствий. Отдельное внимание уделялось конфиденциальности и де-идентификации данных. Поскольку тематика может затрагивать тяжелые переживания, протокол интервьюирования предусматривал бережную коммуникацию, недопущение давления на участников и ориентацию на психологическую безопасность.

Результаты и обсуждение

В рамках настоящего исследования был проведен рефлексивный тематический анализ глубинных интервью, направленный на выявление субъективных механизмов, посредством которых симптомы посттравматического стрессового расстройства сопрягаются с нарушениями поведенческого здоровья, включая употребление психоактивных веществ, поведенческие аддикции (в том числе проблемный гэмблинг), социальную изоляцию, агрессивные реакции и рискованное поведение. Представленные результаты структурированы в соответствии с основными кластерами симптоматики ПТСР (повторное переживание, избегание, повышенное чувство угрозы), а также с концептуальными моделями эмоциональной регуляции и аллостатической нагрузки, описывающими переход от хронического стресса к поведенческой дезадаптации.

Анализ позволил выделить шесть ключевых тем, отражающих устойчивые смысловые структуры в нарративах участников. Эти темы демонстрируют, что поведенческие нарушения в контексте ПТСР не являются случайными сопутствующими феноменами, а формируются как функционально объяснимые способы регуляции невыносимого внутреннего напряжения, поддерживаемые механизмами отрицательного подкрепления и усугубляемые социальными потерями.

Тема 1. «Текущее чувство угрозы» как хронический фон поведенческого срыва».

Одной из наиболее выраженных тем, проходящих через интервью участников, стало переживание стойкого чувства текущей угрозы. Участники описывали состояние гипертвуждения – постоянную настороженность, телесное напряжение, повышенную реактивность на внешние стимулы и невозможность расслабления даже в относительно безопасных ситуациях. Данное состояние соответствует кластеру «повышенной угрозы» в диагностическом описании ПТСР и рассматривается как один из наиболее истощающих симптомов, влияющих на повседневное функционирование.

Участники подчеркивали, что хроническое пребывание в режиме «боевой готовности» приводит к быстрому истощению ресурсов самоконтроля и снижению

способности к осознанной регуляции поведения. Постоянная мобилизация воспринималась как телесно-эмоциональный фон, который постепенно разрушает границы выдерживания и делает импульсивные действия более вероятными. В этом контексте поведенческие срывы описывались не как осознанный выбор, а как результат накопленного напряжения, при котором любая стратегия быстрого облегчения становится субъективно оправданной.

Клинические рекомендации подчеркивают, что гипертоническое возбуждение, повышенная «пугливость» и нарушения сна являются типичными проявлениями как острой стрессовой реакции, так и ПТСР, требующими психообразования и поддержки. Таким образом, результаты указывают, что чувство угрозы выполняет роль первичного триггера поведенческих нарушений, снижая устойчивость к стрессу и повышая вероятность дезадаптивного копинга.

Тема 2. «Избегание как спасение, ставшее ловушкой»: сужение жизненного пространства». Вторая тема отражает парадоксальный характер избегания. Участники описывали избегающее поведение как первоначально адаптивную стратегию самосохранения: ограничение контакта с напоминаниями о травме снижало интенсивность тревоги и дистресса. Однако в долгосрочной перспективе избегание приводило к постепенному «сужению жизни», ограничению социальных ролей и утрате активности.

Избегание разворачивалось как процесс: сначала участники исключали отдельные ситуации, затем — целые сферы повседневности (поездки, общественные места, контакты), что усиливало социальную изоляцию и вторичные потери. Этот феномен соответствует клиническому описанию ПТСР как расстройства, поддерживаемого избеганием, которое препятствует переработке травматического опыта и усиливает навязчивость воспоминаний. mhGAP подчеркивает данный механизм через эффект «белого слона»: попытки подавить травматические мысли могут приводить к их усилению.

Таким образом, избегание выступает как краткосрочное облегчение, но в долгосрочной перспективе становится ловушкой, усиливающей отчуждение, утрату жизненного пространства и рост потребности в «быстрых» компенсаторных стратегиях.

Тема 3. «Быстрое выключение»: алкоголь, ПАВ и поведенческие аддикции как саморегуляция». Третья тема является центральной для понимания связи ПТСР и поведенческого здоровья. Участники описывали употребление алкоголя, психоактивных веществ или вовлечение в поведенческие аддикции (в частности, азартные игры) как способ немедленного снижения интенсивности повторных переживаний, тревоги и внутреннего напряжения.

Данные нарративы согласуются с гипотезой самолечения Khantzian (1997), согласно которой аддиктивное поведение может выполнять функцию управления болезненными аффективными состояниями при дефиците регуляторных ресурсов. Поведенческие практики «быстрого облегчения» рассматривались участниками как единственный доступный способ временно прекратить поток травматических воспоминаний или телесного возбуждения [11].

Важно, что подобные стратегии формировали механизм отрицательного подкрепления: краткосрочное облегчение усиливало вероятность повторения поведения, что приводило к закреплению зависимости. В случае гэмблинга участники подчеркивали эффект «замещения»: цифры, ставки и игровой процесс позволяли вытеснить травматическую память, создавая иллюзию контроля и отвлечения.

Таким образом, результаты демонстрируют, что аддиктивные формы поведения следует рассматривать как вторичный механизм регуляции ПТСР, встроенный в цикл поддержания симптоматики.

Тема 4. «Сон как точка разрыва саморегуляции и усилительный контур». Четвертая тема связана с нарушениями сна, которые участники описывали как критическую точку распада саморегуляции. Кошмары, страх засыпания, фрагментация сна и хроническая усталость формировали состояние постоянной истощенности, раздражительности и эмоциональной нестабильности. Участники отмечали, что после нескольких ночей

бессонницы возрастает вероятность агрессии, импульсивных решений и обращения к алкоголю или рискованным действиям.

Таким образом, сон выступает не только симптомом, но и механизмом поддержания: он связывает стресс-физиологию, снижение исполнительного контроля и рост поведенческих срывов.

Тема 5. «Стыд, вина и самостигматизация как барьер помощи». Пятая тема отражает глубокий морально-аффективный слой переживания ПТСР и зависимого поведения. Участники описывали стыд, самообвинение и ощущение «сломленности» как факторы, препятствующие обращению за помощью и усиливающие изоляцию.

Стыд усиливал вторичные потери: человек избегал контактов, скрывал симптомы, что приводило к позднему обращению за лечением, когда поведенческие последствия становились критическими (долги, разрушение отношений, суицидальные мысли). mhGAP подчеркивает необходимость распознавания суицидального риска и важность поддержки, что делает данную тему клинически значимой [12].

Самостигматизация выступает механизмом закрепления поведенческих нарушений, поскольку блокирует доступ к социальной регуляции и помощи.

Тема 6. «Отношения и привязанность: социальная регуляция или социальный стресс». Шестая тема касается межличностного измерения ПТСР. Участники описывали трудности доверия, отчуждение, рост конфликтов и невозможность эмоциональной близости. Нарушение привязанности усиливало чувство небезопасности и поддерживало симптоматику.

Эти результаты согласуются с данными о связи взрослой привязанности и симптомов ПТСР, а также с рекомендациями ВОЗ, подчеркивающими защитную роль поддержки после травмы. Однако участники показывали, что отношения могут становиться не ресурсом, а дополнительным стрессором, усиливающим цикл дезадаптации [13].

Синтез: концептуальная модель поддержания поведенческих нарушений. Суммарно результаты позволяют реконструировать механизм, в котором симптомы ПТСР (повторное переживание, избегание, чувство угрозы) приводят к стресс-физиологическому истощению и нарушениям сна, снижая способность к саморегуляции. Это создает условия для выбора стратегий быстрого облегчения – алкоголя, ПАВ, азартных игр, агрессии или рискованного поведения. Краткосрочное облегчение закрепляется через отрицательное подкрепление, но приводит к долгосрочным последствиям (стыд, долги, конфликты, ухудшение сна), усиливающим стресс и симптоматику ПТСР, формируя самоподдерживающийся цикл.

Таким образом, поведенческие нарушения в контексте ПТСР следует рассматривать как интегральную часть расстройства, требующую комплексной помощи, сочетающей травма-информированные подходы и вмешательства, направленные на восстановление эмоциональной регуляции и предотвращение аддиктивных траекторий (Таблица 2).

Таблица 2 - Траектории от симптомов ПТСР к поведенческим нарушениям и клинические точки вмешательства

№	Тематический кластер интервью	Психологический механизм	Поведенческие исходы (поведенческое здоровье)	Клинические импликации
1	Хроническое чувство угрозы и гипервозбуждение	Постоянная мобилизация, истощение самоконтроля, усиление импульсивности	Агрессия, рискованные действия, быстрые поведенческие срывы	Психообразование, техники стабилизации, работа с гипервозбуждением

№	Тематический кластер интервью	Психологический механизм	Поведенческие исходы (поведенческое здоровье)	Клинические импликации
2	Избегание и сужение жизненного пространства	Краткосрочное снижение тревоги → долгосрочное усиление симптомов и изоляции	Социальная изоляция, функциональные потери, снижение активности	Экспозиционные элементы, восстановление повседневного функционирования
3	«Быстрое выключение» через алкоголь/ПАВ/азарт	Самолечение, отрицательное подкрепление, уход от вторжений	Зависимость, проблемный гэмблинг, компульсивные паттерны	Интеграция лечения ПТСР и аддикций, навыки регуляции эмоций
4	Сон как узловая точка регуляции	Инсомния → снижение исполнительного контроля → рост уязвимости	Усиление импульсивности, рецидивы употребления, ухудшение функционирования	КПТ, работа с кошмарами, восстановление сна
5	Стыд, вина и самостигматизация	Самообвинение блокирует обращение за помощью, усиливает изоляцию	Поздняя маршрутизация в лечение, суицидальные риски	Травма-информированная терапия, снижение самостигмы
6	Нарушения привязанности и социальный стресс	Дефицит безопасности в отношениях усиливает ПТСР и копинг-срывы	Конфликты, разрывы отношений, усиление изоляции	Вовлечение семьи, работа с поддержкой и безопасностью
7	Хроническое чувство угрозы и гипервозбуждение	Постоянная мобилизация, истощение самоконтроля, усиление импульсивности	Агрессия, рискованные действия, быстрые поведенческие срывы	Психообразование, техники стабилизации, работа с гипервозбуждением

Обсуждение

Предложенная в настоящем исследовании концептуальная модель интерпретирует нарушения поведенческого здоровья при посттравматическом стрессовом расстройстве как функционально объяснимые, хотя и клинически деструктивные, попытки восстановить субъективное чувство контролируемости внутреннего состояния в условиях хронического переживания угрозы. Полученные качественные данные показывают, что аддиктивные и рискованные формы поведения (употребление психоактивных веществ, проблемный гэмблинг, импульсивные действия, агрессия, социальное избегание) не являются случайными сопутствующими феноменами, а разворачиваются как стратегии саморегуляции на фоне стойкой дисрегуляции аффективных и стрессовых систем. Данный вывод соответствует биопсихосоциальной логике Engel (1977), согласно которой поведение выступает «мостом» между биологической уязвимостью, психологическими процессами переработки травмы и социальными последствиями травматического опыта.

Полученные результаты подчеркивают необходимость интегрированного подхода к терапии, в котором лечение ПТСР рассматривается одновременно с коррекцией зависимого поведения и восстановлением эмоциональной регуляции. Интервенции, направленные

исключительно на устранение поведенческих симптомов без работы с травматическим ядром и гипервозбуждением, могут быть недостаточно эффективными. Напротив, травма-информированные программы, включающие психообразование о механизмах гипервозбуждения, работу со сном, развитие навыков регуляции эмоций и укрепление социальной поддержки, способны снизить риск закрепления аддиктивных траекторий и улучшить поведенческое функционирование.

Заключение

Настоящее исследование подтверждает, что посттравматическое стрессовое расстройство следует рассматривать не только как клинический синдром, ограниченный симптомами вторжения, избегания и гипервозбуждения, но и как системный фактор нарушений поведенческого здоровья, затрагивающий ключевые механизмы эмоциональной регуляции, самоконтроля и социального функционирования. Результаты качественного анализа демонстрируют, что дезадаптивные формы поведения – употребление психоактивных веществ, поведенческие аддикции (включая проблемный гэмблинг), рискованные действия, агрессивные реакции и социальная изоляция – разворачиваются как функционально объяснимые попытки краткосрочного облегчения хронического внутреннего напряжения и восстановления субъективного контроля в условиях постоянного переживания угрозы.

Полученные данные позволяют концептуализировать поведенческие нарушения при ПТСР как часть самоподдерживающегося цикла, в котором гипервозбуждение, нарушения сна и эмоциональная дисрегуляция снижают доступность адаптивных стратегий совладания, повышая вероятность обращения к «быстрым» копинг-паттернам. Эти стратегии обеспечивают временное снижение дистресса за счет механизмов отрицательного подкрепления, однако в долгосрочной перспективе приводят к усугублению симптоматики, росту вторичных стрессоров (финансовые потери, разрушение отношений, усиление стыда и самостигматизации) и дальнейшему ухудшению поведенческого функционирования. Таким образом, травматический стресс становится не только причиной психопатологии, но и условием закрепления социально и клинически значимых форм дезадаптации.

Вклад настоящей работы заключается в интеграции биопсихосоциальной модели травмы с качественным анализом субъективного опыта респондентов [15-17], что позволяет расширить понимание механизмов перехода от симптомов ПТСР к зависимому и рискованному поведению в социокультурном контексте Казахстана. Особое значение имеет выявление роли социальной поддержки и привязанности как модераторов данной траектории: дефицит безопасных отношений и барьеры обращения за помощью усиливают изоляцию и поддерживают аддиктивные стратегии, тогда как наличие поддерживающей среды может выступать фактором разрыва патологического цикла.

Практические импликации исследования указывают на необходимость интегрированных травма-информированных моделей помощи, в которых лечение ПТСР не отделяется от профилактики и коррекции поведенческих расстройств. Эффективные вмешательства должны включать работу с нарушениями сна, восстановление навыков эмоциональной регуляции, снижение самостигматизации, а также развитие доступных маршрутов помощи для лиц с коморбидной зависимой симптоматикой. Особое внимание следует уделять междисциплинарному взаимодействию клинических психологов, психиатров и специалистов по аддиктологии, поскольку изолированное лечение зависимого поведения без адресации травматического ядра может быть недостаточным.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки, включением стандартизированных клинических инструментов оценки ПТСР и поведенческих нарушений, а также развитием смешанных дизайнов, сочетающих качественные и количественные подходы. Дополнительное внимание должно быть направлено на изучение культурно-специфических факторов травматизации и обращения за помощью в Казахстане, что позволит разрабатывать более точные и контекстно чувствительные программы профилактики и реабилитации.

В целом результаты подчеркивают, что поведенческое здоровье при ПТСР формируется на пересечении нейробиологических уязвимостей, нарушений эмоциональной регуляции и социального контекста, а значит, требует комплексных стратегий вмешательства, ориентированных не только на редукцию симптомов, но и на восстановление субъектности, адаптивного функционирования и жизненной устойчивости пострадавших.

REFERENCES:

- 1 Adeyemo, A. O. (2025). Evidence-based interventions for children experiencing traumatic adversities: Scoping review. *Asian Journal of Advanced Research and Reports*, 19(6), 57–66. DOI10.9734/AJARR/2025/v19i61057
- 2 Agathos, K., Brand, R. M., Stolzenburg, S., & Pfaltz, M. C. (2025). The extended process model of emotion regulation in managing posttraumatic stress disorder: A systematic review. *Clinical Psychological Science*. DOI10.1037/cps0000296
- 3 Asiedu, E., & Baliki, B. (2025). Mental health outcomes associated with children exposed to intimate partner violence: A systematic literature review. *Journal of Family Violence*. DOI10.1007/s10896-025-00723-x
- 4 Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101. DOI10.1191/1478088706qp063oa
- 5 Chaulagain, A. (2025). Oxytocin's role in stress modulation and anxiety symptoms in PTSD: A comprehensive review. *Annals of Medicine and Surgery*. DOI10.1097/MS9.0000000000003015
- 6 Engel, G. L. (1977). The need for a new medical model: A challenge for biomedicine. *Science*, 196(4286), 129–136. DOI10.1126/science.847460
- 7 Gasol, D., Rivera, F., López-Cepero, J., & Ruiz-Robledillo, N. (2022). Preventing emotional dysregulation in adolescents: Dialectical behavior therapy and trauma-related outcomes. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(22), Article 14720. DOI10.3390/ijerph192214720
- 8 Guerra, O., Agyapong, V., & Nkire, N. (2022). A qualitative scoping review of the impacts of economic recessions on mental health: Implications for practice and policy. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(10), Article 5937. DOI10.3390/ijerph19105937
- 9 Hen, M., Shenaar-Golan, V., & Yatzker, U. (2022). Children and adolescents' mental health following COVID-19: The possible role of difficulty in emotional regulation. *Frontiers in Pediatrics*, 10, Article 847658. DOI10.3389/fped.2022.847658
- 10 Inanc, L. (2025). Post-traumatic stress disorder and sleep disturbance (Conference abstract). *European Psychiatry*, Supplement 1, S963. DOI10.1192/j.eurpsy.2025.1531
- 11 Khantzian, E. J. (1997). The self-medication hypothesis of substance use disorders: A reconsideration and recent applications. *Harvard Review of Psychiatry*, 4(5), 231–244. DOI10.3109/10673229709030550
- 12 Mahoney, C. T., Cole, H. E., Gilbar, O., & Taft, C. T. (2020). The role of impulsivity in the association between posttraumatic stress disorder symptom severity and substance use in male military veterans. *Journal of Traumatic Stress*, 33(3), 296–306. DOI10.1002/jts.22507
- 13 O'Brien, B. C., Harris, I. B., Beckman, T. J., Reed, D. A., & Cook, D. A. (2014). Standards for reporting qualitative research: A synthesis of recommendations. *Academic Medicine*, 89(9), 1245–1251. DOI10.1097/ACM.0000000000000388
- 14 Tong, A., Sainsbury, P., & Craig, J. (2007). Consolidated criteria for reporting qualitative research (COREQ): A 32-item checklist for interviews and focus groups. *International Journal for Quality in Health Care*, 19(6), 349–357. DOI10.1093/intqhc/mzm042
- 15 Weber, S., & Lynch, S. (2024). Interpersonal violence, emotion regulation, trauma-coping self-efficacy as predictors of PTSD, substance use, and risk engagement among women in jail. *Journal of Interpersonal Violence*. DOI10.1177/08862605241307227
- 16 World Health Organization. (2013). mhGAP module: Assessment and management of conditions specifically related to stress. <https://www.who.int/publications-detail-redirect/mhgap-module-assessment-management-of-conditions-specifically-related-to-stress>
- 17 World Health Organization. (2016). mhGAP intervention guide for mental, neurological and substance use disorders in non-specialized health settings (Version 2.0).
- 18 World Health Organization. (2024). Post-traumatic stress disorder: Fact sheet. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/post-traumatic-stress-disorder>

REFLEXIVE THEMATIC ANALYSIS OF POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER AS A PSYCHOLOGICAL DETERMINANT OF BEHAVIORAL HEALTH DYSREGULATION

L.F. Krupelnitskaya¹, N.B. Zhiyenbayeva², N.M. Suyundykova^{2*}

¹T. Shevchenko National University of Kyiv, Ukrain, Kyiv

²Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan, Almaty

*e-mail: Krlyuda@gmail.com, zh_nadejda@mail.ru, nsuyundykova@gmail.com

Abstract. Post-traumatic stress disorder (PTSD) is increasingly recognized not only as a clinical consequence of traumatic exposure but also as a multidimensional psychological factor influencing emotional regulation, behavioral control, and overall behavioral health. While extensive research has examined the neurobiological and clinical aspects of PTSD, less attention has been paid to the subjective psychological mechanisms through which traumatic experiences contribute to behavioral health dysregulation. The present study aimed to explore PTSD as a psychological determinant of behavioral health disturbances through reflexive thematic analysis of subjective trauma-related experiences. A qualitative research design was employed using semi-structured in-depth interviews with 25 participants from different regions of Kazakhstan who reported significant traumatic experiences. Data were analyzed using reflexive thematic analysis to identify recurring psychological patterns associated with behavioral maladaptation. The findings revealed key mechanisms linking PTSD symptoms to behavioral health dysregulation, including chronic hypervigilance, emotional dysregulation, avoidance behaviors, sleep disturbances, self-stigmatization, and impaired social functioning. Behavioral disturbances such as substance use, behavioral addictions, and social withdrawal were found to function as maladaptive coping strategies aimed at temporary distress regulation. The study proposes a conceptual model describing the reciprocal relationship between PTSD symptomatology and behavioral dysregulation, highlighting the role of trauma-related emotional processes in the development and maintenance of maladaptive behavioral patterns. The results underscore the importance of trauma-informed psychological interventions focused on restoring emotional regulation and preventing long-term behavioral health deterioration.

Keywords: post-traumatic stress disorder, behavioral health dysregulation, emotional regulation, trauma, reflexive thematic analysis.

ПОСТТРАВМАТИКАЛЫҚ СТРЕСС БҰЗЫЛЫСЫНЫҢ МІНЕЗ-ҚҰЛЫҚТЫҚ ДЕНСАУЛЫҚ БҰЗЫЛЫСТАРЫНЫҢ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕТІНДЕГІ РЕФЛЕКСИВТІ ТАҚЫРЫПТЫҚ ТАЛДАУЫ

Л.Ф.Крупельницкая¹, Н.Б. Жиенбаева², Н.М.Сүйіндікова^{2*}

¹Т. Шевченко атындағы Киев ұлттық университеті, Украина, Киев қ.

²Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Қазақстан Республикасы, Алматы қ.

*e-mail: Krlyuda@gmail.com, zh_nadejda@mail.ru, nsuyundykova@gmail.com

Аңдатпа. Посттравматикалық стресс бұзылысы (ПТСБ) тұлғаның эмоционалдық реттелуіне, өзін-өзі бақылауына және мінез-құлықтық қызметіне жүйелі әсер ететін күрделі психикалық жағдай болып табылады. ПТСБ-ның нейробиологиялық және клиникалық аспектілері кеңінен зерттелгеніне қарамастан, травматикалық тәжірибеден мінез-құлықтық денсаулық бұзылыстарына өтудің психологиялық механизмдері, әсіресе субъективтік тәжірибе мен әлеуметтік-мәдени контекст тұрғысынан, жеткілікті зерттелмеген. Зерттеудің мақсаты – ПТСБ симптоматикасы мен мінез-құлықтық денсаулық бұзылыстары арасындағы байланысты қамтамасыз ететін психологиялық механизмдерді анықтау. Зерттеу сапалық парадигмада жүргізілді және тереңдетілген жартылай құрылымдалған сұхбат әдісіне негізделді. Зерттеуге Қазақстан Республикасының әртүрлі өңірлерінен 25 респондент қатысты. Мәліметтер рефлексивті тақырыптық талдау әдісі арқылы өңделді. Нәтижелер мінез-құлықтық дезадаптацияның негізгі механизмдерін анықтауға мүмкіндік берді, олардың ішінде тұрақты қауіп сезімі, избегание, ұйқының бұзылуы, эмоционалдық дисрегуляция, өзін-өзі стигматизациялау және әлеуметтік қолдаудың жеткіліксіздігі маңызды рөл атқарады. Мінез-құлықтық бұзылыстар қысқа мерзімді дистрессі реттеудің функционалдық стратегиялары ретінде қалыптасатыны анықталды. Зерттеу нәтижелері ПТСБ симптомдары мен мінез-құлықтық бұзылыстар арасындағы өзара әрекеттесудің тұйық циклін сипаттайтын концептуалдық модельді ұсынуға мүмкіндік берді. Практикалық маңыздылығы травма-информирленген кешенді психологиялық көмек модельдерін дамыту қажеттілігін негіздеуде көрінеді.

Кілт сөздер: посттравматикалық стресс бұзылысы, мінез-құлықтық денсаулық, эмоционалдық реттелу, тақырыптық талдау, травматикалық стресс.

Сведения об авторах:

Крупельницкая Людмила Францевна - доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психодиагностики и клинической психологии Киевского национального университета им. Т.Шевченко Krlyuda@gmail.com

Надежда Бисеновна Жиенбаева - доктор психологических наук, профессор, профессор-исследователь кафедры специальной педагогики КазНПУ им. Абая. (E-mail: zh_nadejda@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1868-2743)

Суюндыкова Нургул Молдабаевна* – НАО «Казахский национальный педагогический университет имени Абая» (г.Алматы, Казахстан), докторант по специальности 8D03117 «Клиническая и социальная психология». Тел.: +77072444662. (Адрес электронной почты: nsuyundykova@gmail.com . ORCID - 0009-0007-4254-9156)

Авторлар туралы мәліметтер:

Крупельницкая Людмила Францевна – психология ғылымдарының докторы, профессор, Тарас Шевченко атындағы Киев ұлттық университетінің психодиагностика және клиникалық психология кафедрасының меңгерушісі, (Т. Шевченко атындағы Киев ұлттық университеті, Киев, Украина, e-mail: Krlyuda@gmail.com)

Жиенбаева Надежда Бисеновна – психология ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің арнайы педагогика кафедрасының профессор-зерттеушісі, (Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: zh_nadejda@mail.ru) ORCID: 0000-0003-1868-2743

Суюндыкова Нургул Молдабаевна* – 8D03117 «Клиникалық және әлеуметтік психология» білім беру бағдарламасының докторанты, (Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: nsuyundykova@gmail.com) ORCID: 0009-0007-4254-9156

Information about authors:

Krupelnyska Liudmyla – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychodiagnostics and Clinical Psychology, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Kyiv, Ukraine, e-mail: Krlyuda@gmail.com ORCID: 0000-0002-0594-2369)

Zhienbayeva Nadezhda – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Research Professor of the Department of Special Pedagogy, Abai Kazakh National Pedagogical University, (Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: zh_nadejda@mail.ru) ORCID: 0000-0003-1868-2743)

Suyundykova Nurgul* – Doctoral student of the Educational Program 8D03117 «Clinical and Social Psychology», Abai Kazakh National Pedagogical University, (Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: nsuyundykova@gmail.com) ORCID: 0009-0007-4254-9156)

ОМБУДСМАН РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: ПРАВОВОЙ СТАТУС, НОВАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКА ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Мухамеджанов О.З.

Ташкентский государственный юридический университет, Республика Узбекистан, г. Ташкент
*e-mail: omonmuhamedzanov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правового статуса Омбудсмана Республики Узбекистан, новаций законодательства и практики их реализации в условиях конституционной модернизации. Актуальность исследования обусловлена усилением роли национальных правозащитных институтов в обеспечении конституционных гарантий прав и свобод человека, а также принятием новой редакции Закона «Об Уполномоченном Олий Мажлиса Республики Узбекистан по правам человека (омбудсмане)» от 15 ноября 2024 года.

Целью статьи является выявление особенностей институциональной трансформации Омбудсмана, анализ расширенных полномочий и оценка их влияния на эффективность правозащитной деятельности. В исследовании использованы методы формально-юридического, системного и сравнительно-правового анализа, а также обобщение статистических данных о работе с обращениями граждан и применении мер реагирования. Установлено, что современный этап развития института характеризуется переходом от преимущественно рекомендательной модели к модели расширенного правового воздействия, включающей обязательные к рассмотрению акты реагирования и усиленный превентивный механизм предупреждения пыток. Практические показатели свидетельствуют о росте обращаемости граждан, расширении цифровых форм взаимодействия и повышении результативности восстановления нарушенных прав.

Сделан вывод о том, что законодательные новации 2024 года создали предпосылки для укрепления институциональной эффективности Омбудсмана как ключевого элемента национального механизма защиты прав человека.

Ключевые слова: Омбудсман; правовой статус; парламентский контроль; национальный механизм защиты прав человека; законодательные новации; меры правового реагирования.

Введение

Институт омбудсмана в современных правовых государствах рассматривается как важный элемент национального механизма защиты прав человека, обеспечивающий дополнительный уровень гарантий в системе сдержек и противовесов публичной власти. Его значение выходит за рамки рассмотрения индивидуальных жалоб и включает формирование стандартов правозащитной практики, развитие парламентского контроля и укрепление доверия общества к государственным институтам. В этом контексте деятельность омбудсмана представляет собой не только правоприменительную, но и институционально-преобразующую функцию.

В Республике Узбекистан формирование национальной системы защиты прав человека происходило поэтапно и сопровождалось институционализацией специализированных органов, включая Уполномоченного Олий Мажлиса по правам человека (омбудсмана). За годы независимости государство присоединилось к более чем восьмидесяти международным договорам в сфере прав человека, что обусловило необходимость приведения национального законодательства и правоприменительной практики в соответствие с международными стандартами. Принятие обновлённой Конституции в 2023 году, а также новой редакции закона об омбудсмане в 2024 году свидетельствует о переходе к качественно новому этапу развития правозащитной инфраструктуры.

Вместе с тем институциональное укрепление правового статуса омбудсмана требует научного осмысления не только с точки зрения нормативных изменений, но и с позиции их практической реализации. Расширение полномочий, введение мер реагирования обязательного характера, усиление механизмов предупреждения пыток, развитие регионального представительства и цифровых форм обращения граждан формируют обновлённую модель деятельности омбудсмана, эффективность которой должна оцениваться комплексно - с учётом правовых, организационных и практических аспектов.

В научных публикациях проблема развития института омбудсмана нередко рассматривается в описательно-правовом ключе, с акцентом на анализ законодательных норм и сравнительный зарубежный опыт. Однако в современных условиях возникает необходимость перехода к более структурированному анализу, позволяющему оценить взаимосвязь между правовым статусом, инструментарием воздействия и фактическими результатами правозащитной деятельности. Это особенно актуально в контексте усиления парламентского контроля и реализации принципов независимости, законности и недискриминации, закреплённых в новой редакции закона.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном анализе правового статуса Омбудсмана Республики Узбекистан, выявлении ключевых новаций законодательства и оценке их влияния на практику защиты конституционных прав и свобод человека. В рамках исследования предполагается рассмотреть эволюцию нормативной базы института, специфику расширенных полномочий и механизмов реагирования, а также проанализировать результаты практической деятельности омбудсмана в условиях обновлённого правового регулирования. Предлагаемый подход позволяет рассматривать институт омбудсмана не исключительно как элемент правозащитной системы, а как динамично развивающийся институциональный механизм, способный оказывать системное влияние на обеспечение верховенства права, укрепление гарантий прав человека и формирование культуры ответственности публичной власти.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является комплексный нормативно-правовой и институциональный анализ деятельности Омбудсмана Республики Узбекистан в условиях конституционной модернизации и обновления профильного законодательства. В качестве эмпирической базы использованы официальные нормативные акты Республики Узбекистан, включая Конституцию в редакции 2023 года и Закон «Об Уполномоченном Олий Мажлиса Республики Узбекистан по правам человека (омбудсмане)» в редакции от 15 ноября 2024 года, а также подзаконные акты и положения, регламентирующие деятельность Аппарата Омбудсмана.

Дополнительным источником данных послужили ежегодные и тематические отчёты Омбудсмана, официальные статистические сведения о количестве и структуре обращений граждан, материалы парламентских слушаний, а также публичные сообщения о применении мер реагирования. Эти материалы позволили оценить динамику правозащитной деятельности, характер выявляемых нарушений и практику реализации новых полномочий.

В исследовании применены методы формально-юридического анализа, системного толкования правовых норм, сравнительно-правового сопоставления и институционального анализа. Формально-юридический метод использовался для выявления структуры правового статуса Омбудсмана и содержания его полномочий. Системный подход позволил рассмотреть институт Омбудсмана во взаимосвязи с парламентским контролем, судебной системой и другими национальными правозащитными учреждениями. Сравнительно-правовой метод применён при сопоставлении узбекской модели с международными стандартами (Парижские принципы) и зарубежной практикой.

Анализ практики реализации полномочий проводился на основе обобщения статистических данных и содержания актов реагирования (предостережений, представлений, требований и ходатайств), что позволило оценить степень институциональной эффективности омбудсмана в современных условиях.

Результаты и обсуждение

Институт омбудсмана в современной доктрине публичного права рассматривается как элемент национальной системы защиты прав человека, сочетающий контрольные, консультативные и превентивные функции. Его правовая природа определяется сочетанием парламентской подотчётности и институциональной независимости, что позволяет отнести омбудсманак категории квазиконституционных гарантий прав и свобод личности.

Международные стандарты деятельности национальных правозащитных институтов закреплены в Парижских принципах 1993 года, определяющих требования к мандату, автономии, плюрализму и достаточному ресурсному обеспечению [1]. В научной литературе подчеркивается, что соответствие Парижским принципам является ключевым критерием институциональной легитимности омбудсмана и показателем его реальной независимости [2].

В зарубежных исследованиях институт омбудсмана анализируется преимущественно в рамках концепции *integrity systems* и публичной подотчетности. Д. Менцель указывает, что современный омбудсман выступает не только механизмом рассмотрения индивидуальных жалоб, но и институциональным актором, влияющим на формирование этической инфраструктуры публичного управления [2]. Аналогичную позицию занимает К. Деммке, рассматривая институционализацию механизмов *integrity* как переход от рекомендательной модели к модели системного воздействия на органы власти [3]. Эффективность омбудсмана зависит от сочетания нормативных полномочий и практических инструментов принуждения к реагированию [4].

Исследования ОЭСР также связывают деятельность омбудсмана с уровнем доверия к государственным институтам, отмечая, что наличие эффективных механизмов рассмотрения жалоб повышает воспринимаемую справедливость публичной администрации [5]. В рамках сравнительного анализа государств с устойчивыми институтами омбудсмана отмечается, что ключевым фактором эффективности является возможность инициировать изменения в законодательстве и правоприменении, а не ограничиваться консультативной ролью [6].

В региональном контексте Центральной Азии институт омбудсмана рассматривается как важный элемент парламентского контроля и правозащитной инфраструктуры. Узбекские ученые-правоведы подчеркивают, что развитие института Уполномоченного Олий Мажлиса по правам человека связано с поэтапным расширением его компетенции и институциональных гарантий независимости. Так, Р. Хакимов отмечает, что усиление парламентского контроля в Узбекистане создало правовые предпосылки для расширения контрольных функций омбудсмана [7]. Ф. Саидов указывает на необходимость укрепления процессуальных гарантий реализации актов омбудсмана, включая обязательность рассмотрения его представлений [8]. Ш. Рахманкулов анализирует эволюцию института омбудсмана в Узбекистане в контексте конституционной модернизации и подчеркивает, что закрепление новых принципов деятельности усиливает его институциональный статус [9].

Современные исследования, опубликованные в Scopus-индексируемых журналах, уделяют внимание превентивной функции омбудсмана, особенно в сфере предупреждения пыток и мониторинга мест несвободы. Подчеркивается, что переход к превентивной модели контроля усиливает роль омбудсмана как субъекта институционального предупреждения нарушений прав человека [10]. В работах А. Армстронга и И. Стедмана показано, что эффективность правозащитных институтов возрастает при наличии четко регламентированных мер реагирования и процедурной обязательности их исполнения [11].

Анализ литературы свидетельствует о постепенном смещении научного интереса от описания правового статуса омбудсмана к исследованию его институциональной эффективности и механизмов воздействия. Вместе с тем в узбекской юридической науке по-прежнему преобладает нормативно-описательный подход, что обуславливает необходимость комплексного анализа взаимосвязи между законодательными новациями и практикой их реализации. Особенно актуальным данный вопрос становится в связи с принятием новой редакции закона об омбудсмане 2024 года, закрепившей расширенные меры реагирования и дополнительные гарантии независимости [12].

Современная научная литература позволяет сформировать теоретическую основу для анализа института омбудсмана как динамичного механизма парламентского контроля и защиты прав человека. Вместе с тем сохраняется потребность в комплексной оценке узбекской модели омбудсмана с учетом новаций законодательства и практических результатов его деятельности, что и определяет исследовательскую направленность настоящей статьи [13].

Проведённый анализ правового статуса, законодательных новаций и практики деятельности Омбудсмана Республики Узбекистан позволяет констатировать, что институт переживает этап качественной институциональной трансформации. Если первоначальная модель 1995–2004 гг. характеризовалась преимущественно консультативной и рекомендательной природой, то современный этап развития (особенно после конституционной реформы 2023 года и новой редакции закона 2024 года) демонстрирует переход к модели расширенного правозащитного воздействия.

Исторический анализ показывает, что создание института Омбудсмана в 1995 году стало одним из первых шагов по формированию национального механизма защиты прав человека в независимом Узбекистане.

Первоначально деятельность Уполномоченного регулировалась подзаконным положением, что объективно ограничивало его институциональный вес. Принятие закона 1997 года закрепило правовой статус, однако конституционная легитимация произошла лишь в 2003 году, когда положение об избрании Омбудсмана было включено в Конституцию.

Новая редакция закона от 15 ноября 2024 года знаменует следующий этап институционализации. Впервые на законодательном уровне закреплён расширенный перечень принципов деятельности: законность, независимость, справедливость, гуманность, недискриминация, беспристрастность и открытость. Таким образом, законодатель формирует не только функциональный, но и ценностный каркас института.

Особое значение имеет закрепление права законодательной инициативы (в соответствии со ст. 98 Конституции в новой редакции). Это трансформирует Омбудсмана из органа, реагирующего на уже допущенные нарушения, в субъекта, способного влиять на нормативное регулирование и предотвращать нарушения на стадии законотворчества[14].

Новацией закона 2024 года является введение системы мер воздействия: предостережение, представление, ходатайство и требование. Если ранее деятельность Омбудсмана завершалась вынесением заключения рекомендательного характера, то теперь закон предусматривает инструменты, предполагающие обязательность рассмотрения. Представление подлежит безотлагательному рассмотрению с обязанностью информирования о принятых мерах в течение 15 дней. Требование, вносимое в целях устранения случаев пыток, должно быть рассмотрено в течение 10 дней. Тем самым институт получает процессуально закреплённый механизм принуждения к реагированию. Данная новация существенно повышает институциональную эффективность. В теоретическом плане это означает переход от «мягкого права» (soft control) к модели квазипринудительного парламентского контроля. Практическая значимость такого изменения проявляется в статистике удовлетворённых мер реагирования: из 194 внесённых актов 159 (82%) были удовлетворены положительно. Это свидетельствует о реальном влиянии актов Омбудсмана на деятельность органов государственной власти.

Отдельного анализа заслуживает развитие превентивного компонента. Закон 2024 года усиливает механизм мониторинговых посещений мест содержания лиц с ограниченной свободой передвижения. Омбудсман, его заместители и региональные представители вправе осуществлять посещения без предварительного уведомления[15].

Введение общественных групп по предупреждению пыток (с обязательным 40% представительством женщин) отражает стремление к институциональному плюрализму и транспарентности. Такая модель соответствует международным стандартам национальных превентивных механизмов.

Особенно важным является закрепление процедуры подачи обращений лицами, содержащимися под стражей, без цензуры и ограничения количества обращений. Обязанность направлять письма в запечатанном виде в течение 24 часов минимизирует риск давления на заявителей и усиливает гарантию независимости коммуникации.

Работа с обращениями остаётся центральной функцией Омбудсмана. В 2025 году поступило 26 372 обращения, что на 12,6% больше по сравнению с 2024 годом (23 422)

Рост количества обращений можно интерпретировать двояко: с одной стороны - как показатель сохраняющихся проблем в правоприменении, с другой - как индикатор доверия к институту.

Значительную часть жалоб составляют обращения, связанные с процессуальными нарушениями в судах. Это свидетельствует о том, что граждане воспринимают Омбудсмана как дополнительную гарантию справедливого судебного разбирательства, несмотря на формальное ограничение его компетенции в отношении судебных решений.

Экономический эффект правозащитной деятельности также является показателем институциональной эффективности. В 2025 году по обращениям взыскано или подлежит взысканию более 11 млрд сумов, списано 263 млн сумов необоснованной задолженности, восстановлены трудовые права 57 граждан. В рамках парламентского надзора взыскано свыше 2,7 млрд сумов заработной платы и почти 4 млрд сумов компенсаций за снос жилья. Эти цифры демонстрируют не декларативный, а материально измеримый результат деятельности.

Пример защиты студентов НИУ ВШЭ в России отражает трансграничное измерение деятельности Омбудсмана. Вмешательство способствовало отмене административных санкций в отношении 31 студента. Данный кейс демонстрирует расширение функционала института за пределы исключительно внутреннего правоприменения и укрепляет его дипломатико-правозащитную роль.

Количество обращений, принятых через информационные технологии, выросло на 125%. Это подтверждает тенденцию цифровизации правозащитной деятельности. Цифровые каналы повышают доступность института и сокращают барьеры обращения, однако требуют обеспечения информационной безопасности и процессуальной прозрачности.

Платформа «Равенство и уважение», направленная на защиту женщин от насилия, иллюстрирует расширение социальной миссии Омбудсмана. Предоставление грантов, трудоустройство, профессиональное обучение и открытие центра поддержки женщин и детей в Ферганской области демонстрируют интеграцию правозащитной деятельности с социальными программами.

Несмотря на позитивную динамику, сохраняются системные вызовы. Большое количество обращений указывает на устойчивые проблемы правоприменения. Расширение полномочий требует адекватного ресурсного обеспечения. Эффективность мер воздействия зависит от готовности органов власти воспринимать акты Омбудсмана как обязательные к исполнению.

Системный анализ показывает, что институт находится на стадии перехода к более активной и влиятельной модели. Однако его устойчивость будет определяться не только нормативными гарантиями, но и уровнем политической воли, бюджетной автономии и общественного доверия.

Омбудсман Республики Узбекистан эволюционирует от модели консультативного парламентского органа к институту расширенного правозащитного воздействия. Новая редакция закона 2024 года институционализировала меры реагирования, усилила превентивный компонент и расширила процессуальные гарантии.

Практические показатели демонстрируют реальную результативность: высокий процент удовлетворённых актов, значительные суммы компенсаций, рост цифровых обращений и расширение социально ориентированных проектов. Вместе с тем дальнейшая эффективность института будет зависеть от институциональной независимости, устойчивого финансирования и последовательного исполнения требований Омбудсмана государственными органами.

Результаты исследования подтверждают, что модернизация правового статуса Омбудсмана создала предпосылки для усиления его роли в системе парламентского контроля и национального механизма защиты прав человека, однако закрепление этих достижений требует дальнейшего институционального развития и укрепления практических механизмов реализации полномочий.

Заключение

Проведённое исследование позволило комплексно проанализировать правовой статус Омбудсмана Республики Узбекистан, выявить содержание законодательных новаций и оценить их влияние на практику защиты прав и свобод человека. Полученные результаты свидетельствуют о том, что институт Омбудсмана находится на этапе

качественного институционального укрепления, обусловленного как конституционной реформой 2023 года, так и принятием новой редакции профильного закона в 2024 году.

Основной тенденцией современного этапа развития является переход от преимущественно рекомендательной модели деятельности к модели расширенного правозащитного воздействия. Закрепление мер реагирования (предостережение, представление, ходатайство, требование), установление процессуальных сроков их обязательного рассмотрения, а также усиление превентивных механизмов в сфере предупреждения пыток существенно повысили юридическую определённость и практическую значимость актов Омбудсмана. Это свидетельствует о формировании более структурированной системы парламентского контроля за соблюдением прав человека.

Расширение полномочий сопровождается ростом обращаемости граждан и увеличением фактических результатов правозащитной деятельности, выраженных в восстановлении нарушенных прав, взыскании задолженностей и компенсаций, а также в устранении системных нарушений. Рост количества обращений, в том числе через цифровые каналы, указывает на повышение доверия к институту и расширение его доступности.

Особое значение имеет усиление превентивной функции Омбудсмана, выраженное в развитии мониторинговых механизмов в местах лишения свободы, создании общественных групп по предупреждению пыток и расширении гарантий конфиденциального обращения лиц, содержащихся под стражей. Это позволяет рассматривать Омбудсмана не только как орган реагирования на нарушения, но и как институт системного предупреждения правонарушений.

Эффективность деятельности Омбудсмана будет зависеть от нескольких факторов: стабильности нормативных гарантий независимости, достаточного финансового и кадрового обеспечения, реальной обязательности исполнения актов реагирования и уровня межведомственного взаимодействия. Расширение полномочий требует адекватной институциональной инфраструктуры, иначе существует риск формализации новых инструментов.

В целом можно констатировать, что институт Омбудсмана Республики Узбекистан постепенно трансформируется в полноценный элемент национального механизма защиты прав человека, сочетающий парламентский контроль, правоприменительное реагирование и превентивную деятельность. Законодательные новации 2024 года создали правовую основу для повышения его институциональной эффективности, а практические результаты свидетельствуют о реальной востребованности данного института в обществе.

Таким образом, дальнейшее развитие института Омбудсмана должно быть направлено на укрепление его независимости, расширение аналитической и нормотворческой роли, а также повышение прозрачности и общественного доверия, что позволит обеспечить устойчивость правозащитной системы и последовательную реализацию конституционных гарантий прав и свобод человека в Республике Узбекистан.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Principles relating to the Status of National Institutions (The Paris Principles): UN General Assembly Resolution 48/134 of 20 December 1993. – New York : United Nations, 1993.
- 2 Menzel D. C. Research on Ethics and Integrity in Public Administration: Moving Forward, Looking Back // *Public Integrity*. – 2015. – Vol. 17. – P. 343–370. DOI: 10.1080/10999922.2015.1060824.
- 3 Demmke C. The Institutionalization of Integrity Policies and the Management of an Emerging Ethics Bureaucracy // *Administration & Society*. – 2022. – Vol. 54, No. 6. – P. 1089–1116. DOI: 10.1177/00953997211050306.
- 4 S., Grimmelikhuijsen S., Tummers L. Core Values for Ideal Civil Servants // *Public Administration Review*. – 2023. – Vol. 83, No. 4. – P. 838–862. DOI: 10.1111/puar.13583.
- 5 OECD. Government at a Glance 2023. – Paris : OECD Publishing, 2023.
- 6 Armstrong A., Stedman I. Ethical Management in Canada's Public Service // *Canadian Public Administration*. – 2024. – Vol. 67, No. 4. – P. 620–631. DOI: 10.1111/capa.12591.
- 7 Хакимов Р. Р. Развитие парламентского контроля в Республике Узбекистан // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2016. – № 6. – С. 44–52.

- 8 Саидов Ф. З. Конституционно-правовой статус омбудсменов стран Центральной Азии // Государство и право. – 2021. – № 4. – С. 109–118.
- 9 Рахманкулов Ш. Р. Институт омбудсмана в системе гарантий прав человека в Узбекистане // Юридическая наука. – 2022. – № 2. – С. 71–79.
- 10 Rosli M. H., Aziz M. A., Said J. Integrity Systems in Malaysian Public Sector // Procedia Economics and Finance. – 2015. – Vol. 28. – P. 260–265.
- 11 Smith B. (2022). Preventive role of ombudsman institutions in human rights protection. Human Rights Law Review, vol. 22, no. 3, pp. 345–368.
- 12 Armstrong A., Stedman I. (2019). Accountability and effectiveness of ombudsman institutions. Journal of Legal Studies, vol. 45, no. 2, pp. 210–232.
- 13 Respublika Uzbekistan. (2024). Zakon Respubliki Uzbekistan «Ob Upolnomochennom Oliy Majlisa Respubliki Uzbekistan po pravam cheloveka (Ombudsmane)» v noyoi redaktsii. Tashkent. (in Russian).
- 14 Kucsko-Stadlmayer G. (2010). European Ombudsman-Institutions: A Comparative Legal Analysis. Vienna: Springer, 2010. – 512 p.
- 15 Gregory R., Giddings P. (2000). Righting Wrongs: The Ombudsman in Six Continents. Amsterdam: IOS Press, 2000. – 320 p.

REFERENCES:

- 1 United Nations. (1993). Principles relating to the Status of National Institutions (The Paris Principles): UN General Assembly Resolution 48/134 of 20 December 1993. New York: United Nations.
- 2 Menzel D. C. (2015). Research on Ethics and Integrity in Public Administration: Moving Forward, Looking Back. Public Integrity, vol. 17, pp. 343–370. DOI: 10.1080/10999922.2015.1060824.
- 3 Demmke C. (2022). The Institutionalization of Integrity Policies and the Management of an Emerging Ethics Bureaucracy. Administration & Society, vol. 54, no. 6, pp. 1089–1116. DOI: 10.1177/00953997211050306.
- 4 Grimmelikhuijsen S., Tummers L. (2023). Core Values for Ideal Civil Servants. Public Administration Review, vol. 83, no. 4, pp. 838–862. DOI: 10.1111/puar.13583.
- 5 OECD. (2023). Government at a Glance 2023. Paris: OECD Publishing.
- 6 Armstrong A., Stedman I. (2024). Ethical Management in Canada's Public Service. Canadian Public Administration, vol. 67, no. 4, pp. 620–631. DOI: 10.1111/capa.12591.
- 7 Hakimov R. R. (2016). Razvitie parlamentskogo kontrolya v Respublike Uzbekistan. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya, no. 6, pp. 44–52. (in Russian).
- 8 Saidov F. Z. (2021). Konstitutsionno-pravovoi status ombudsmenov stran Tsentralnoi Azii. Gosudarstvo i pravo, no. 4, pp. 109–118. (in Russian).
- 9 Rahmankulov Sh. R. (2022). Institut ombudsmena v sisteme garantii prav cheloveka v Uzbekistane. Iuridicheskaya nauka, no. 2, pp. 71–79. (in Russian).
- 10 Rosli M. H., Aziz M. A., Said J. (2015). Integrity Systems in Malaysian Public Sector. Procedia Economics and Finance, vol. 28, pp. 260–265.
- 11 Smith B. (2022). Preventive role of ombudsman institutions in human rights protection. Human Rights Law Review, vol. 22, no. 3, pp. 345–368.
- 12 Armstrong A., Stedman I. (2019). Accountability and effectiveness of ombudsman institutions. Journal of Legal Studies, vol. 45, no. 2, pp. 210–232.
- 13 Respublika Uzbekistan. (2024). Zakon Respubliki Uzbekistan «Ob Upolnomochennom Oliy Majlisa Respubliki Uzbekistan po pravam cheloveka (Ombudsmane)» v noyoi redaktsii. Tashkent. (in Russian).
- 14 Kucsko-Stadlmayer G. (2010). European Ombudsman-Institutions: A Comparative Legal Analysis. Vienna: Springer.
- 15 Gregory R., Giddings P. (2000). Righting Wrongs: The Ombudsman in Six Continents. Amsterdam: IOS Press.

OMBUDESMAN OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN: LEGAL STATUS, INNOVATIONS IN LEGISLATION, AND ITS IMPLEMENTATION PRACTICE

Mukhamedzhanov O.Z.

Tashkent State Law University, Republic of Uzbekistan, Tashkent

*e-mail: omonmuhamedzanov@gmail.com

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the legal status of the Ombudsman of the Republic of Uzbekistan, recent legislative innovations, and their practical implementation in the context of constitutional modernization. The relevance of the study is обусловлена the growing role of national human rights institutions in ensuring constitutional guarantees of fundamental rights and freedoms, as well as the adoption of the new edition of the Law "On the Commissioner of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan for Human Rights (Ombudsman)" dated November 15, 2024.

The purpose of the article is to identify the features of the institutional transformation of the Ombudsman, to examine the expanded powers, and to assess their impact on the effectiveness of human rights protection. The research applies formal-legal, systemic, and comparative legal methods, as well as an analysis of statistical data concerning citizens' appeals and response measures.

The study concludes that the current stage of development reflects a transition from a predominantly advisory model to a model of enhanced legal influence, including binding response acts and strengthened preventive mechanisms against torture. Practical indicators demonstrate increased public engagement, expansion of digital communication channels, and improved effectiveness in restoring violated rights. Legislative reforms of 2024 have created conditions for strengthening the institutional capacity of the Ombudsman as a key element of the national human rights protection mechanism.

Keywords: Ombudsman; legal status; parliamentary oversight; national human rights mechanism; legislative reforms; legal response measures.

ЎЗБЕКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНИҢ ОМБУДСМАНЫ: ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘРТЕБЕСІ, ЗАҢНАМАДАҒЫ ЖАҢАШЫЛДЫҚТАР ЖӘНЕ ОНЫ ІСКЕ АСЫРУ ТӘЖІРИБЕСІ

Мухамеджанов О.З.

Ташкент мемлекеттік заң университеті, Ўзбекстан Республикасы, Ташкент қ.
e-mail: omonmuhammedzanov@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада Ўзбекстан Республикасы Омбудсманының құқықтық мәртебесі, заңнамадағы жаңашылдықтар және олардың конституциялық жаңғырту жағдайындағы іске асырылу практикасы кеңенді түрде талданады. Зерттеудің өзектілігі ұлттық адам құқықтары институттарының конституциялық құқықтар мен бостандықтардың кепілдіктерін қамтамасыз етудегі рөлінің артуымен, сондай-ақ 2024 жылғы 15 қарашада қабылданған «Ўзбекстан Республикасы Олий Мажлисі Адам құқықтары жөніндегі уәкіл (Омбудсман) туралы» Заңының жаңа редакциясымен байланысты.

Мақаланың мақсаты - Омбудсман институтының институционалдық трансформациясының ерекшеліктерін анықтау, кеңейтілген өкілеттіктерді талдау және олардың құқық қорғау қызметінің тиімділігіне ықпалын бағалау. Зерттеуде формальды-құқықтық, жүйелік және салыстырмалы-құқықтық әдістер, сондай-ақ азаматтардың өтініштері мен қолданылған ықпал ету шаралары бойынша статистикалық деректерді талдау қолданылды.

Зерттеу нәтижелері Омбудсман қызметінің негізінен ұсынымдық сипаттан міндетті қаралуға жататын ықпал ету актілері мен азаптаудың алдын алу жөніндегі күшейтілген тетіктерді қамтитын кеңейтілген құқықтық ықпал ету моделіне өткенін көрсетеді. Тәжірибелік көрсеткіштер азаматтардың жүгіну белсенділігінің артқанын, цифрлыққара іс-қимыл нысандарының кеңейгенін және бұзылған құқықтарды қалпына келтіру тиімділігінің өскенін дәлелдейді. 2024 жылғы заңнамалық реформалар Омбудсманның ұлттық құқық қорғау тетігінің негізгі элементі ретіндегі институционалдық әлеуетін нығайтуға негіз қалады.

Кілт сөздер: Омбудсман; құқықтық мәртебе; парламенттік бақылау; адам құқықтарын қорғаудың ұлттық тетігі; заңнамалық жаңашылдықтар; құқықтық ықпал ету шаралары.

Информация об авторе:

Омон Мухамеджанов – доктор юридических наук, профессор кафедры «Юриспруденция», Ташкентский государственный юридический университет (г. Ташкент, Республика Узбекистан, E-mail: omonmuhammedzanov@gmail.com ORCID: 0009-0001-3955-2502)

Автор туралы ақпарат:

Омон Мухамеджанов – заң ғылымдарының докторы, «Құқықтану» кафедрасының профессоры, Ташкент мемлекеттік заң университеті (Ташкент қ., Ўзбекстан Республикасы E-mail: omonmuhammedzanov@gmail.com, ORCID: 0009-0001-3955-2502)

Information about author:

Omon Mukhamedzhanov - doctor of law, professor, department of «Jurisprudence», Tashkent State Law University (Tashkent, Republic of Uzbekistan, E-mail: omonmuhammedzanov@gmail.com, ORCID: 0009-0001-3955-2502)

LEGAL REGULATION OF LUDOMANIA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND FOREIGN COUNTRIES

Seriev B.^{1*} , Shamsidinov Z. Z.² , Taubayev B.¹

¹ Zhetysay University named after I. Zhansugurov, Republic of Kazakhstan, Taldykorgan

² Tashkent State University of Law, Republic of Uzbekistan, Tashkent

*e-mail: seriev_bolat@mail.ru, z.shamsiddinov@tsul.uz, t_bauka@mail.ru

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the current state of legal regulation of ludomania (gambling addiction) in the Republic of Kazakhstan, its legal nature, and social consequences. The aim of the study is to identify the legal issues arising from the spread of gambling addiction and to substantiate the main directions for improving the existing legislation. The research examined Kazakhstan's legislation regulating the gambling business, administrative and criminal law norms, as well as legal mechanisms for the protection of minors. In addition, a comparative analysis was conducted with international experience and regulatory models of foreign countries.

The analysis revealed that ludomania is not only a medical or psychological issue but also a significant socio-legal phenomenon. The study identified several problems in the current legislation, including insufficient preventive measures, weak oversight mechanisms for online gambling, ineffective restrictions on advertising, and underdeveloped social and legal protection mechanisms for addicted individuals.

As directions for legislative improvement, the article proposes strengthening state oversight, introducing digital monitoring tools, developing self-limitation mechanisms, clarifying measures to protect minors, and establishing a comprehensive preventive policy. The research results provide a basis for developing scientific and practical recommendations aimed at preventing ludomania and enhancing the effectiveness of its legal regulation.

Keywords: ludomania, gambling addiction, legal regulation, gambling business, prevention, administrative responsibility, legislative improvement.

Introduction

In the current era of globalization and rapid development of digital technologies, the gambling industry has become a significant element of the global economy and social relations. The widespread availability of online platforms, accessibility of mobile applications, and the digitalization of payment systems have made participation in gambling easier than ever before. On one hand, this trend has created a new segment of economic activity; on the other hand, it has led to the growth of gambling addiction – a phenomenon known as ludomania.

Today, ludomania is considered not only a medical or psychological problem but also a complex phenomenon with social, economic, and legal consequences. Gambling addiction can lead to the deterioration of an individual's financial situation, excessive accumulation of debt obligations, weakening of the family institution, disruption of labor relations, and even involvement in illegal activities. From this perspective, ludomania has become one of the factors posing a significant threat to the system of social relations.

In the Republic of Kazakhstan, the gambling business is regulated by specific legislation, and mechanisms for state control are established. However, in recent years, the active development of online betting services, internet casino platforms, and foreign digital services has created new challenges regarding the effectiveness of legal regulation. Current legal norms are primarily aimed at regulating the offline format of the gambling business, while mechanisms for controlling cross-border services in the digital environment are not sufficiently systematized. This situation has led to certain contradictions and gaps in law enforcement practice.

The issue of legal regulation of ludomania intersects with several branches of law. First, it falls under administrative law regulation, which includes licensing, state supervision, monitoring, and liability measures. Second, there are criminal law aspects, particularly illegal organization of gambling business, involving minors in gambling, and financial fraud-related offenses. Third, within civil law relations, issues arise concerning the legal capacity, contractual obligations, and

protection of the rights of individuals addicted to gambling. Additionally, close links are observed with social policy, healthcare, and family law.

State measures to combat ludomania should not be limited solely to restrictions or prohibitions. Modern legal policy requires a comprehensive, multi-level approach. This approach should include the development of preventive programs, increasing public legal and financial literacy, implementing self-restriction mechanisms, strict regulation of advertising, and the development of social and psychological support systems for addicted individuals. Special attention should be paid to the protection of minors and socially vulnerable groups.

The relevance of this study is justified by the increasing dynamics of ludomania in the Republic of Kazakhstan, the complexity of legal regulation in the digital space, and the need to improve national legislation based on international experience. At present, ensuring a balance between the economic interests of the gambling business and public safety, human rights, and social stability is one of the main objectives of legal regulation.

These considerations necessitate a scientific reassessment of the effectiveness of legal regulation of ludomania and a systematic analysis of the problematic aspects of current legislation. In this context, the article examines the current state of legal regulation of gambling addiction in the Republic of Kazakhstan, identifies legislative gaps, and proposes key directions for its improvement. The study results provide a basis for developing scientific recommendations aimed at improving law enforcement practice, optimizing state policy, and reducing the social and legal consequences of ludomania.

Materials and methods

The study was aimed at a comprehensive analysis of the current state of legal regulation of ludomania (gambling addiction) in the Republic of Kazakhstan. To achieve this goal, a wide range of normative, theoretical, and empirical materials was utilized, and an interrelated system of complementary scientific methods was applied.

The study was based on an examination of the existing legislation of the Republic of Kazakhstan, normative legal acts, government resolutions, and ministerial orders. Specifically:

- the Law of the Republic of Kazakhstan dated January 12, 2007, No. 219 «On the Gambling Business» [1] – analysis of legal norms concerning the organization of gambling and the rights and obligations of its participants;
- the Labor Code of the Republic of Kazakhstan dated November 23, 2016, No. 414-V [2], and the Code of the Republic of Kazakhstan «On Public Health and the Healthcare System» dated July 7, 2020, No. 360-VI [3] – consideration of social guarantees and medical assistance related to ludomania;
- the Law of the Republic of Kazakhstan dated December 19, 2003, No. 508 «On Advertising» [4] – establishes restrictions on the advertising of entertainment, lotteries, and gambling for the purpose of preventing ludomania;
- the Law of the Republic of Kazakhstan dated April 9, 2016, No. 495-V «On Lotteries and Lottery Activities» [5] – regulates the rules for organizing, conducting, and participating in lotteries, as well as mechanisms for providing citizens with social and medical information, in order to reduce the risk of ludomania.

Normative legal acts of the Ministry of Health and the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan regarding the licensing and control of gambling activities.

The analysis of normative legal acts made it possible to determine the legal status of ludomania, the rights and obligations of players, the structure of the state control system, and the effectiveness of sanctioning mechanisms.

During the study, scientific articles by R.A. Sevostyanov, Y.N. Rodionova, O.Zh. Buzit, B.Zh. Aytimov, and K.A. Katkov were reviewed.

Comparative legal materials were also examined. Foreign legislation regulating ludomania (experiences of Europe, the USA, and Russia) was studied. This method allowed for a comparative assessment of Kazakhstan's legal regulation in the context of international practices.

Legal analysis method. During the study, the texts of legislative acts and normative documents were analyzed. This method allowed for a legal characterization of ludomania and the identification of the strengths and weaknesses of the legislation.

Comparative legal method. The legislation of the Republic of Kazakhstan was compared with foreign legal practices. This method was used to assess the effectiveness of legal regulation and to develop prospective recommendations for legislative improvement.

Statistical and analytical method. Public surveys, official statistical data, and research results were analyzed to evaluate the prevalence of ludomania, its social consequences, and the effectiveness of legal regulation.

Expert assessment and interpretation. Professional evaluations and opinions of researchers were taken into account. This method made it possible to identify ways to improve legislation and to determine appropriate legal and social measures.

Integrative method. Individual legal, social, and medical aspects were considered as a unified system. This allowed for a comprehensive assessment of ludomania and the application of legal solutions within a specific context.

The multifaceted application of materials and methods enabled a thorough, scientifically grounded study of the legal regulation of ludomania in the Republic of Kazakhstan. The combination of research methods allowed for the identification of legislative shortcomings and provided a scientific basis for developing measures to improve them.

Results and discussion

President Kassym-Jomart Tokayev, in his speech at the third session of the National Kurultai specifically addressed the issue of ludomania, describing it as a «threat that disrupts the country's harmony even in peacetime». As the President noted, gambling has caused the disintegration of many families and has led citizens to commit violations of the law and criminal acts. This statement highlights that ludomania is not merely an individual problem, but a social threat affecting national security and public stability [6].

R.A. Sevostyanov, analyzing the socio-psychological nature of ludomania, emphasizes that excessive engagement in gambling negatively affects the harmonious development of an individual. In his view, «a person's full immersion in gambling does not contribute to the formation of a mentally and physically healthy individual. Addiction to games focuses attention solely on the realm of gambling and leads to a weakening of social connections» [7]. Sevostyanov's perspective is directly relevant to current legal regulation issues, as the consequences of ludomania affect not only the individual but also public relations. Therefore, his viewpoint can serve as a theoretical foundation for justifying legal restrictions and preventive measures against ludomania.

Y.N. Rodionova, analyzing the legal nature of the gambling business, pays special attention to the property-law aspects of gambling. According to the scholar, although the ultimate outcome of risks associated with the gambling business largely depends on the individual psychological characteristics of the player, the legal significance of gambling is primarily determined by its property-related consequences [8]. Rodionova's position is important in the context of legal regulation of ludomania, as it justifies viewing gambling not merely as a social problem but as a legal institution that generates concrete property obligations. This, in turn, underscores the necessity of legally regulating licensing of the gambling business, restricting advertising, protecting participants' rights, and mitigating social risks.

O.Zh. Buzik, as a researcher studying gambling addiction from a medical perspective, provides a detailed analysis of the clinical symptoms of ludomania, its developmental characteristics, and treatment methods [9].

His research allows gambling addiction to be viewed not merely as a psychological or social phenomenon, but as a complex issue that requires management through medical and legal measures.

B.Zh. Aytimov, one of the scholars studying the gambling business and legal regulation, emphasizes the importance of introducing integrity and order in society through legal mechanisms. As Aytimov notes, «legal instruments for the implementation of integrity» require the effective use of legal

mechanisms to maintain order in social relations and reduce risks [10]. This perspective is important in analyzing the legal regulation of ludomania and gambling, as reducing risks in the gambling business and protecting players' rights is possible only through state oversight.

According to official data, approximately 400,000 citizens are regular clients of betting offices and casinos. This figure is comparable to the population of a medium-sized city and indicates a high level of gambling prevalence in society.

Ludomania poses a particularly serious threat among young people. The accessibility of online platforms, the development of smartphones, and digital payment systems have turned gambling into a daily «entertainment» for adolescents and students. Online casinos and betting applications quickly create psychological dependence, while adolescent psychology is more vulnerable to such influence.

According to competent authorities, over 4,000 websites exhibiting signs of online casinos were blocked last year. While this demonstrates that digital law enforcement and monitoring activities are ongoing, it also indicates that the scope of the problem is much broader. Cross-border online platforms and «circumventing» digital services are not easy to fully control.

Ludomania has become a pressing social problem not only for Kazakhstan but for the world at large. In many countries, gambling addiction is recognized as a mental disorder, with specialized rehabilitation centers and preventive programs implemented.

The research results show that the legal regulation of ludomania in the Republic of Kazakhstan is primarily based on the Law «On the Gambling Business». This law covers the organization, licensing, oversight of gambling, and the protection of players' rights. However, the analysis identified several shortcomings.

Specifically, ludomania is not recognized as an individual mental disorder. Under the current legislation of the Republic of Kazakhstan, gambling addiction is not acknowledged as a mental disorder or a distinct legal category. The law only regulates the actions of gambling organizers, licensing, and certain legal aspects of players' rights. This situation creates several significant problems:

Since ludomania is not considered a mental disorder, there is no legal obligation to provide medical support to citizens addicted to gambling. For example, psychiatric or psychological counseling and treatment programs are implemented only on a voluntary basis, and there is no possibility of compulsory or planned medical intervention. In international practice, for example, in the USA and European countries, people addicted to gambling have legally guaranteed access to psychiatric or psychological assistance. This limits the treatment opportunities for addicted individuals in Kazakhstan.

The World Health Organization provides an international perspective on addictive behavior. According to the organization's official resources, addiction is not merely a psychological or medical phenomenon but a complex issue with social and legal consequences. This information serves as a scientific basis for the legal regulation of ludomania and the development of preventive measures [11].

By not recognizing gambling addiction as a separate legal category, the possibility of implementing a specialized program within the state social protection system is limited. This means that citizens lack social guarantees—for example, they do not have the right to consistent access to social services, psychological support, or rehabilitation programs. As a result, addicted individuals are often forced to seek help on their own, which complicates the rehabilitation process.

The law is focused solely on licensing and regulating the gambling business, while the rights and obligations of players are not adequately protected. Without recognizing ludomania as a legal category, an addicted player's rights to compulsory or voluntary treatment, access to psychological protection mechanisms, safeguards against debt, or legal consultation are not legally established. This issue is particularly dangerous for young people and socially vulnerable groups.

Recognizing ludomania as an individual mental disorder allows for the organization of preventive measures. Currently, prevention in Kazakhstani law is only informational—such as advertising restrictions and stricter licensing requirements. However, medical and psychological prevention, counseling, and early detection mechanisms for addiction are not addressed.

In countries such as Sweden, Norway, and Germany, ludomania is recognized as a mental disorder, and medical and social support mechanisms are legally established. In many U.S. states, gambling addiction is recognized as a mental disorder, specialized rehabilitation centers operate, and medical assistance is obligatorily provided to players.

K.A. Katkov, analyzing foreign legislation, emphasizes the conceptual basis for regulating the gambling business. According to the scholar, in many countries, a complete ban on gambling is considered an ineffective approach [12]. Instead, the main focus is on controlling and restricting the gambling business through legal mechanisms. Katkov notes that in foreign countries, the primary method of regulating the gambling industry is not an absolute prohibition but effective legal regulation.

Licensing, taxation, and oversight functions are divided among various government agencies, which leads to a lack of coordination and contradictions in legal norms. In the Republic of Kazakhstan, the legal regulation of gambling is not structured as a unified system but is instead dispersed across different state bodies. The study revealed that licensing, taxation, and control functions are carried out independently of each other. This fragmented approach creates several significant issues:

The organization and licensing of gambling is primarily carried out by the Ministry of Tourism and Sports. This body monitors the gambling business only from the licensing perspective: issuing licenses, renewing them, and checking compliance with licensing requirements. However, the licensing process does not address players' rights, addiction prevention, or social protection. As a result, licensing procedures become a formal mechanism focused solely on organizers.

Tax monitoring and reporting fall under the jurisdiction of the Ministry of Finance. They are responsible for calculating gambling business revenues and overseeing tax payments. However, since tax oversight is not coordinated with licensing control, contradictions sometimes arise; for example, administrative disputes may occur regarding differences between amounts required under license conditions and figures reported for taxation purposes.

Control over the gambling sector is not assigned to a single authority. Additionally, local administrations and police agencies sometimes act in an uncoordinated manner regarding licensing and tax oversight. This leads to the emergence of illegal gambling businesses, inefficiency in monitoring, and contradictions in legal norms. For example, in some regions, unlicensed casinos are not officially closed or are inspected only occasionally, while tax authorities do not account for the revenues of these establishments.

Fragmented legal regulation results in inconsistencies in the law. For instance, if licensing requirements are violated, the Ministry of Culture and Sports may impose fines, while tax authorities may apply additional sanctions. Such legal contradictions create confusion for entrepreneurs and players and lead to an increase in disputes in court proceedings.

In many countries, regulation of the gambling business is centralized: one authority issues licenses and coordinates oversight and tax reporting. For example, in Germany, gambling control and licensing are conducted through a single central body—the «Nine-Province Center.» This ensures consistency of laws and reduces legal conflicts.

The lack of coordination in regulating the gambling business increases economic and social harm. The emergence of illegal casinos, a reduction in tax revenues to the state budget, and the inadequate protection of players' rights are clear manifestations of this issue. In addition, the fragmented situation hinders the organization of preventive and treatment measures, as each authority performs its functions separately and there is no comprehensive support system for addicted individuals.

Specific mechanisms for protecting the rights of people addicted to gambling are limited, and responsibility is primarily directed toward organizers. In the legal regulation system of the Republic of Kazakhstan, punitive measures are mainly focused on organizers, while concrete legal protection or mandatory treatment mechanisms for players are insufficient. This creates several key problems:

- lack of legal mechanisms for players. Current legislation does not provide specific legal tools for individuals addicted to gambling. For example, there is no legal requirement for compulsory treatment or the provision of psychological support for addicted players. In addition, measures to protect players from debt or family-related legal disputes are insufficient. As a result, addicted individuals are forced to seek medical and legal assistance on their own, which complicates the rehabilitation process;

- responsibility focused solely on organizers. The law primarily emphasizes monitoring the rights and obligations of gambling organizers: compliance with licensing requirements, tax reporting, closure of illegal gambling establishments, and so on. For example, if licensing conditions are violated, only the organizers are fined or have their licenses suspended. There are no legal provisions regarding the rights of players, their psychological well-being, or social protection;

- lack of preventive and treatment measures. The insufficiency of the punitive system reflects a low level of preventive and therapeutic measures. By not recognizing ludomania as a separate legal category, the state is not obligated to provide players with psychological, social, or medical support. As a result, addicted players often become a socially vulnerable group: accumulating debt, experiencing family crises, and suffering from deteriorating mental health;

- **social and economic consequences.** The insufficiency of punitive measures negatively affects society by failing to protect the rights of players. Addicted individuals incur debt, experience psychological stress, and face problems in their family and social relationships. In addition, economic harm is observed, such as loss of tax revenues for the state and the proliferation of illegal gambling establishments.

Statistical analysis shows that over the past five years, the number of people addicted to gambling in Kazakhstan has been gradually increasing, especially among young people. Ludomania causes socio-economic problems: debt, family crises, and deterioration of mental and physical health.

If legal regulation is insufficient, illegal financial flows and economic crimes through the gambling business are observed.

The experiences of Europe and the USA offer important lessons for Kazakhstan:

- in Sweden and Norway, special state programs have been implemented to prevent and treat gambling addiction, and strict restrictions and licensing requirements are applied [13];

- in the USA, some states have established «national gambling addiction centers», where psychological and legal assistance is provided together [14];

- the experience of Russia is close to Kazakhstan, but in terms of certain legislative norms, Kazakhstan's licensing system is much stricter, although preventive measures remain insufficient.

The research results highlighted several prospective directions for improving legislation:

1. **Recognize ludomania as a separate legal and medical category.** This step would allow for the clarification and implementation of legal and social support mechanisms.

2. **Centralize licensing and oversight functions.** Assigning responsibility to a single government authority would enhance legislative consistency and improve the effectiveness of monitoring.

3. **Implement preventive and educational measures.** Conduct informational programs in schools and universities to raise awareness about the risks of gambling.

4. **Introduce balanced sanctions.** Clarify legal responsibilities for both organizers and players, and consider mandatory measures aimed at providing medical assistance.

The research results indicate that the legal regulation system of ludomania in Kazakhstan is currently fragmented and lacks sufficient preventive components. However, by applying international experience, it is possible to improve the effectiveness of the legal and regulatory framework and to mitigate the socio-economic problems arising from gambling in society [15].

The prospects for legal regulation of ludomania lie in integrating medical, social, and legal aspects into a unified system. In this regard, it is important for Kazakhstan to improve normative acts, implement preventive programs, and strengthen social support.

Conclusion

The analysis of the legal regulation system of ludomania in the Republic of Kazakhstan has shown that this field involves complex legal, social, and medical issues. Current legislation primarily focuses on licensing gambling activities and regulating the legal responsibilities of organizers, while the rights of players and their access to social and medical support remain insufficient. This leads to several significant consequences:

1. **Lack of recognition of ludomania as a mental disorder** results in insufficient legal, medical, and social support. Citizens addicted to gambling are often forced to undergo treatment voluntarily, while preventive and compulsory measures are not legally established. Consequently, addicted individuals accumulate debt, experience psychological stress, and face disruption in their family and social relationships.

2. **Fragmentation of legal regulation** arises from the division of licensing, oversight, and taxation functions among different government authorities. This leads to a lack of coordination, contradictions in legal norms, and ineffective monitoring. For example, in some regions, unlicensed casinos may operate illegally, while tax authorities do not account for their income. As a result, illegal gambling businesses grow, causing increased economic and social harm.

3. **Insufficient punitive measures** highlight the weakness of the system for protecting players' rights. There are no concrete legal or preventive mechanisms for citizens addicted to gambling, while responsibility is mostly directed at organizers. This situation increases the number of socially vulnerable groups and exacerbates the socio-economic consequences of ludomania.

Comparative legal analysis provides important lessons from international experience. Practices in Europe and the USA show that legally recognizing gambling addiction as an individual mental disorder, implementing preventive programs, and providing comprehensive support for players are effective measures for the state and help reduce economic losses.

Prospective directions for improving legal regulation of ludomania in Kazakhstan include:

1) **recognize ludomania as a separate mental disorder and legal category.** This would allow the establishment of medical, social, and legal support mechanisms at the legislative level.

2) **centralize licensing, oversight, and taxation functions.** Assigning these responsibilities to a single central authority would ensure legal consistency and reduce illegal gambling activities.

3) **establish a comprehensive support system for players.** Integrate prevention, psychological counseling, compulsory and voluntary treatment programs, and social services.

4) **introduce balanced punitive and responsibility measures.** Clearly define legal mechanisms for both organizers and players.

In conclusion, improving the legal regulation of ludomania will be effective only if it is implemented not solely at the legislative level, but also by integrating medical, social, and preventive aspects. Such a comprehensive approach will reduce the negative impact of gambling on society, improve the quality of life for addicted individuals, enhance social safety, and mitigate economic harm.

Funding information

This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (BR24992927-OT-24 «Integrative study of gambling addiction in Kazakhstan and multidisciplinary strategies for its reduction» (scientific and scientific-technical programs; program-targeted funding competition for 2024–2026, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan)).

ЛИТЕРАТУРА:

1 «Ойын бизнесі туралы» Қазақстан Республикасының 2007 жылғы 12 қаңтардағы № 219 Заңы [электронды ресурс]. https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z070000219_ (қаралу уақыты 12.01.2026).

2 Қазақстан Республикасының Еңбек кодексі 2016 жығы 23 қарашадағы № 414-V Қазақстан Республикасының Заңы [электронды ресурс]. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414> (қаралу уақыты 12.01.2026).

3 Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы Қазақстан Республикасының 2020 жылғы 7 шілдедегі № 360-VI ҚРЗ Кодексі Қазақстан Республикасының Заңы [электронды ресурс]. https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2000000360_ (қаралу уақыты 12.01.2026).

4 Қазақстан Республикасының «Жарнама туралы» 2003 жылғы 19 желтоқсандағы №508 Заңы [электронды ресурс]. https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z030000508_ (қаралу уақыты 22.01.2026).

5 Қазақстан Республикасының «Лотереялар және лотерея қызметі туралы» 2016 жылғы 9 сәуірдегі №495-V Заңы [электронды ресурс]. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1600000495> (қаралу уақыты 22.01.2026).

6 Қасым-Жомарт Тоқаев: Лудомания – бейбіт күнде елдің шырқын бұзып жатқан қатер [электронды ресурс]. // <https://kaz.inform.kz/news/prezident-ludomaniya-beybt-kunde-eldn-shirkin-buzip-zhatkan-kater-ae4847/> (қаралу уақыты 15.02.2026)

7 Севостьянов Р.А. (2008) Вопросы уголовно-правовой защиты общественной нравственности от незаконного игорного бизнеса // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – No 2. – С. 177.

8 Родионова Ю.Н. (2006) Правовое регулирование игорного бизнеса в Казахстане. «Вестник Казахстанско-Американского свободного университета» No3 [электронный ресурс]. <http://www.vestnik-kafu.info/authors/237> (караула уақыты 22.01.2026).

9 Бузик О.Ж. Зависимость от азартных игр: клинические проявления, особенности течения, лечение: Диссертация на соискание ученой степени доктора медицинских наук. – М., 2008. – 326 с.

10 Б.Айтимов. «Провавые инструменты внедрения добропорядочности» // Б.Айтимов, Е.Дүсіпов, Д.Бекежанов // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». - 2022. - №1(105). – с. 111-119.

11 Addictive behavior Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымы: [Электронный ресурс]. https://www.who.int/health-topics/addictive-behaviour#tab=tab_1 (караула уақыты 25.02.2026)

12 Катков К.А. (2008) Зарубежный опыт налогообложения игорного бизнеса // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – No. 4. – С.92-94

13 Brezis, E.S. Legal conflicts of interest of the revolving door / E.S. Brezis // Journal of Macroeconomics. - 2017. - №52. - P.175-188.

14 B.N. Kim, M.A. Masud, Yongkuk Kim Optimal Implementation of Intervention Strategies for Elderly People with Ludomania Osong Public Health and Research Perspectives Volume 5, Issue 5, October 2014, P.266-273.

15 Feldman, Yu. Regulation of «good» people in situations of hidden conflict of interest / Yu. Feldman, E.Halali // Journal Business Ethics. - 2019. - №1(154). -P.65-83.

REFERENCES:

1 Qazaqstan Respublikasy. (2007). «Oıyn biznesi turaly» Qazaqstan Respublikasynyn 2007 zhylgy 12 qantardagy No. 219 Zany [Law of the Republic of Kazakhstan “On Gambling Business”] [electronic resource]. Available at: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z070000219_ (accessed 12 January 2026). (in Kazakh).

2 Qazaqstan Respublikasy. (2016). Qazaqstan Respublikasynyn Enbek kodeksi 2016 zhylgy 23 qarashadagy No. 414-V Zany [Labor Code of the Republic of Kazakhstan] [electronic resource]. Available at: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414> (accessed 12 January 2026). (in Kazakh).

3 Qazaqstan Respublikasy. (2020). Halyq densaulıgy zhane densaulıq saқтаu zhuiesi turaly Qazaqstan Respublikasynyn 2020 zhylgy 7 shildedegi No. 360-VI Kodeksi [Code of the Republic of Kazakhstan “On Public Health and Healthcare System”] [electronic resource]. Available at: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2000000360> (accessed 12 January 2026). (in Kazakh).

4 Qazaqstan Respublikasy. (2003). «Zharna turaly» Qazaqstan Respublikasynyn 2003 zhylgy 19 zheltoksandagy No. 508 Zany [Law of the Republic of Kazakhstan “On Advertising”] [electronic resource]. Available at: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z030000508_ (accessed 22 January 2026). (in Kazakh).

5 Qazaqstan Respublikasy. (2016). «Lotereialar zhane lotereia qyzmeti turaly» Qazaqstan Respublikasynyn 2016 zhylgy 9 sauirdegi No. 495-V Zany [Law of the Republic of Kazakhstan “On Lotteries and Lottery Activities”] [electronic resource]. Available at: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1600000495> (accessed 22 January 2026). (in Kazakh).

6 Toqayev K.-Zh. (2026). Ludomania – beibit kunde eldin shyrqyn buzıp zhatqan qater [Ludomania is a threat undermining society in peacetime] [electronic resource]. Available at: <https://kaz.inform.kz/news/prezident-ludomaniya-beybt-kunde-eldn-shirkin-buzip-zhatkan-kater-ae4847/> (accessed 15 February 2026). (in Kazakh).

7 Sevostanov R. A. (2008). Voprosy ugovovno-pravovoi zashchity obshchestvennoi nravstvennosti ot nezakonnoy igornogo biznesa [Issues of criminal law protection of public morality from illegal gambling business]. Biznes v zakone, no. 2, pp. 177. (in Russian).

8 Rodionova Iu. N. (2006). Pravovoe regulirovanie igornogo biznesa v Kazakhstan [Legal regulation of gambling business in Kazakhstan]. Vestnik Kazakhstansko-Amerikanskogo svobodnogo universiteta, no. 3 [electronic resource]. Available at: <http://www.vestnik-kafu.info/authors/237> (accessed 22 January 2026). (in Russian).

9 Buzik O. Zh. (2008). Zavisimost ot azartnykh igr: klinicheskie proiavleniya, osobennosti techeniya, lechenie [Gambling addiction: clinical manifestations, course of the disease and treatment]. Doctoral dissertation. Moscow, 326 p. (in Russian).

10 Aitimov B., Dusipov E., Bekezhanov D. (2022). Pravovye instrumenty vnedreniya dobroporiadachnosti [Legal instruments for implementing integrity]. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Pravo», no. 1(105), pp. 111–119. (in Russian).

11 World Health Organization. (2026). Addictive behaviour [electronic resource]. Available at: https://www.who.int/health-topics/addictive-behaviour#tab=tab_1 (accessed 25 February 2026).

12 Katkov K. A. (2008). Zarubezhnyi opyt nalogooblozheniya igornogo biznesa [Foreign experience of taxation of gambling business]. Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta, no. 4, pp. 92–94. (in Russian).

13 Brezis E. S. (2017). Legal conflicts of interest of the revolving door. Journal of Macroeconomics, no. 52, pp. 175–188.

14 Kim B. N., Masud M. A., Kim Y. (2014). Optimal Implementation of Intervention Strategies for Elderly People with Ludomania. Osong Public Health and Research Perspectives, vol. 5, no. 5, pp. 266–273.

15 Feldman Y., Halali E. (2019). Regulation of «good» people in situations of hidden conflict of interest. Journal of Business Ethics, no. 154, pp. 65–83.

ЛУДОМАНИЯНЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ: ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН ШЕТЕЛ МЕМЛЕКЕТТЕРІНІҢ ЗАҢНАМАСЫН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Сериев Б.А.^{1*}, Шамсидинов З.З.², Таубаев Б.Р.¹

¹Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Қазақстан Республикасы, Талдықорған қ.

²Ташкент мемлекеттік заң университеті, Өзбекстан Республикасы, Ташкент қ.

*e-mail: seriev_bolat@mail.ru, z.shamsiddinov@tsul.uz, t_bauka@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасында лудоманияны (құмар ойынға тәуелділікті) құқықтық реттеудің қазіргі жағдайы, оның құқықтық табиғаты мен әлеуметтік салдары кешенді түрде талданады. Зерттеудің мақсаты – құмар ойынға тәуелділіктің таралуына байланысты туындайтын құқықтық мәселелерді айқындау және қолданыстағы заңнаманы жетілдірудің негізгі бағыттарын негіздеу. Зерттеу барысында Қазақстан Республикасының ойын бизнесін реттейтін заңнамасы, әкімшілік және қылмыстық құқық нормалары, сондай-ақ кәметке толмағандарды қорғауға қатысты құқықтық тетіктер қарастырылды. Сонымен қатар халықаралық тәжірибе мен шетелдік мемлекеттердің құқықтық реттеу үлгілеріне салыстырмалы талдау жүргізілді.

Талдау нәтижесінде лудоманияның тек медициналық немесе психологиялық мәселе емес, сонымен қатар маңызды әлеуметтік-құқықтық құбылыс екендігі анықталды. Қолданыстағы заңнамада профилактикалық шаралардың жеткіліксіздігі, онлайн-құмар ойындарды бақылау тетіктерінің әлсіздігі, жарнамаға қойылатын шектеулердің тиімсіздігі және тәуелді тұлғаларды әлеуметтік-құқықтық қорғау механизмдерінің жеткілікті дамымауы сияқты бірқатар проблемалар айқындалды.

Мақалада заңнаманы жетілдіру бағыттары ретінде мемлекеттік бақылауды күшейту, цифрлық мониторинг құралдарын енгізу, өзін-өзі шектеу тетіктерін дамыту, кәметке толмағандарды қорғау шараларын нақтылау және кешенді профилактикалық саясат қалыптастыру ұсынылады. Зерттеу нәтижелері лудоманияның алдын алу мен оны құқықтық реттеудің тиімділігін арттыруға бағытталған ғылыми және практикалық ұсыныстар әзірлеуге мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: лудомания, құмар ойынға тәуелділік, құқықтық реттеу, ойын бизнесі, профилактика, әкімшілік жауапкершілік, заңнаманы жетілдіру.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛУДОМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Сериев Б.А.^{1*}, Шамсидинов З.З.², Таубаев Б.Р.¹

¹Жетысуский университет имени И. Жансугурова, Республика Казахстан, г.Талдықорған

²Ташкентский государственный юридический университет, Республика Узбекистан, г.Ташкент

*e-mail: seriev_bolat@mail.ru, z.shamsiddinov@tsul.uz, t_bauka@mail.ru

Аннотация. В статье комплексно анализируется современное состояние правового регулирования лудомании (игровой зависимости) в Республике Казахстан, её правовая природа и социальные последствия. Целью исследования является выявление правовых проблем, возникающих в связи с распространением зависимости от азартных игр, а также обоснование основных направлений совершенствования действующего законодательства.

В ходе исследования рассмотрены нормы законодательства Республики Казахстан, регулирующие сферу игорного бизнеса, положения административного и уголовного права, а также правовые механизмы защиты несовершеннолетних. Кроме того, проведён сравнительный анализ международного опыта и моделей правового регулирования в зарубежных государствах.

По результатам анализа установлено, что лудомания представляет собой не только медицинскую или психологическую проблему, но и значимое социально-правовое явление. Выявлен ряд проблем, включая недостаточность профилактических мер в действующем законодательстве, слабость механизмов контроля онлайн-азартных игр, неэффективность ограничений в сфере рекламы, а также недостаточную развитость механизмов социальной и правовой защиты зависимых лиц.

В статье предлагаются направления совершенствования законодательства, включающие усиление государственного контроля, внедрение цифровых инструментов мониторинга, развитие механизмов самоограничения, уточнение мер защиты несовершеннолетних и формирование комплексной профилактической политики.

Результаты исследования позволяют выработать научные и практические рекомендации, направленные на повышение эффективности предупреждения лудомании и совершенствование её правового регулирования.

Ключевые слова: лудомания, зависимость от азартных игр, правовое регулирование, игорный бизнес, профилактика, административная ответственность, совершенствование законодательства.

Information about authors:

Seriev Bolat – Candidate of Law, Professor, Member of the Management Board – Vice-Rector for Youth Policy of Zhetysu University named after I. Zhansugurov (Kazakhstan, Taldykorgan, e-mail: seriev_bolat@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0161-7219)

Shamsiddinov Zayniddin – PhD in Law, Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption, Tashkent State University of Law (Tashkent, Uzbekistan, e-mail: z.shamsiddinov@tsul.uz, ORCID: 0009-0008-9410-691X)

Taubayev Baurzhan – Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor, Member of the Management Board – Vice-Rector for Academic Affairs of Zhetysu University named after I. Zhansugurov (Kazakhstan, Taldykorgan, e-mail: t_bauka1114@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2253-6549)

Авторлар туралы мәліметтер:

Сериев Болат Абдулдаұлы – заң ғылымдарының кандидаты, профессор, І.Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Басқарма мүшесі – жастар саясаты жөніндегі проректоры (Қазақстан, Талдықорған қ., e-mail: seriev_bolat@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0161-7219)

Шамсидинов Зайниддин Зиёвидинович – философия докторы (PhD), «Қылмыстық құқық, криминология және сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл» кафедрасының оқытушысы, Tashkent State University of Law (Өзбекстан, Ташкент қ., e-mail: z.shamsiddinov@tsul.uz, ORCID: 0009-0008-9410-691X)

Таубаев Бауржан Рыспекович – философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор (доцент), І.Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Басқарма мүшесі – академиялық мәселелер жөніндегі проректоры (Қазақстан, Талдықорған қ., e-mail: t_bauka1114@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2253-6549)

Сведения об авторах:

Сериев Болат Абдулдаұлы – кандидат юридических наук, профессор, член правления – проректор по социальной работе и молодежной политике, Жетысуский университет им. И.Жансугурова (Казахстан, Талдықорған, e-mail: seriev_bolat@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0161-7219)

Шамсидинов Зайниддин Зиёвидинович – доктор философии (PhD), кафедра «Уголовное право, криминология и противодействие коррупции», Tashkent State University of Law (Узбекистан, г. Ташкент, e-mail: z.shamsiddinov@tsul.uz, ORCID: 0009-0008-9410-691X)

Таубаев Бауржан Рыспекович – доктор философии (PhD), доцент, член правления – проректор по академическим вопросам, Жетысуский университет им. И.Жансугурова (Казахстан, Талдықорған, e-mail: t_bauka1114@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2253-6549)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ГРАЖДАН КАК ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Серикжанова А.С.^{1*} , Нуртазина Р.А.^{1*} , Ланко Д.А.²

¹ Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан, г. Астана

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

*e-mail: aiemaserikzhanova@gmail.com, roza_nur@mail.ru, dimppa@hotmail.com

Аннотация. Политическое участие граждан представляет собой одну из ключевых категорий современной политологической науки, отражающую степень вовлеченности общества в процессы формирования, принятия и реализации политических решений. В условиях трансформации политических систем, усложнения механизмов публичного управления и развития цифровых форм коммуникации проблема политического участия приобретает особую теоретическую и практическую значимость. Целью настоящей статьи является анализ политического участия граждан как института политической системы, а также выявление основных направлений его трансформации в современных социально-политических условиях. В качестве методологической основы исследования используются институциональный, структурно-функциональный и сравнительный подходы, а также элементы поведенческого анализа. Материалами исследования послужили труды зарубежных и отечественных политологов, посвященные теории политического участия, политической активности и гражданской вовлеченности. В результате исследования обосновано положение о том, что политическое участие в современных условиях выходит за рамки исключительно электоральных практик и приобретает многоуровневый, гибридный характер, сочетая институциональные и неинституциональные формы. Делается вывод о том, что развитие института политического участия выступает важнейшим фактором устойчивости и адаптивности политической системы, а также условием формирования конструктивной политической культуры общества.

Ключевые слова: политическое участие, политическая активность, политическая система, институты, политическая культура, гражданское общество.

Введение

Современное развитие политических систем характеризуется усложнением форм взаимодействия между государством и обществом, расширением каналов политической коммуникации и трансформацией традиционных механизмов участия граждан в публичной политике. В этих условиях категория политического участия приобретает особое значение как аналитический инструмент, позволяющий оценить уровень демократичности политического процесса, степень легитимности власти и качество функционирования политических институтов. Политическое участие граждан выступает не только показателем социальной активности населения, но и важнейшим фактором воспроизводства и устойчивости политической системы в целом [1].

В условиях глобальных трансформаций политических режимов и модернизации институтов власти возрастает значение общественного запроса на вовлеченность в процессы принятия решений. Развитие информационно-коммуникационных технологий и цифровых платформ существенно расширяет репертуар форм политического участия, включая сетевые, протестные и гибридные практики [2]. Изменение политической культуры и моделей политического поведения граждан требует переосмысления классических концепций участия, сформированных преимущественно в рамках электоральной парадигмы.

В политологической науке понятие политического участия прошло длительную эволюцию. Если в ранних исследованиях участие граждан рассматривалось преимущественно в контексте избирательного процесса и функционирования представительных органов власти, то начиная со второй половины XX века данная категория оформилась в качестве

самостоятельного объекта научного анализа [3]. Существенный вклад в разработку теории политического участия внесли представители поведенческого направления, которые сместили акцент с нормативных моделей демократии на изучение реального политического поведения граждан и факторов, его определяющих. В дальнейшем развитие социально-психологических и социально-структурных подходов позволило рассматривать политическое участие как сложное и многомерное явление, обусловленное совокупностью институциональных, культурных и индивидуальных факторов [4].

Несмотря на значительное количество исследований, проблема политического участия остается дискуссионной. В научной литературе отсутствует единая универсальная дефиниция данного понятия, что связано с многообразием форм участия, различиями политических режимов и динамикой социально-политических процессов [5]. В одних трактовках политическое участие интерпретируется в широком смысле как механизм воздействия граждан на систему общественных и политических ценностей, в других - в узком смысле как совокупность действий, направленных на влияние на процесс подготовки и принятия государственных решений [1]. Подобная концептуальная разнородность, с одной стороны, осложняет теоретическое осмысление феномена, а с другой - открывает возможности для дальнейших исследований и авторских интерпретаций.

В современных условиях политическое участие все в большей степени выходит за рамки формально-институциональных процедур и проявляется в разнообразных формах политической активности, включая участие в деятельности политических партий, общественных движений, протестных акциях, а также в цифровом пространстве. Данные процессы свидетельствуют о трансформации классической модели политического участия и формировании новой архитектуры взаимодействия между государством и гражданским обществом [6]. В этой связи особую значимость приобретает институциональный анализ политического участия, позволяющий выявить его роль и функции в структуре политической системы.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ политического участия граждан как института политической системы и выявление основных направлений его трансформации в современных условиях.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования обусловлена сложным и многомерным характером политического участия граждан как института политической системы. Политическое участие рассматривается не только как совокупность индивидуальных и коллективных действий граждан, но и как устойчивый механизм воспроизводства политических отношений, встроенный в институциональную структуру общества. Такой подход предполагает использование комплекса общенаучных и специальных методов политологического анализа.

В политологической науке проблематика политического участия занимает одно из центральных мест, поскольку отражает фундаментальные процессы взаимодействия между обществом и властью. Теоретические основания исследования политического участия формировались в рамках различных научных направлений, каждое из которых вносило вклад в понимание сущности, форм и механизмов гражданской активности.

Значительный вклад в развитие теории политического участия был сделан представителями поведенческого направления, которые рассматривали участие граждан как форму политического поведения, обусловленного совокупностью социальных и индивидуальных факторов. В трудах Б. Берельсона, П. Лазарсфельда и У. Макфи политическое участие анализируется прежде всего через призму электорального поведения, где голосование выступает интегральным результатом воздействия социальных, религиозных, семейных и информационных факторов на политический выбор граждан [7]. Данный подход позволил перейти от абстрактных нормативных моделей демократии к эмпирическому изучению реальных практик участия.

Схожие позиции прослеживаются в исследованиях Ф. Конверса и Э. Кэмпбелла, которые акцентировали внимание на восприятии гражданами политической реальности, уровне их политической информированности и степени удовлетворенности политической системой [8]. В рамках социально-психологического направления политическое участие рассматривается как результат взаимодействия индивидуальных установок, ценностей и мотиваций с институциональной средой.

Отдельное место в развитии теории политического участия занимают работы Х.Маккроски, в которых подчеркивается значение добровольной активности гражданского общества в избирательном процессе как основы формирования ответственной и устойчивой политики государства [9]. Данный подход расширил рамки анализа политического участия, включив в него не только формальные электоральные процедуры, но и более широкие формы гражданской активности.

Существенный вклад в институционализацию категории политического участия внесли исследования Л. Милбрайта и М. Гоэла, в которых предложена оригинальная модель политического рекрутирования и участия граждан в политике. Авторы рассматривают политическое участие как процесс, включающий различные уровни вовлеченности граждан, от минимальных форм интереса к политике до активного участия в деятельности политических организаций и движений [10]. Данный подход позволил рассматривать участие как динамичный процесс, подверженный влиянию социально-экономических и политических условий.

В дальнейшем развитие социально-структурного и неинституционального направлений способствовало переосмыслению политического участия как самостоятельного института политической системы. В рамках данных подходов участие граждан трактуется не только как совокупность индивидуальных действий, но и как устойчивый механизм, обеспечивающий воспроизводство политических отношений и интеграцию общества в политический процесс [1]. Политическое участие в этом контексте выступает важнейшим элементом политической культуры и фактором демократизации государственной жизни.

Современные исследования акцентируют внимание на расширении репертуара форм политического участия, включая протестные движения, сетевые формы коммуникации и цифровое участие. Распространение интернет-технологий и социальных сетей рассматривается как фактор, трансформирующий традиционные модели политического участия и усиливающий влияние общества на процессы принятия политических решений [2]. В то же время в научной литературе отмечается, что данные формы участия не заменяют классические институты, а сосуществуют с ними, формируя гибридную модель политического участия.

Политическое участие граждан является сложной и динамичной категорией, интерпретация которой зависит от используемого теоретико-методологического подхода. Современные концепции политического участия отражают переход от узкоинституциональных и электоральных трактовок к более широкому пониманию участия как многоуровневого института политической системы, функционирующего в условиях постоянных социальных и политических изменений.

В качестве базового методологического инструментария используется институциональный подход, позволяющий рассматривать политическое участие как элемент политической системы, выполняющий функции артикуляции и агрегации интересов, политической социализации и легитимации власти [11]. Институциональный анализ дает возможность выявить формальные и неформальные правила, нормы и процедуры, в рамках которых осуществляется участие граждан, а также оценить степень их эффективности и устойчивости в условиях политической трансформации.

Структурно-функциональный метод применяется для определения места и роли политического участия в системе политических отношений. В рамках данного подхода политическое участие анализируется через призму его функций, включая участие в формировании органов власти, контроль над деятельностью политических элит, обеспечение обратной связи между обществом и государством, а также формирование

политической культуры [12]. Такой анализ позволяет рассматривать политическое участие не изолированно, а во взаимосвязи с другими институтами политической системы.

Сравнительный метод используется для выявления общих закономерностей и различий в трактовках политического участия в различных теоретических школах и концепциях. Он позволяет сопоставить классические и современные подходы к пониманию политического участия, а также проследить эволюцию научных представлений о формах и механизмах гражданской вовлеченности в политический процесс [10]. Элементы поведенческого анализа применяются при рассмотрении политического участия как формы политического поведения, обусловленного социальными, психологическими и культурными факторами.

Результаты и обсуждение

В классических моделях политической теории участие граждан преимущественно сводилось к электоральным практикам, рассматриваемым как основной и зачастую единственный канал влияния общества на власть. Однако современные политические процессы демонстрируют расширение репертуара форм участия, что обусловлено как институциональными изменениями, так и трансформацией политической культуры и коммуникационных технологий [13]. В результате политическое участие приобретает многоуровневый характер, включающий формальные, полужформальные и неформальные формы гражданской активности.

Анализ показывает, что институциональные формы политического участия, такие как выборы, референдумы и участие в деятельности политических партий, продолжают играть базовую роль в структуре политической системы. Они обеспечивают легитимность власти, формируют механизм представительства и создают условия для воспроизводства политических элит. Вместе с тем эффективность данных форм участия во многом зависит от уровня доверия граждан к политическим институтам, прозрачности процедур и реальной конкурентности политического процесса [11]. В условиях снижения доверия к формальным институтам наблюдается рост альтернативных форм участия, что указывает на адаптивный характер политического поведения граждан.

Существенное значение в современных условиях приобретает анализ неинституциональных форм политического участия, включая протестную активность, общественные кампании и сетевые формы мобилизации. Расширение данных форм участия связано с изменением структуры общественных интересов и ростом запросов на непосредственное влияние на политические решения. Протестные формы участия, несмотря на их конфликтный потенциал, могут рассматриваться как индикатор дисфункций политической системы и дефицита институционализированных каналов обратной связи между обществом и властью [6]. В этом контексте протест выступает не столько деструктивным фактором, сколько формой артикуляции общественных интересов.

Особого внимания заслуживает трансформация политического участия в условиях цифровизации. Распространение интернет-технологий и социальных сетей способствует формированию новых форм гражданской вовлеченности, которые отличаются высокой скоростью распространения информации, низким порогом входа и возможностью горизонтальной мобилизации [2]. Цифровое участие расширяет возможности граждан для выражения политических позиций, участия в общественных дискуссиях и контроля за деятельностью власти. Вместе с тем данные формы участия обладают фрагментарным и ситуативным характером, что ограничивает их институциональную устойчивость.

В современный период уместно констатировать формирование гибридной модели политического участия, сочетающей элементы традиционных и новых форм гражданской активности. В рамках данной модели институциональные и неинституциональные формы участия не противопоставляются друг другу, а взаимодействуют, дополняя и компенсируя ограничения каждой из них. Такая гибридизация отражает адаптацию политической системы к изменяющимся социальным условиям и росту требований к качеству публичного

управления [1]. При этом устойчивость гибридной модели зависит от способности политических институтов интегрировать новые формы участия в существующую институциональную структуру.

Помимо традиционных функций артикуляции интересов и легитимации власти, участие граждан выполняет функцию политической социализации, формируя у индивидов устойчивые модели политического поведения и ценностные ориентации. Через участие в политических процессах граждане усваивают нормы политического взаимодействия, приобретают опыт коллективных действий и развивают навыки публичного диалога [12]. В этом смысле политическое участие выступает не только результатом политической культуры, но и фактором ее воспроизводства.

Обсуждение результатов также показывает, что уровень и характер политического участия тесно связаны с особенностями институциональной среды. Наличие четко определенных правил, прозрачных процедур и эффективных механизмов обратной связи способствует институционализации политического участия и снижает вероятность радикализации форм гражданской активности. Напротив, институциональная неопределенность и ограниченность каналов участия усиливают значение неформальных и протестных форм, что может приводить к росту политической нестабильности [14]. Таким образом, институциональный контекст выступает ключевым фактором трансформации политического участия.

Отдельного внимания заслуживает взаимосвязь политического участия и политической культуры общества. Высокий уровень участия граждан, как правило, коррелирует с развитой политической культурой, основанной на ценностях ответственности, доверия и готовности к диалогу. В то же время формальное участие без реального влияния на политические решения может способствовать росту политического апатии и отчуждения [5].

Расширение форм участия и рост гражданской активности могут свидетельствовать о демократическом потенциале общества, однако сами по себе не гарантируют демократизации. Ключевым условием является институциональная способность политической системы трансформировать гражданскую активность в устойчивые механизмы политического представительства и участия в принятии решений [11]. В этом контексте политическое участие выступает как процесс, результативность которого определяется не только действиями граждан, но и реакцией политических институтов.

Таким образом, политическое участие граждан в современных условиях представляет собой динамичный и многомерный институт, функционирующий на пересечении формальных и неформальных политических практик. Его трансформация отражает изменения в структуре политической системы, политической культуре и коммуникационной среде. Анализ практик политического участия в странах Европейского союза, Соединенных Штатах Америки и государствах Восточной Азии позволяет выявить устойчивые институциональные тенденции, подтверждающие универсальный характер трансформации политического участия в современных политических системах. Несмотря на различия в политических режимах и культурно-исторических традициях, данные страны демонстрируют схожие процессы расширения форм гражданской вовлеченности и усложнения механизмов взаимодействия между обществом и государством.

В странах Европейского союза политическое участие граждан традиционно характеризуется высокой степенью институционализации и развитой системой представительных и партисипаторных механизмов. Помимо электорального участия, значительное распространение получили формы участия, связанные с общественными консультациями, гражданскими инициативами и механизмами участия на местном уровне. Практика вовлечения граждан в процессы обсуждения и выработки публичной политики способствует укреплению доверия к политическим институтам и формированию устойчивых моделей политического поведения [11]. Данный опыт подтверждает тезис о том, что политическое участие эффективно функционирует в условиях прозрачных процедур и развитой институциональной среды.

Вместе с тем в странах ЕС наблюдается рост неинституциональных форм участия, включая протестные движения и кампании гражданской мобилизации. Эти формы участия, как правило, не направлены на подрыв политической системы, а выполняют корректирующую функцию, сигнализируя о дисбалансе интересов или недостаточной эффективности существующих институтов. Таким образом, европейская практика демонстрирует модель интеграции институциональных и неинституциональных форм политического участия в рамках единого политического процесса [5].

Опыт Соединенных Штатов Америки также свидетельствует о трансформации политического участия в направлении многоуровневой и гибридной модели. Наряду с традиционно высокой электоральной активностью, в США значительное значение имеют формы участия, связанные с деятельностью гражданских организаций, лоббистских структур и общественных движений. Политическое участие в данном контексте выступает не только механизмом влияния на власть, но и инструментом структурирования общественных интересов и формирования политических коалиций [10]. При этом развитие цифровых технологий усилило роль сетевых форм мобилизации, что привело к изменению динамики политического участия. Особенностью американской модели является высокая степень индивидуализации политического участия, при которой значительная часть гражданской активности осуществляется вне рамок формальных политических институтов. Данный фактор способствует гибкости политической системы, но одновременно усиливает фрагментацию политического пространства и поляризацию общественных интересов. Расширение форм участия само по себе не гарантирует консолидации политической системы и требует эффективных институциональных механизмов интеграции гражданской активности [12].

Страны Восточной Азии демонстрируют специфическую модель трансформации политического участия, сочетающую элементы институциональной устойчивости и контролируемого расширения форм гражданской вовлеченности. В данных государствах политическое участие традиционно опирается на сильные государственные институты и иерархические модели управления, что определяет ограниченный характер неинституциональных форм активности. Вместе с тем в последние десятилетия наблюдается постепенное расширение каналов участия, включая развитие общественных консультаций, цифровых платформ и форм локального участия [1]. Данный процесс отражает адаптацию политических систем к росту социальной дифференциации и усложнению общественных запросов.

Сравнительный анализ восточноазиатского опыта показывает, что трансформация политического участия может осуществляться в рамках эволюционной модели, без резких институциональных изменений. В этом контексте политическое участие используется как инструмент управляемой модернизации, направленной на повышение эффективности публичного управления и предотвращение социальных конфликтов [14].

В целом зарубежный опыт позволяет сделать вывод о том, что трансформация политического участия граждан является универсальной тенденцией, проявляющейся в различных политических системах независимо от уровня их демократизации. Общим элементом данных трансформаций является переход от узкоэлекторального понимания участия к многоуровневой институциональной модели, включающей разнообразные формы гражданской активности. При этом эффективность политического участия как института политической системы определяется не столько количеством доступных форм участия, сколько качеством институциональных механизмов, обеспечивающих их интеграцию в процесс принятия политических решений.

Анализ политического участия граждан в странах Центральной Азии позволяет выявить специфическую модель трансформации данного института, обусловленную особенностями постсоветского развития, институционального строительства и политической культуры региона. В отличие от устоявшихся демократий, где

трансформация политического участия происходит преимущественно за счет расширения и усложнения существующих форм, в странах Центральной Азии данный процесс носит характер постепенного институционального формирования и адаптации новых практик участия к устойчивым моделям государственного управления.

В постсоветский период политическое участие в странах Центральной Азии изначально развивалось в рамках ограниченной институциональной парадигмы, ориентированной преимущественно на электоральные процедуры и участие через формальные представительные институты. Выборы выступали ключевым механизмом легитимации власти и воспроизводства политической системы, тогда как иные формы участия имели фрагментарный и эпизодический характер [1]. Данная модель обеспечивала институциональную стабильность, однако одновременно ограничивала возможности граждан для системного влияния на процесс принятия политических решений.

Современный этап развития политического участия в странах Центральной Азии характеризуется постепенным расширением форм гражданской вовлеченности при сохранении доминирующей роли государства в регулировании политического процесса. В ряде стран региона наблюдается развитие механизмов общественного диалога, консультаций и участия граждан в обсуждении социально значимых реформ. Эти формы участия, как правило, институционализируются сверху и встраиваются в существующую систему публичного управления, что придает трансформации политического участия управляемый и эволюционный характер [14].

Важным результатом анализа является выявление гибридной природы политического участия в Центральной Азии. С одной стороны, сохраняется приоритет формально-институциональных каналов участия, включая выборы, деятельность политических партий и консультативных органов. С другой стороны, возрастает значение неинституциональных форм активности, таких как локальные инициативы, общественные кампании и сетевые формы мобилизации. Однако данные формы участия, в отличие от западных моделей, редко трансформируются в устойчивые политические движения и, как правило, ограничены рамками конкретных социально-экономических проблем [6].

Цифровизация политического пространства оказывает существенное влияние на трансформацию политического участия в странах Центральной Азии. Распространение социальных сетей и онлайн-платформ расширяет возможности граждан для выражения политических позиций и участия в общественных дискуссиях. Вместе с тем цифровое участие в регионе характеризуется высокой степенью ситуативности и ограниченной институциональной конверсией, что снижает его потенциал как устойчивого механизма политического влияния [2]. В данном контексте цифровые формы участия выступают скорее дополнительным каналом политической коммуникации, чем самостоятельным институтом.

Сравнительный анализ стран Центральной Азии позволяет сделать вывод о том, что трансформация политического участия в регионе осуществляется в рамках модели институциональной адаптации, а не институционального разрыва. Политическое участие расширяется количественно, однако качественные изменения происходят медленно и во многом зависят от инициатив государства и уровня развития гражданского общества. Это подтверждает гипотезу о зависимости трансформации политического участия от особенностей политического режима и степени открытости институциональной среды. Особое значение в странах Центральной Азии имеет взаимосвязь политического участия и политической культуры. Исторически сформированные патерналистские установки и ориентация на сильную государственную власть оказывают влияние на характер гражданской активности, сдерживая развитие горизонтальных форм участия. Вместе с тем наблюдается постепенное формирование новых моделей политического поведения, ориентированных на участие в локальных и социально значимых инициативах [2]. Данный процесс свидетельствует о медленной, но устойчивой эволюции политической культуры региона.

Трансформация политического участия граждан в странах Центральной Азии носит асинхронный и неоднородный характер. Различия в темпах и формах трансформации обусловлены как институциональными факторами, так и уровнем социально-экономического развития отдельных государств. Тем не менее для всех стран региона характерно сочетание формально-институциональных и неинституциональных форм участия, что позволяет говорить о формировании региональной модели гибридного политического участия.

Распад Советского Союза стал базовым структурным событием, определившим исходные условия формирования политического участия в странах Центральной Азии. Переход от советской модели мобилизационного участия к формально демократическим институтам сопровождался институциональным вакуумом, слабостью партийных систем и ограниченностью каналов гражданской вовлеченности. Политическое участие на раннем этапе независимости носило преимущественно формальный характер и было сосредоточено в рамках электоральных процедур и государственных институтов [1].

Принятие новых конституций и укрепление президентских форм правления в странах Центральной Азии способствовали институциональной стабилизации, но одновременно сузили пространство для автономного политического участия. В этот период ПУ развивалось в условиях доминирования исполнительной власти, что обусловило приоритет управляемых и институционализированных форм участия над спонтанной гражданской активностью [14].

Цветные революции в постсоветском пространстве (2003–2005 гг.), события в Грузии, Украине и Кыргызстане оказали существенное влияние на восприятие политического участия в Центральной Азии. Они продемонстрировали потенциал массовой мобилизации и протестных форм участия, что привело к усилению государственного контроля над публичной политикой в регионе. В то же время данные события способствовали росту политической осознанности и интереса к альтернативным формам участия, особенно среди молодежи [6].

Кыргызстан стал ключевым примером трансформации политического участия в регионе. Массовые протесты и смена власти продемонстрировали переход от институционально ограниченного участия к активным протестным формам. Эти события показали, что при слабости формальных институтов политическое участие может приобретать конфликтный и дестабилизирующий характер, что существенно повлияло на региональный дискурс о допустимых формах гражданской активности [11].

Распространение цифровых технологий стало важнейшим фактором трансформации политического участия во всех странах Центральной Азии. Социальные сети и онлайн-платформы снизили барьеры входа в политический процесс, расширили возможности выражения политических позиций и способствовали формированию сетевых форм мобилизации. При этом цифровое участие в регионе носит преимущественно фрагментарный характер и редко институционализируется [2].

События в Жанаозене (2011 г.) стали важным рубежом в трансформации политического участия в Казахстане. Они выявили ограниченность институциональных каналов артикуляции социально-экономических интересов и продемонстрировали переход части граждан к протестным формам участия. После этих событий усилилось внимание к вопросам общественного диалога и механизмов предотвращения социальной напряженности [15].

Массовые протесты против изменений в земельном законодательстве (2016 г.) стали примером мобилизационного политического участия, основанного на сочетании офлайн-акций и сетевой коммуникации. Эти события показали возрастание роли горизонтальной мобилизации и цифровых каналов участия, а также продемонстрировали способность общества влиять на корректировку политических решений [6].

Смена политического лидерства в Казахстане в 2019 году стала институционально значимым событием, повлиявшим на трансформацию ПУ. В этот период наблюдается

активизация общественных дискуссий, рост интереса к политическим реформам и расширение каналов консультативного участия. Политическое участие начинает рассматриваться не только как механизм легитимации, но и как ресурс управляемой модернизации политической системы [1].

События января 2022 года стали критическим моментом в развитии политического участия в Казахстане. Они продемонстрировали сочетание социально-экономических требований с политическими формами протеста и выявили структурные ограничения существующих институтов участия. В посткризисный период усилился акцент на институционализацию диалога между государством и обществом, а также на реформирование механизмов общественного участия [14].

Проведение в 2022 году конституционной реформы и перераспределение полномочий между институтами власти стали важным этапом трансформации политического участия. Данные изменения были направлены на расширение политического представительства и усиление роли общественных институтов, что отражает переход к более сложной и многоуровневой модели ПУ в Казахстане [15].

Перечисленные события позволяют сделать вывод о том, что трансформация политического участия граждан в странах Центральной Азии и Казахстане носит событийно обусловленный характер. Ключевые политические кризисы, реформы и технологические изменения выступили триггерами расширения форм участия и переосмысления роли граждан в политическом процессе. При этом для региона в целом характерна эволюционная и управляемая модель трансформации ПУ, сочетающая элементы институционального расширения и ограничения автономной гражданской активности.

В региональном контексте данная трансформация политического участия граждан в многоуровневый институт политической системы и осуществляется в рамках управляемой и эволюционной модели, ориентированной на сохранение институциональной стабильности при постепенном расширении каналов гражданской вовлеченности. Это позволяет рассматривать политическое участие в Центральной Азии как формирующийся институт, обладающий потенциалом дальнейшего развития при условии укрепления механизмов институциональной интеграции гражданской активности. В Казахстане политическое участие граждан исторически формировалось в рамках институциональной модели, ориентированной на электоральные процедуры и участие через представительные органы власти. Выборы длительное время оставались доминирующей формой политической активности, выполняя функцию легитимации политической власти и воспроизводства политической системы. Вместе с тем в условиях модернизации государственного управления и реализации политических реформ наблюдается постепенное расширение форм участия граждан, включая развитие механизмов общественного контроля, консультаций и диалоговых площадок [15]. Данные изменения свидетельствуют о попытке институционального ответа на запрос общества на более активное участие в политическом процессе.

Одним из значимых направлений трансформации политического участия в Казахстане является развитие неэлекторальных форм гражданской вовлеченности. Речь идет об активизации деятельности общественных объединений, инициативных групп и экспертных сообществ, участвующих в обсуждении социально значимых и политических вопросов. Расширение практик публичных обсуждений и участие граждан в выработке предложений по реформированию политических институтов отражает тенденцию к институционализации элементов партисипаторной демократии [1]. При этом данные формы участия пока не обладают полной устойчивостью и во многом зависят от институциональных рамок, задаваемых государством.

Особую роль в трансформации политического участия граждан в Казахстане играет цифровизация политической коммуникации. Использование социальных сетей и онлайн-платформ расширяет возможности граждан для выражения политических позиций и участия в

общественных дискуссиях. Цифровые формы участия способствуют снижению барьеров входа в политический процесс и формированию горизонтальных связей между гражданами [2]. В то же время цифровое участие в значительной степени носит фрагментарный характер и не всегда трансформируется в устойчивые институциональные практики.

Сравнительный анализ зарубежного опыта позволяет выявить общие закономерности и отличия в трансформации политического участия. В странах с устойчивыми демократическими институтами политическое участие характеризуется высоким уровнем институционализации и разнообразием форм, включая участие в местном самоуправлении, общественных консультациях и механизмах прямой демократии. Здесь политическое участие выполняет функцию не только контроля над властью, но и совместной выработки публичных решений, что способствует укреплению доверия между государством и обществом [11].

В то же время в странах с переходными политическими системами, как и в Казахстане, наблюдается смешанная модель политического участия, сочетающая элементы формального и неформального взаимодействия. С одной стороны, сохраняется доминирование институциональных каналов участия, а с другой стороны, растет значение протестных и сетевых форм гражданской активности. Подобная гибридность отражает процесс адаптации политической системы к изменяющимся социальным условиям и росту общественных ожиданий [6]. Эффективность данной модели во многом определяется способностью государства интегрировать новые формы участия в институциональную структуру.

Практика политического участия в зарубежных странах также демонстрирует тенденцию к усилению роли местного уровня управления. Вовлечение граждан в принятие решений на уровне муниципалитетов способствует повышению эффективности публичной политики и формированию устойчивых моделей гражданской активности. В этом контексте политическое участие приобретает прикладное измерение, связанное с решением конкретных социальных и экономических проблем [12]. Для Казахстана данный опыт представляет особый интерес с точки зрения развития механизмов участия на региональном и местном уровнях.

Трансформация политического участия граждан носит универсальный характер и обусловлена структурными изменениями политических систем, развитием коммуникационных технологий и эволюцией политической культуры. Вместе с тем конкретные формы и степень институционализации участия зависят от национального контекста, исторических традиций и особенностей политического режима. В Казахстане данный процесс находится в стадии формирования, что создает как возможности для развития института политического участия, так и риски, связанные с его фрагментарностью и неустойчивостью [13].

Таким образом, политическое участие в современных условиях представляет собой динамичный и трансформирующийся институт политической системы. Его развитие требует не только расширения форм участия, но и укрепления институциональных механизмов, обеспечивающих устойчивое и результативное взаимодействие между обществом и властью.

Заключение

Анализ теоретико-методологических подходов, а также практик политического участия в Казахстане, странах Центральной Азии и других зарубежных государствах подтвердил обоснованность рассмотрения политического участия не только как совокупности индивидуальных и коллективных действий, но и как динамичного института, обеспечивающего устойчивое взаимодействие между обществом и властью.

В современной политической науке наблюдается отход от узкоэлекторального понимания политического участия. Политическое участие все в большей степени проявляется в многоуровневых формах, включающих институциональные, неинституциональные и цифровые практики. Данный процесс обусловлен усложнением политических систем, трансформацией политической культуры и развитием информационно-коммуникационных технологий. Политическое участие приобретает гибридный характер, сочетая элементы формального и неформального политического взаимодействия [14].

Трансформация политического участия носит универсальный характер и проявляется в различных политических системах независимо от уровня их демократизации. Вместе с тем конкретные формы, темпы и степень институционализации политического участия существенно зависят от национального и регионального контекста. В странах с устойчивыми демократическими институтами политическое участие характеризуется высокой степенью институциональной интеграции и разнообразием форм гражданской вовлеченности, тогда как в странах с переходными политическими системами преобладает гибридная модель участия, сочетающая управляемое расширение институциональных каналов с ростом неинституциональной активности [15].

Анализ практики политического участия в странах Центральной Азии показал, что трансформация данного института осуществляется в рамках эволюционной и управляемой модели. Политическое участие в регионе исторически формировалось в условиях доминирования государства и ограниченности автономных форм гражданской активности, что предопределило приоритет формально-институциональных каналов участия. Современный этап развития характеризуется постепенным расширением форм гражданской вовлеченности, включая развитие механизмов общественного диалога, консультаций и цифровых форм участия. Однако данные процессы пока не привели к полной институционализации новых форм политического участия, что обуславливает их фрагментарность и зависимость от институциональной среды.

Трансформация политического участия в Казахстане носит событийно обусловленный характер. Ключевые политические и социальные события, включая протестные выступления, транзит власти и конституционные реформы, выступили триггерами расширения форм гражданской активности и переосмысления роли участия в политическом процессе. В посткризисный период усилился акцент на институционализацию механизмов диалога между государством и обществом, что свидетельствует о переходе от преимущественно легитимирующей функции политического участия к более сложной модели, включающей элементы общественного контроля и консультативного участия.

Эффективность политического участия как института политической системы определяется не столько количеством доступных форм участия, сколько качеством институциональных механизмов, обеспечивающих их интеграцию в процесс принятия политических решений. При отсутствии устойчивых и прозрачных процедур расширение форм участия может не приводить к повышению уровня доверия к политическим институтам и даже способствовать росту политической апатии или конфликтности.

Политическое участие граждан в современных условиях представляет собой динамичный и трансформирующийся институт, играющий ключевую роль в обеспечении устойчивости и адаптивности политической системы. Для стран Центральной Азии и Казахстана дальнейшее развитие политического участия связано с необходимостью укрепления институциональных основ гражданской вовлеченности, развития политической культуры и повышения эффективности механизмов обратной связи между обществом и властью. Перспективы дальнейших исследований данной проблематики связаны с углубленным анализом институциональных механизмов интеграции цифровых и неинституциональных форм участия, а также с изучением влияния политического участия на качество публичного управления и процессы демократизации.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Ильясов С.К. Политическое участие граждан Республики Казахстан: состояние и перспективы развития (на примере Павлодарской области): автореферат диссертации ... канд. полит. наук. – Алматы, 2009. – 24 с.
- 2 Лурье Д.А. Интернет-участие граждан в политике как механизм взаимодействия государства и гражданского общества в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2011. – 23 с.
- 3 Алюшин А.Л., Порус В.Н. Власть и политический реализм (поведенческие концепции власти в политической науке США) // Власть. Очерки современной политической философии Запада / отв. ред. В.В.Мшвениерадзе. – М.: Наука, 1986. – С. 95–127.

- 4 Раджапова Н.А. Участие молодежи в политическом процессе современного Кыргызстана: дис. ... канд. полит. наук. – Бишкек, 2011. – 187 с.
- 5 Липсет С.М. Неизбежность политических партий // Политическая наука. – 2006. – № 1. – С. 14–26.
- 6 Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.
- 7 Berelson B.R., Lazarsfeld P.F., McPhee W.N. Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. – Chicago: University of Chicago Press, 1954. – 416 p.
- 8 Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. (eds.). The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfaction. – New York: Russell Sage Foundation, 1976. – 327 p.
- 9 McClosky H. Consensus and Ideology in American Politics // American Political Science Review. – 1964. – Vol. 58. – P. 361–382.
- 10 Milbrath L.W., Goel M.L. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics? – Chicago: Rand McNally College Publishing Company, 1977. – 273 p.
- 11 Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис. – 1999. – № 5. – С. 170–176.
- 12 Жанпеисова К.Д. Қазақстандағы өкілді билікті қалыптастырудағы сайлау институтының орны / Роль института выборов в формировании представительной власти: дис. ... канд. полит. наук. – 2010. – 168 с.
- 13 Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 124.
- 14 Даль Р. О демократии / пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 204 с.
- 15 Barnes S.H., Kaase M. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. – Beverly Hills: Sage Publications, 1979. – 607 p.

REFERENCES:

- 1 Ilasov S. K. (2009). Politicheskoe uchastie grazhdan Respubliki Kazakhstan: sostoianie i perspektivy razvitiia (na primere Pavlodarskoi oblasti) [Political participation of citizens of the Republic of Kazakhstan: state and development prospects (on the example of Pavlodar region)]. Extended abstract of candidate's thesis. Almaty, 24 p. (in Russian).
- 2 Lure D. A. (2011). Internet-uchastie grazhdan v politike kak mekhanizm vzaimodeistviia gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii [Internet participation of citizens in politics as a mechanism of interaction between the state and civil society in modern Russia]. Extended abstract of candidate's thesis. Moscow, 23 p. (in Russian).
- 3 Aliushin A. L., Porus V. N. (1986). Vlast i politicheskii realizm (povedencheskie kontseptsii vlasti v politicheskoi nauke SShA) [Power and political realism (behavioral concepts of power in U.S. political science)]. In: Vlast. Ocherki sovremennoi politicheskoi filosofii Zapada. Moscow: Nauka, pp. 95–127. (in Russian).
- 4 Razhapova N. A. (2011). Uchastie molodezhi v politicheskom protsesse sovremennogo Kyrgyzstana [Youth participation in the political process of modern Kyrgyzstan]. Candidate's thesis. Bishkek, 187 p. (in Russian).
- 5 Lipset S. M. (2006). Neizbyvnost politicheskikh partii [The inevitability of political parties]. Politicheskaiia nauka, no. 1, pp. 14–26. (in Russian).
- 6 Almond G., Verba S. (2014). Grazhdanskaia kultura. Politicheskie ustanovki i demokratiia v piati stranakh [The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations]. Moscow: Mysl, 500 p. (in Russian).
- 7 Berelson B. R., Lazarsfeld P. F., McPhee W. N. (1954). Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. Chicago: University of Chicago Press, 416 p.
- 8 Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. (eds.). (1976). The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations and Satisfaction. New York: Russell Sage Foundation, 327 p.
- 9 McClosky H. (1964). Consensus and Ideology in American Politics. American Political Science Review, vol. 58, pp. 361–382.
- 10 Milbrath L. W., Goel M. L. (1977). Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics? Chicago: Rand McNally College Publishing Company, 273 p.
- 11 Kholm'skaia M. R. (1999). Politicheskoe uchastie kak obekt issledovaniia. Obzor otechestvennoi literatury [Political participation as a subject of research: review of domestic literature]. Polis, no. 5, pp. 170–176. (in Russian).
- 12 Zhanpeisova K. D. (2010). Qazaqstandagy okildi bilikti qalyptastyru dagy sailau institutynyn ornyn [The role of the electoral institute in the formation of representative power in Kazakhstan]. Candidate's thesis. 168 p. (in Kazakh).
- 13 Almond G. A., Verba S. (1992). Grazhdanskaia kultura i stabilnost demokratiia [Civic culture and stability of democracy]. Politicheskii issledovaniia, no. 4, pp. 124. (in Russian).
- 14 Dahl R. (2000). O demokratii [On Democracy]. Moscow: Aspekt Press, 204 p. (in Russian).
- 15 Barnes S. H., Kaase M. (1979). Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Beverly Hills: Sage Publications, 607 p.

POLITICAL PARTICIPATION OF CITIZENS AS AN INSTITUTION OF THE POLITICAL SYSTEM: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS AND CONTEMPORARY TRANSFORMATIONS

Serikzhanova A.T.^{1*}, Nurtazina R.A.^{1*}, Lanko D.A.²

¹ L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan, Astana

² Saint Petersburg State University, Russian Federation, Saint Petersburg

*e-mail: aiemaserikzhanova@gmail.com, roza_nur@mail.ru, dimppa@hotmail.com

Abstract. The article examines political participation of citizens as an institution of the political system and identifies the main directions of its transformation under contemporary socio-political conditions. The relevance of the study is determined by the diversification of participation practices, the growing role of digital communication, and the increasing demand for meaningful public involvement in decision-making. The purpose of the article is to provide an institutional and comparative analysis of political participation and to reveal the mechanisms that shape its hybridization in Kazakhstan, Central Asia, and selected foreign cases. The methodological framework combines institutional, structural-functional and comparative approaches, as well as elements of behavioral analysis. The findings substantiate that political participation is no longer limited to electoral procedures and increasingly includes consultative, associational, protest and digital forms. It is argued that the effectiveness of political participation depends not on the number of available formats but on institutional mechanisms that integrate civic activity into policy-making, ensure feedback and maintain legitimacy. The article concludes that strengthening participatory institutions and civic competences is crucial for the stability and adaptability of political systems.

Keywords: political participation, political activity, political system, institutions, political culture, civil society.

АЗАМАТТАРДЫҢ САЯСИ ҚАТЫСУЫ САЯСИ ЖҮЙЕНІҢ ИНСТИТУТЫ РЕТІНДЕ: ТЕОРИЯЛЫҚ-ӘДІСНАМАЛЫҚ НЕГІЗДЕР ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАР

Серикжанова А.С.^{1*}, Нуртазина Р.А.^{1*}, Ланко Д.А.²

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,

Қазақстан Республикасы, Астана қ.

Санкт-Петербург мемлекеттік университеті, Ресей Федерациясы, Санкт-Петербург қ.

*e-mail: aiemaserikzhanova@gmail.com, roza_nur@mail.ru, dimppa@hotmail.com

Аңдатпа. Мақалада азаматтардың саяси қатысуы саяси жүйенің институты ретінде талданып, оның қазіргі әлеуметтік-саяси өзгерістер жағдайындағы трансформациясының негізгі бағыттары айқындалады. Зерттеудің өзектілігі саяси қатысу практикаларының әртараптануымен, цифрлық коммуникацияның ықпалының артуымен және шешім қабылдау үдерістеріне мәнді қоғамдық қатысуға сұраныстың күшеюімен негізделеді. Зерттеудің мақсаты – саяси қатысуды институционалдық және салыстырмалы тәсілдер арқылы зерделеу және Қазақстан, Орталық Азия елдері мен жекелеген шетелдік кейстер материалында оның гибридтену тетіктерін көрсету. Әдіснамалық негізін институционалдық, құрылымдық-функционалдық және салыстырмалы тәсілдер, сондай-ақ мінез-құлықтық талдау элементтері құрайды. Зерттеу нәтижелері саяси қатысудың тек электоралдық рәсімдермен шектелмей, консультативтік, ассоциациялық, протесттік және цифрлық формаларды қамтитын көпдеңгейлі сипатқа ие болғанын негіздейді. Саяси қатысудың тиімділігі қатысу формаларының санымен емес, азаматтық белсенділікті саясат жасауға интеграциялайтын, кері байланысты қамтамасыз ететін және легитимділікті сақтайтын институционалдық тетіктердің сапасымен айқындалатыны тұжырымдалады.

Кілт сөздер: саяси қатысу, саяси белсенділі, саяси жүйе, институттар, саяси мәдениет, азаматтық қоғам.

Сведения об авторах:

Серікжанова Айгерім Тельжановна*, докторант, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Астана, e-mail: aiemaserikzhanova@gmail.com , ORCID: 0000-0002-0260-8760)

Нуртазина Роза Ауталиповна*, доктор политических наук , профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Астана, e-mail: roza_nur@mail.ru ORCID: 0000-0003-1646-2106)

Ланко Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург e-mail: dimppa@hotmail.com, ORCID: 0000-0002-4089-7962)

Авторлар туралы мәліметтер:

Серікжанова Айгерім Тельжановна*, докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Қазақстан, Астана қ., e-mail: aiemaserikzhanova@gmail.com , ORCID: 0000-0002-0260-8760)

Нуртазина Роза Ауталиповна*, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Қазақстан, Астана қ., e-mail: roza_nur@mail.ru , ORCID: 0000-0003-1646-2106)

Ланко Дмитрий Александрович, саясаттану ғылымдарының кандидаты, Санкт-Петербург мемлекеттік университеті (Ресей, Санкт-Петербург қ., e-mail: dimppa@hotmail.com, ORCID: 0000-0002-4089-7962)

Information about authors:

Serikzhanova Aygerim Telzhanovna*, PhD student (Doctoral candidate), L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Astana, e-mail: aiemaserikzhanova@gmail.com , ORCID: 0000-0002-0260-8760)

Nurtazina Roza Autalipovna*, Doctor of Political Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Astana, e-mail: roza_nur@mail.ru , ORCID: 0000-0003-1646-2106)

Lanko Dmitry Alexandrovich, Candidate of Political Sciences, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg, e-mail: dimppa@hotmail.com , ORCID: 0000-0002-4089-7962)

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ ФАКТОРОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Тайторина Б.А.

Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Республика Казахстан, г. Алматы
*e-mail: binur.a@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации организационной культуры государственной службы Республики Казахстан на основе данных количественного социологического исследования. Актуальность работы обусловлена необходимостью перехода от преимущественно нормативных и описательных подходов к эмпирически обоснованному анализу факторов, определяющих общественное восприятие этики, прозрачности и эффективности государственной службы. Несмотря на институционализацию этических стандартов и антикоррупционных механизмов, сохраняется разрыв между формально закреплёнными нормами и практиками их реализации, что требует аналитического осмысления на основе данных общественного восприятия.

Исследование подчинено цели, которая состоит в количественной верификации ключевых факторов трансформации организационной этической культуры государственной службы Республики Казахстан. Эмпирической базой исследования послужили результаты репрезентативного анкетного опроса населения, а также материалы сводного PEST- и SWOT-анализа, использованные для структурирования внешних и внутренних факторов, влияющих на этическую культуру.

Методологической основой исследования является неэкспериментальный кросс-секционный дизайн с применением методов описательной статистики и факторной интерпретации данных. В статье предложена аналитическая модель, включающая политико-нормативные, экономические, социальные и технологические факторы, и сформулированы гипотезы о их влиянии на восприятие этической культуры и антикоррупционные установки. Результаты исследования показывают, что этическая культура государственной службы формируется под воздействием совокупности взаимосвязанных факторов: нормативная основа воспринимается как необходимое, но недостаточное условие доверия; экономические и организационные условия опосредуют реализацию этических норм; социальная среда и чувство безопасности определяют готовность к антикоррупционному поведению; цифровизация обладает двойственным эффектом, сочетая повышение прозрачности с новыми этическими рисками. Сделан вывод о возможности рассмотрения организационной культуры государственной службы как измеримого социального феномена, что создаёт основу для дальнейших эмпирических исследований и разработки институциональных решений в сфере публичного управления.

Ключевые слова: государственная служба; организационная культура; факторы этической трансформации; количественная верификация; факторный анализ; PEST-анализ; SWOT-анализ; цифровизация государственного управления.

Введение

Этическая культура государственной службы в современных условиях рассматривается не только как совокупность нормативных требований и профессиональных стандартов, но и как важнейший фактор институциональной устойчивости, общественного доверия и эффективности публичного управления. Восприятие честности, прозрачности и справедливости в деятельности государственных служащих напрямую влияет на легитимность власти, готовность граждан к взаимодействию с государственными институтами и поддержку антикоррупционной политики. В этом смысле этика государственной службы выступает не абстрактной ценностной категорией, а практическим механизмом, формирующим качество отношений между государством и обществом.

В Республике Казахстан за последние годы реализован ряд институциональных реформ, направленных на укрепление этических стандартов, повышение прозрачности и цифровизацию государственной службы. Вместе с тем результаты социологических исследований и экспертных оценок указывают на сохраняющуюся неоднородность общественного восприятия этики, эффективности и подотчётности государственных

органов. Формальное наличие нормативных регуляторов и процедур не всегда трансформируется в устойчивое доверие и готовность граждан к антикоррупционному поведению, что свидетельствует о наличии разрыва между декларируемыми принципами и повседневной управленческой практикой.

В научных исследованиях данная проблема чаще всего анализируется в рамках описательных и нормативных подходов, включая сравнительный анализ зарубежного опыта и стратегические инструменты диагностики организационной культуры, такие как SWOT- и PEST-анализ. Эти методы позволяют выявить ключевые внешние и внутренние факторы, влияющие на развитие этической культуры государственной службы, однако сами по себе не дают ответа на вопрос о том, какие именно факторы оказывают системное влияние на общественное восприятие и институциональные эффекты, а также в какой мере эти факторы поддаются эмпирической проверке на основе количественных данных.

Организационная культура государственной службы может быть аналитически представлена как совокупность политических, экономических, социальных и технологических факторов, проявляющихся в общественном восприятии и имеющих измеримые институциональные последствия. В рамках данной модели эти факторы воздействуют на оценки этичности и прозрачности деятельности государственных служащих, формируют уровень доверия к власти, субъективное чувство безопасности и готовность граждан к антикоррупционному взаимодействию. Такая постановка проблемы позволяет перейти от нормативного описания этики к её эмпирической верификации.

Цель статьи состоит в количественной верификации ключевых факторов трансформации организационной этической культуры государственной службы Республики Казахстан на основе репрезентативных социологических данных. Для достижения поставленной цели в исследовании формулируются и проверяются гипотезы о связи политико-нормативных, экономических, социальных и технологических факторов с общественным восприятием этики, прозрачности и эффективности государственной службы. Эмпирической базой исследования послужили данные массового анкетного опроса населения Республики Казахстан, а также результаты сводного PEST- и SWOT-анализа, отражающие восприятие факторов этической культуры различными группами респондентов «Результаты количественного исследования отношения населения Республики Казахстан к этике, прозрачности и эффективности государственной службы (описательный анализ результатов количественного исследования на основе анкетного опроса)».

Использование количественных данных в сочетании с аналитическими инструментами позволяет не только описать структуру факторов, но и обосновать их значение для трансформации организационной этической культуры государственной службы. Данное исследование ориентировано на преодоление разрыва между концептуальными моделями этики публичного управления и эмпирическими данными общественного восприятия; предлагается целостный аналитический подход к изучению этической культуры государственной службы как измеримого и институционально значимого феномена.

Обзор литературы

Современные исследования этики государственного управления объединяет тезис о том, что организационная культура государственной службы является не декларативным набором ценностей, а институционально значимым фактором, влияющим на доверие, эффективность управления и устойчивость реформ. В рамках институционального подхода этика рассматривается как совокупность норм, практик и культурных установок, встроенных в управленческие процессы и поддающихся аналитическому и эмпирическому изучению.

Теоретическое основание настоящего исследования формируется в исследовании о том, что в Казахстане формальные этические стандарты существуют, однако их институционализация остаётся неполной из-за слабой интеграции в организационную культуру и управленческие практики. Этические нормы начинают оказывать реальное

воздействие на качество государственного управления только в том случае, когда они воспринимаются как часть профессиональной идентичности и подкрепляются институциональными механизмами ответственности. Тем самым создается аналитическая основа, в которой этика рассматривается как фактор организационной трансформации, а не исключительно нормативное требование [1].

Схожая логика прослеживается в исследованиях казахстанских авторов, анализирующих трансформацию организационной культуры государственной службы в условиях глобализации и институциональной неопределённости. Расхождение между формально закреплёнными этическими принципами и их повседневной интерпретацией в государственных организациях формирует ситуацию нормативной неопределённости, в которой служащие вынуждены лавировать между требованиями регламентов, иерархическими ожиданиями и неформальными практиками. Устойчивость этической культуры зависит не столько от наличия формальных норм, сколько от их институционального и культурного закрепления, что концептуально близко к проблематике казахстанской государственной службы, характеризующейся высоким уровнем формализма и вертикальной управленческой логикой [2].

В более широком сравнительном контексте исследования показывают, что развитие этики публичной администрации прошло путь от нормативных кодексов к анализу управляемых систем integrity, в которых решающую роль играют институциональные и культурные факторы [3, с. 343–346]. Аналогичную позицию занимает ОЭСР, рассматривающая этическую культуру как результат взаимодействия политико-нормативных рамок, экономических стимулов, социальных ожиданий и технологических инструментов [4, с. 27–31]. В докладах Government at a Glance подчёркивается, что восприятие честности и прозрачности государственной службы статистически связано с уровнем доверия граждан [5, с. 84–89].

Исследования стран Северной Европы демонстрируют, что этическая культура может быть эмпирически зафиксирована через общественное и служебное восприятие. Сочетание формальных правил и ценностных ориентиров создаёт устойчивые модели поведения, которые поддаются количественному анализу на основе опросных данных [6, с. 1092–1096]. Канадские исследования дополняют этот вывод, подчёркивая влияние экономических условий, мотивации и нагрузки на практическую реализацию этических стандартов [7, с. 624–626].

Азиатский опыт, прежде всего Сингапура и Малайзии, подтверждает универсальность факторного подхода. Восприятие неотвратимости наказания и справедливости процедур является важным элементом устойчивой этической системы [8, с. 29–31]. Исследования integrity systems в Малайзии демонстрируют возможность операционализации этических факторов через количественные индикаторы, отражающие социальную среду, организационную безопасность и управленческие практики [9, с. 260–262].

В казахстанском научном дискурсе проблема этической культуры государственной службы до последнего времени анализировалась преимущественно в нормативно-описательном ключе. Вместе с тем исследования институционального доверия и организационной культуры указывают на наличие измеримых связей между восприятием эффективности государства, социальными установками и готовностью к антикоррупционному поведению [10, с. 104–108]. В обзоре ОЭСР по системе публичной целостности Казахстана подчёркивается необходимость перехода от формального анализа реформ к доказательному подходу, основанному на данных общественного восприятия [11, с. 41–44].

Анализ литературы показывает, что современная теория этики государственного управления предоставляет достаточные основания для факторного и количественного анализа этической культуры [12,13]. Вместе с тем в казахстанском контексте сохраняется дефицит эмпирических исследований, направленных на количественную верификацию политико-нормативных, экономических, социальных и технологических факторов

этической культуры на основе данных массовых опросов. Данное исследование направлено на восполнение данного пробела, логически продолжая и развивая существующие теоретические и институциональные подходы.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования послужили данные количественного социологического исследования «Результаты количественного исследования отношения населения Республики Казахстан к этике, прозрачности и эффективности государственной службы (описательный анализ результатов количественного исследования на основе анкетного опроса)», проведённого в рамках научного проекта «Архитектоника трансформации организационной культуры государственной службы Республики Казахстан». Материал исследования включает массив анкетных данных, полученных в ходе репрезентативного опроса населения Республики Казахстан, а также результаты сводного PEST- и SWOT-анализа, сформированные на основе ответов респондентов и использованные для структурирования и интерпретации количественных показателей.

Исследование построено на неэкспериментальном кросс-секционном подходе, что соответствует целям анализа общественного восприятия этики, прозрачности и эффективности государственной службы. Экспериментальные методы в строгом научном смысле не применялись, поскольку задача исследования заключалась не в оценке эффектов управленческих интервенций, а в количественной верификации факторов, связанных с трансформацией организационной этической культуры.

В качестве аналитической основы исследования используется факторная модель, включающая политико-нормативные, экономические, социальные и технологические факторы (PEST), определяющие трансформацию этической культуры государственной службы. Данная модель выведена на основе анализа современной научной литературы и положена в основу формулирования четырех основных гипотез, отражающих влияние соответствующих факторов на общественное восприятие этики, доверие к государственным институтам и антикоррупционные установки.

Для анализа данных применялись методы описательной статистики, позволяющие зафиксировать распределение ответов и выявить доминирующие оценки респондентов. Количественные показатели использовались для сопоставления оценок различных групп респондентов и выявления устойчивых закономерностей восприятия этической культуры. Результаты сводного PEST- и SWOT-анализа применялись как аналитический инструмент систематизации факторов внешней и внутренней среды, влияющих на реализацию этических норм в государственной службе.

Обработка и анализ данных осуществлялись с использованием стандартных программных средств статистической обработки. Представление результатов анализа в статье реализовано в форме структурированного обсуждения проверяемых гипотез, с опорой на количественные показатели опроса и результаты факторного анализа. Такой подход обеспечивает воспроизводимость исследования и позволяет соотнести эмпирические данные с теоретической моделью, сформированной в обзоре литературы.

Использованная совокупность материалов и методов обеспечивает достаточную аналитическую основу для проверки выдвинутых гипотез и количественной интерпретации факторов трансформации организационной этической культуры государственной службы Республики Казахстан.

Результаты и обсуждение

Количественное социологическое исследование, положенное в основу исследования, было направлено на выявление общественного восприятия этики, прозрачности и эффективности государственной службы Республики Казахстан. Анкетный опрос охватывал оценки нормативных установок, управленческих практик, условий служебной деятельности, социальной среды и цифровых инструментов взаимодействия с

государственными органами. Дополнительным аналитическим материалом послужили результаты сводного PEST- и SWOT-анализа, позволившие структурировать ответы респондентов по ключевым факторам внешней и внутренней среды.

Анализ состава респондентов является принципиально важным элементом интерпретации результатов количественного социологического исследования, поскольку позволяет оценить репрезентативность выборки и корректность обобщения полученных выводов. В рамках проведённого исследования выборка формировалась таким образом, чтобы отразить разнообразие социальных позиций и опыта взаимодействия с государственной службой в Республике Казахстан. Состав респондентов включал представителей различных социально-демографических групп, что обеспечило многомерное восприятие этики, прозрачности и эффективности государственной службы. Участие в опросе приняли как граждане, имеющие непосредственный опыт взаимодействия с государственными органами, так и лица, оценивающие деятельность государственной службы на основе опосредованного общественного опыта. Это позволило зафиксировать не только индивидуальные оценки, но и более широкие общественные установки.

По социально-профессиональному признаку выборка характеризуется неоднородностью, что является методологическим преимуществом исследования. В неё вошли респонденты, представляющие различные сферы занятости, уровни вовлечённости в административные процессы и степень зависимости от решений государственных органов. Такое распределение позволило выявить различия в восприятии этических стандартов и управленческих практик в зависимости от социального положения и характера взаимодействия с публичной администрацией.

Возрастная структура респондентов обеспечила представленность как экономически активного населения, так и старших возрастных групп, обладающих накопленным опытом взаимодействия с государственными институтами. Это позволило учитывать различия в оценках, обусловленные жизненным опытом, степенью доверия к институтам и восприимчивостью к реформам в сфере государственной службы. Гендерный состав выборки также был сбалансирован, что исключает систематические искажения, связанные с доминированием одной из групп в оценке этических и управленческих аспектов.

С точки зрения территориального распределения, выборка охватывала респондентов из различных регионов страны, включая как крупные города Казахстана, так и регионы с менее развитой административной инфраструктурой. Это позволило учесть региональные особенности восприятия государственной службы, различия в доступе к цифровым сервисам и уровне институционального доверия.

Важной характеристикой состава респондентов является наличие в выборке лиц с различным уровнем правовой осведомлённости и институционального опыта. Это позволило зафиксировать не только экспертные оценки, но и массовые представления об этике государственной службы, что соответствует цели исследования, ориентированного на анализ общественного восприятия [14]. Разнообразие социально-демографических и профессиональных характеристик выборки позволяет интерпретировать полученные результаты как отражающие устойчивые общественные тенденции, а не частные или ситуативные оценки, что повышает аналитическую значимость и обоснованность выводов исследования.

Общий анализ массива анкетных данных показал, что восприятие государственной службы характеризуется высокой степенью неоднородности и амбивалентности. С одной стороны, респонденты демонстрируют осведомлённость о проводимых реформах, нормативных изменениях и цифровых инициативах, направленных на повышение прозрачности и подотчётности. С другой стороны, в ответах устойчиво фиксируются сомнения в практической реализуемости декларируемых этических принципов, что указывает на разрыв между формально закреплёнными стандартами и повседневным управленческим опытом.

Значительная часть вопросов анкеты была направлена на оценку нормативно-этической основы государственной службы. Респонденты в целом признают наличие

этических кодексов, регламентов и формальных требований к поведению государственных служащих. Вместе с тем оценки их эффективности носят сдержанный характер. В ответах нередко встречаются указания на формализм, избирательность применения правил и зависимость решений от иерархических факторов[15]. Эти наблюдения позволяют говорить о том, что нормативная насыщенность сама по себе не воспринимается как достаточное условие формирования устойчивой этической культуры.

Особое внимание в исследовании уделялось управленческому опыту, через который этические нормы реализуются на практике. Респонденты дифференцируют формальные процедуры и реальные механизмы принятия решений. В ряде случаев отмечается несоответствие между официально декларируемыми принципами прозрачности и фактическим опытом взаимодействия с государственными органами. Такие оценки указывают на существование неформальных практик, которые воспринимаются как устойчивый элемент организационной среды и оказывают влияние на общественное доверие. Отдельный блок вопросов был посвящён условиям служебной деятельности и экономическим факторам, влияющим на реализацию этических стандартов. В ответах респондентов прослеживается связь между уровнем нагрузки, распределением ресурсов, мотивацией персонала и возможностями соблюдения этических требований. Экономические ограничения и бюрократическая перегруженность часто рассматриваются как факторы, способствующие формальному, а не содержательному следованию этическим нормам. Эти данные позволяют рассматривать экономический контекст не как прямую причину неэтичного поведения, а как среду, в которой формируются компромиссные управленческие решения.

Важное место в исследовании занимает анализ социальной среды, включая внутриорганизационные отношения, влияние коллектива и субъективное чувство безопасности. Респонденты неоднократно указывали на роль иерархии, неформальных ожиданий и корпоративной культуры в формировании моделей поведения. Особое значение придаётся вопросам защищённости при сообщении о нарушениях. Даже при наличии формальных каналов информирования значительная часть респондентов выражает сомнения в собственной безопасности и эффективности таких обращений. Эти данные свидетельствуют о том, что социальные факторы могут выступать как сдерживающим, так и стимулирующим элементом этической культуры.

Анализ ответов, связанных с антикоррупционными установками, показал, что готовность поддерживать антикоррупционные меры и сообщать о нарушениях тесно связана с восприятием справедливости и предсказуемости институциональных механизмов. Респонденты, выражающие сомнения в неотвратимости наказания и беспристрастности процедур, демонстрируют более сдержанное отношение к активному антикоррупционному поведению. В то же время в ответах присутствует запрос на более чёткие и понятные механизмы защиты и обратной связи, что подчёркивает институциональную природу данных установок.

Отдельного рассмотрения заслуживает блок вопросов, посвящённых цифровым инструментам и технологическим аспектам деятельности государственной службы. Результаты опроса показывают, что цифровизация в целом воспринимается как значимый фактор повышения прозрачности и удобства взаимодействия с государственными органами. Вместе с тем оценки носят противоречивый характер: наряду с позитивными ожиданиями фиксируются опасения, связанные с формализацией процедур, техническими сбоями и снижением гибкости управленческих решений. Это указывает на двойственный характер технологического фактора, воспринимаемого одновременно как ресурс и как источник новых рисков.

Сводный PEST-анализ позволил систематизировать полученные данные по четырём ключевым группам факторов: политико-нормативным, экономическим, социальным и технологическим. Данный анализ показал, что политико-нормативные факторы воспринимаются как универсально значимые рамки этической культуры, однако их эффективность напрямую зависит от управленческой практики. Экономические факторы

формируют контекст реализации этических требований, в контексте социальных индикаторов определяются границы допустимого поведения, а технологические факторы трансформируют формы прозрачности и подотчётности.

SWOT-анализ дополнил картину, выявив внутренние сильные и слабые стороны системы, а также внешние возможности и угрозы. В качестве сильных сторон респонденты отмечают наличие нормативной базы и институциональных механизмов реформ. К слабым сторонам относятся формализм, перегруженность процедур и недостаточная защищённость при сообщении о нарушениях. Возможности связываются с развитием цифровых инструментов и профессионализации государственной службы, тогда как угрозы напрямую коррелируют с сохранением неформальных практик и снижением доверия.

В совокупности результаты социологического исследования демонстрируют, что восприятие этики, прозрачности и эффективности государственной службы формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов, которые не могут быть адекватно описаны в рамках одного измерения. Именно выявленная эмпирическая многомерность и противоречивость оценок обусловили необходимость перехода от описательного анализа к формулированию и проверке исследовательских гипотез, направленных на количественную верификацию влияния политико-нормативных, экономических, социальных и технологических факторов на трансформацию организационной этической культуры государственной службы Республики Казахстан

Первичный анализ данных показал, что оценки респондентов носят неоднородный и часто амбивалентный характер. С одной стороны, фиксируется высокая осведомлённость о проводимых реформах, цифровизации и формальных этических стандартах. С другой стороны, значительная доля ответов указывает на сохраняющиеся проблемы формализма, иерархичности, перегруженности процедур и ограниченной защищённости при сообщении о нарушениях. Именно данная противоречивость эмпирических данных обусловила необходимость перехода от описательного анализа к формулированию и проверке исследовательских гипотез.

Анализ массива данных выявил устойчивые эмпирические паттерны, послужившие основанием для формулирования четырех основных гипотез. Во-первых, данные PEST-анализа показали, что политико-нормативные факторы (реформы, законы, регламенты, требования прозрачности) воспринимаются респондентами как важные условия этического поведения. Вместе с тем SWOT-анализ зафиксировал высокую частоту упоминаний неформальных практик и двойных стандартов, что указывает на разрыв между нормативным уровнем и повседневной управленческой практикой. Этот эмпирический контраст стал основанием для гипотезы о связи восприятия этики и доверия к государственной службе.

Во-вторых, значимая доля ответов была связана с экономическими условиями функционирования государственной службы: нагрузкой, уровнем мотивации, распределением ресурсов и бюрократизацией процессов. Данные SWOT-анализа показали, что перегруженность и ограниченность ресурсов воспринимаются как факторы, затрудняющие соблюдение этических стандартов. Эти наблюдения легли в основу гипотезы об опосредованном влиянии экономических условий на реализацию этики и антикоррупционные установки.

В-третьих, материалы PEST-S и SWOT выявили выраженную роль социальной среды и субъективного чувства безопасности. Респонденты указывали на давление коллектива, иерархичность и недостаточную защищённость при сообщении о нарушениях. Данный эмпирический сигнал обусловил формулирование гипотезы о влиянии социальной среды на готовность к антикоррупционному поведению.

Наконец, анализ технологических факторов показал, что цифровизация одновременно воспринимается как инструмент прозрачности и как источник новых рисков (перегрузка систем, формализация, технологические сбои). Это противоречивое восприятие стало эмпирическим основанием гипотезы о двойственном эффекте технологических факторов.

Результаты количественного социологического исследования свидетельствуют о многомерном и противоречивом характере общественного восприятия этики, прозрачности

и эффективности государственной службы Республики Казахстан. Полученные данные показывают, что оценки респондентов не сводятся к однозначно позитивным или негативным, а формируются под воздействием совокупности политико-нормативных, экономических, социальных и технологических факторов, проявляющихся в повседневных управленческих практиках и опыте взаимодействия с государственными органами.

Именно выявленные эмпирические паттерны, такие как расхождение между нормативной насыщенностью и практической реализацией этических стандартов, влияние условий служебной деятельности и ресурсных ограничений, роль социальной среды и чувства безопасности, а также двойственное восприятие цифровизации, обусловили необходимость формулирования и проверки исследовательских гипотез. Эти гипотезы направлены не на подтверждение заранее заданных теоретических предположений, а на количественную интерпретацию и структурирование эмпирически выявленных факторов, определяющих трансформацию организационной этической культуры государственной службы.

1. Политико-нормативные факторы оказывают системное влияние на восприятие этической культуры государственной службы и уровень доверия к государственным институтам. Данные социологического опроса и результаты PEST-анализа показывают, что такие политико-правовые факторы как реформы, законы, регламенты, требования прозрачности и подотчётности воспринимаются респондентами как базовые рамки этического поведения государственных служащих. Осведомлённость о нормативных изменениях и институциональных реформах является высокой, что указывает на сформированное ожидание этичности и законности в деятельности государственных органов. Вместе с тем SWOT-анализ выявил устойчивые указания на формализм и наличие неформальных практик, которые воспринимаются как факторы, подрывающие доверие и снижающие значимость формальных норм. Этот эмпирический контраст между нормативным уровнем и практикой стал основанием для проверки гипотезы о связи восприятия этики и доверия к государственной службе.

Полученные данные подтверждают, что политико-правовые факторы оказывают влияние на восприятие этической культуры не напрямую, а через призму их практической реализации. Наличие нормативной базы само по себе не гарантирует высокого уровня доверия, если респонденты сталкиваются с избирательным применением правил или иерархическими барьерами. Данный вывод согласуется с институциональными подходами, согласно которым доверие формируется на стыке формальных норм и повседневных практик их применения.

2. Экономические условия функционирования государственной службы опосредованно влияют на реализацию этических норм и антикоррупционные установки. Анализ анкетных данных показал, что значительная часть оценок респондентов связана с такими условиями служебной деятельности как уровень нагрузки, распределение ресурсов, бюрократическая сложность процедур и система мотивации. Экономические факторы неоднократно упоминались в контексте затруднений, возникающих при соблюдении этических стандартов в повседневной практике. SWOT-анализ дополнил эти наблюдения, указав на перегруженность процессов и ограниченность ресурсов как на слабые стороны организационной среды. Эти эмпирические сигналы позволили сформулировать гипотезу о косвенном влиянии экономических условий на этическую культуру. При этом экономические факторы не воспринимаются респондентами как прямое оправдание неэтичного поведения, однако они формируют среду, в которой соблюдение этических норм становится либо органичной частью профессиональной деятельности, либо формальной обязанностью. В условиях высокой нагрузки и ограниченных ресурсов этика рискует трансформироваться в декларативный элемент, что снижает её институциональное значение.

3. Социальная среда и субъективное чувство безопасности оказывают значимое влияние на готовность к антикоррупционному поведению. Материалы опроса и PEST-S анализа выявили выраженную роль социальной среды, включая влияние коллектива,

иерархии и неформальных ожиданий. Особое внимание респондентов было сосредоточено на вопросах безопасности при сообщении о нарушениях и доверия к механизмам защиты. SWOT-анализ зафиксировал восприятие недостаточной защищённости как одного из ключевых ограничений антикоррупционной активности.

Социальные факторы формируют границы допустимого поведения и существенно влияют на готовность к активному антикоррупционному взаимодействию. Даже при наличии формальных процедур информирования отсутствие чувства безопасности снижает вероятность их использования, что подчёркивает институциональный характер этической культуры.

4. Технологические факторы и цифровизация государственной службы обладают двойственным эффектом, усиливая прозрачность и одновременно формируя новые этические риски. Данные анкетного опроса показали, что цифровые инструменты широко воспринимаются как важный элемент повышения прозрачности и удобства взаимодействия с государственными органами. Вместе с тем в ответах фиксируются опасения, связанные с формализацией процедур, техническими сбоями и снижением гибкости. SWOT-анализ позволил систематизировать данные опасения как потенциальные угрозы, что стало эмпирическим основанием гипотезы о двойственном характере технологического фактора.

Цифровизация не является однозначно позитивным фактором этической трансформации. Её эффект зависит от институционального сопровождения, уровня цифровой культуры и встроенности этических стандартов в технологические процессы. Без такого сопровождения цифровые инструменты могут усиливать формализм и отчуждение, а не доверие.

В совокупности анализ эмпирических данных показывает, что трансформация организационной этической культуры государственной службы Республики Казахстан определяется комплексом взаимосвязанных факторов, выявленных в ходе социологического исследования. Количественный анализ позволяет не только описать данные факторы, но и структурировать их влияние, что создаёт эмпирическую основу для последующего теоретического обобщения и институциональных выводов.

Заключение

Проведённое исследование было направлено на количественную верификацию факторов трансформации организационной этической культуры государственной службы Республики Казахстан на основе репрезентативных социологических данных. В отличие от преимущественно нормативных и описательных подходов, широко представленных в научной литературе, в статье предложена факторная модель анализа этической культуры, объединяющая политико-правовые, экономические, социальные и технологические факторы и ориентированная на интерпретацию общественного восприятия.

Результаты количественного социологического исследования и проведённого PEST- и SWOT-анализа показали, что восприятие этики государственной службы формируется под воздействием совокупности взаимосвязанных факторов, а не отдельных институциональных решений. Политико-правовой контекст воспринимается респондентами как необходимое, но недостаточное условие формирования устойчивой этической культуры, есть все основания полагать, что решающее значение имеет последовательность их практической реализации. Экономические условия функционирования государственной службы опосредованно влияют на соблюдение этических стандартов, формируя контекст, в котором этика либо интегрируется в профессиональную деятельность, либо сводится к формальному требованию. Социальная среда и субъективное чувство безопасности оказывают значимое влияние на готовность к антикоррупционному поведению, а технологические факторы и цифровизация демонстрируют двойственный эффект, усиливая прозрачность и одновременно порождая новые этические риски.

Организационная этическая культура государственной службы может быть рассмотрена как измеримое социальное явление, отражающееся в общественном восприятии и поддающееся количественной интерпретации. Это подтверждает возможность перехода от описательной диагностики к аналитическому осмыслению этики как институционального фактора устойчивости государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Khamzina Zh. A., Buribayev Ye. K., Tileubergenov Ye. Zh. Institutionalizing Integrity in Public Service: Organizational Ethical Culture and Anti-Corruption Functionality in Kazakhstan // *Frontiers in Political Science*. 2025. Vol. 7. DOI: 10.3389/fpos.2025.1640250.
- 2 Taitorina B., Zhanuzakova L., Alimbetova A. & Balgimbekova G. (2025). Sustainable Transformation of Civil Service Organisational Culture in the Era of Globalisation. // *Rivista Di Studi Sulla Sostenibilità - Review of Studies on Sustainability - Open Access*, (2 Thematic Issue). DOI10.3280/riss2025oa21095
- 3 Menzel D. C. Research on Ethics and Integrity in Public Administration: Moving Forward, Looking Back // *Public Integrity*. 2015. Vol. 17. P. 343–370. DOI: 10.1080/10999922.2015.1060824.
- 4 OECD. Anti-Corruption and Integrity Outlook 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. URL: <https://www.oecd.org>
- 5 OECD. Government at a Glance 2025. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: <https://www.oecd.org>
- 6 Demmke C. The Institutionalization of Integrity Policies and the Management of an Emerging Ethics Bureaucracy. Luxembourg, 2024. URL: <https://osuva.uwasa.fi>
- 7 Andersson S., Ekelund H. Promoting Ethics Management Strategies in the Public Sector // *Administration & Society*. 2022. Vol. 54, No. 6. P. 1089–1116. DOI: 10.1177/00953997211050306.
- 8 OECD. Drivers of Trust in Public Institutions in Norway. Paris: OECD Publishing, 2022. URL: <https://www.oecd.org>
- 9 Armstrong A., Stedman I. Ethical Management in Canada's Public Service // *Canadian Public Administration*. 2024. Vol. 67, No. 4. P. 620–631. DOI: 10.1111/capa.12591.
- 10 Quah J. S. T. Combating Corruption in Singapore // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2001. Vol. 9, No. 1. P. 29–35.
- 11 Neo S., Grimmelikhuijsen S., Tummers L. Core Values for Ideal Civil Servants // *Public Administration Review*. 2023. Vol. 83, No. 4. P. 838–862. DOI: 10.1111/puar.13583.
- 12 Rosli M.H., Aziz M.A., Said J. Integrity Systems in Malaysian Public Sector // *Procedia Economics and Finance*. 2015. Vol. 28. P. 260–265.
- 13 Alam M. M., Johari R. J., Said J. Employee Integrity in the Malaysian Public Sector // *International Journal of Ethics and Systems*. 2018. Vol. 34, No. 4. P. 458–471. DOI: 10.1108/IJOES-01-2018-0006.
- 14 Makulbayeva G.A., Davletbayeva Z.Z., Dyussenov M.M., Zagrebina A.V. Origins of Institutional Trust in Kazakhstan // *Gumilyov Journal of Sociology*. 2025. No. 2. P. 102–113.
- 15 OECD. OECD Integrity Review of Kazakhstan. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: <https://www.oecd.org>.

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТІНІҢ ҰЙЫМДЫҚ
МӘДЕНИЕТІН ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ ФАКТОРЛАРЫН
САНДЫҚ ВЕРИФИКАЦИЯЛАУ**

Тайторина Б.А.

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан Республикасы, Алматы қ.

**e-mail: binur.a@mail.ru*

Аңдатпа. Мақала Қазақстан Республикасының мемлекеттік қызметіндегі ұйымдастырушылық мәдениеттің трансформациясын сандық социологиялық зерттеу деректері негізінде талдауға арналған. Зерттеудің өзектілігі мемлекеттік қызметтегі этика, ашықтық және тиімділікке қоғамдық көзқарасты айқындайтын факторларды эмпирикалық тұрғыдан негізделген талдауға көшу қажеттілігімен байланысты. Этикалық стандарттар мен сыбайлас жемқорлыққа қарсы тетіктердің институционалдануына қарамастан, формалды түрде бекітілген нормалар мен оларды іс жүзінде іске асыру арасындағы ашықтық сақталып отыр, бұл қоғамдық қабылдау деректеріне сүйенген аналитикалық пайымдауды талап етеді.

Мақаланың мақсаты - Қазақстан Республикасының мемлекеттік қызметіндегі ұйымдастырушылық этикалық мәдениеттің трансформациясына әсер ететін негізгі факторларды сандық верификациялау. Зерттеудің эмпирикалық базасын халықтың репрезентативті анкеталық сауалнамасының нәтижелері, сондай-ақ этикалық мәдениетке ықпал ететін сыртқы және ішкі факторларды құрылымдау үшін пайдаланылған жинақталған PEST және SWOT талдауларының материалдары құрайды. Зерттеудің әдіснамалық негізі сипаттамалық статистика әдістері мен факторлық интерпретацияны қолданатын эксперименттік емес кросс-секциялық дизайн болып табылады.

Мақалада саяси-нормативтік, экономикалық, әлеуметтік және технологиялық факторларды қамтитын аналитикалық модель ұсынылып, олардың этикалық мәдениетті қабылдау мен сыбайлас жемқорлыққа қарсы ұстанымдарға әсері туралы гипотезалар тұжырымдалған. Зерттеу нәтижелері мемлекеттік қызметтегі этикалық мәдениеттің өзара байланысты факторлар жиынтығының ықпалымен қалыптасатынын көрсетеді:

нормативтік негіздер сенім үшін қажетті, бірақ жеткіліксіз шарт ретінде қабылданады; экономикалық және ұйымдастырушылық жағдайлар этикалық нормаларды іске асыруды жанама түрде айқындайды; әлеуметтік орта мен субъективті қауіпсіздік сезімі сыбайлас жемқорлыққа қарсы мінез-құлыққа дайындықты анықтайды; ал цифрландыру ашықтықты арттыра отырып, жаңа этикалық тәуекелдерді қатар тудырады. Мақалада мемлекеттік қызметтің ұйымдастырушылық мәдениетін өлшенетін әлеуметтік феномен ретінде қарастыруға болатыны туралы қорытынды жасалып, бұл жария басқару саласында одан әрі эмпирикалық зерттеулер жүргізуге және институционалдық шешімдер әзірлеуге негіз қалайды.

Кілт сөздер: мемлекеттік қызмет; ұйымдастырушылық мәдениет; этикалық трансформация факторлары; сандық верификация; факторлық талдау; PEST-талдау; SWOT-талдау; мемлекеттік басқаруды цифрландыру.

QUANTITATIVE VERIFICATION OF THE FACTORS OF TRANSFORMATION OF THE ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE CIVIL SERVICE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Taitorina B.A.

Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan, Almaty

*e-mail: binur.a@mail.ru

Abstract. The article examines the transformation of the organizational culture of the civil service of the Republic of Kazakhstan based on data from a quantitative sociological study. The relevance of the research is determined by the need to move from predominantly normative and descriptive approaches to an empirically grounded analysis of factors shaping public perceptions of ethics, transparency, and effectiveness in the civil service. Despite the institutionalization of ethical standards and anti-corruption mechanisms, a gap persists between formally established norms and their practical implementation, which necessitates analytical reflection based on public perception data.

The purpose of the article is to provide a quantitative verification of the key factors influencing the transformation of the organizational ethical culture of the civil service of the Republic of Kazakhstan. The empirical basis of the study consists of data from a representative population survey, as well as materials from consolidated PEST and SWOT analyses used to structure external and internal factors affecting ethical culture. The methodological framework of the research is a non-experimental cross-sectional design employing descriptive statistical methods and factor-based interpretation of data.

The article proposes an analytical model incorporating political-normative, economic, social, and technological factors and formulates hypotheses regarding their influence on perceptions of ethical culture and anti-corruption attitudes. The findings demonstrate that the ethical culture of the civil service is shaped by a set of interrelated factors: regulatory frameworks are perceived as a necessary but insufficient condition for trust; economic and organizational conditions mediate the implementation of ethical norms; the social environment and perceived safety determine readiness for anti-corruption behavior; and digitalization has a dual effect, enhancing transparency while simultaneously generating new ethical risks. The study concludes that the organizational culture of the civil service can be regarded as a measurable social phenomenon, providing a foundation for further empirical research and the development of institutional solutions in the field of public governance.

Keywords: civil service; organizational culture; factors of ethical transformation; quantitative verification; factor analysis; PEST analysis; SWOT analysis; digitalization of public administration.

Сведения об авторе:

Тайторина Бинур Адамовна – доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Республика Казахстан, г. Алматы, binur.a@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0729-0242)

Автор туралы мәлімет:

Тайторина Бинур Адамовна – заң ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті (Қазақстан Республикасы, Алматы қ., binur.a@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0729-0242)

Information about author:

Taitorina Binur Adamovna – Doctor of Law, Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University (Republic of Kazakhstan, Almaty, binur.a@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0729-0242)

ESG AND ENERGY STRUCTURE TRANSITION: A STRUCTURED REVIEW OF RECENT ACADEMIC LITERATURE

Urinboyev R.¹ , Kaldiyarov D.^{2*} , Shawulieti M.³ , Maerdan B.³

¹Lund University, Sweden, Lund

² Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Republic of Kazakhstan, Taldykorgan

³Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan, Almaty

*e-mail: rustamjon.urinboyev@soclaw.lu.se, kdaltay@gmail.com,

mukhiyat_saulet3@live.kaznu.kz, mardan.bissara@kaznu.edu.kz

Abstract. Energy structure transition has increasingly been framed as a governance and management issue rather than a purely technological shift. At the same time, Environmental, Social, and Governance (ESG) considerations have expanded from investment screening tools into broader corporate and policy practices, raising questions about their role in shaping energy-related decisions. This study conducts a structured review of 102 publications from the Web of Science Core Collection published between 2019 and 2025, combining bibliometric analysis with an in-depth examination of 20 highly cited studies. The review indicates that ESG influences energy structure transition mainly through institutional pressures, financial intermediation, and incentives for clean technology innovation, while these mechanisms remain strongly dependent on institutional context and sectoral conditions. By synthesizing fragmented findings, this paper develops an integrated analytical framework linking ESG inputs, energy structure adjustment, and value realization. The study contributes to management and sustainability research by clarifying the governance logic of ESG-led energy transition and identifying key directions for future research, particularly in emerging and resource-dependent economies.

Keywords: ESG, Energy Structure Transition, Sustainable Development; Green Finance, Corporate Governance.

Introduction

Against the backdrop of intensifying global climate governance and the pursuit of “Carbon Neutrality,” the energy structure transition has evolved from a purely technical shift into a fundamental restructuring of corporate governance logic. In recent years, the Environmental, Social, and Governance (ESG) framework has emerged as a critical mechanism for internalizing environmental externalities, moving beyond its traditional role as a financial screening tool to become a core driver of corporate energy optimization. However, despite the rapid expansion of ESG-related research, a significant theoretical “black box” remains regarding how ESG performance penetrates executive decision-making and translates into a substantive shift from fossil fuels to clean energy.

Current academic discourse offers a multifaceted but fragmented understanding of this transition. First, institutional pressure is widely recognized as a primary catalyst. ESG-oriented policies are shown to function as a “gateway” for clean technology innovation, helping firms break long-standing path dependencies on fossil energy sources [23]. At the same time, empirical evidence suggests that the effectiveness of ESG policies is highly contingent on macro-institutional environments, such as low-carbon pilot programs and regional regulatory intensity, highlighting the importance of policy coordination and contextual compatibility [12].

Second, the mobilization of financial resources provides the material foundation for energy structure transition. Studies demonstrate that ESG-oriented investment frameworks can significantly reduce perceived risk premiums for energy projects, thereby improving the efficiency of renewable energy integration [28]. Consistent with this view, higher ESG ratings are found to alleviate financing constraints and stimulate low-carbon investment through improved information disclosure and capital market signaling [17]. Nevertheless, the literature also points to a critical limitation: environmental information disclosure alone does not necessarily translate into energy efficiency gains unless it is accompanied by substantive technological upgrading [24].

In addition, digital transformation has emerged as an important catalytic factor in the ESG–energy transition nexus. Digital technologies enable more accurate monitoring, optimization, and management of energy consumption, thereby amplifying the impact of ESG practices on corporate energy structures [19]. However, these effects are far from uniform. Sectoral heterogeneity remains pronounced, with transition costs and adjustment speeds differing substantially across industries such as mining, manufacturing, and financial services, suggesting that standardized ESG evaluation frameworks may overlook important structural differences [22].

To address these gaps, this study adopts a structured review approach following the PRISMA guidelines [2], synthesizing 102 publications from the Web of Science Core Collection. By integrating bibliometric mapping with an in-depth review of 20 highly cited studies, this paper develops an analytical framework linking ESG inputs, energy structure adjustment, and value realization. The objective is to clarify the governance logic underlying ESG-driven energy transition and to identify research directions that are particularly relevant for resource-dependent emerging economies.

Materials and methods

This study utilizes the Web of Science (WoS) Core Collection, including SSCI, SCI-Expanded, and A&HCI, to ensure academic rigor and metadata reliability for bibliometric analysis [1]. The search strategy was designed to capture research at the intersection of ESG and energy-related corporate decision-making. Specifically, the following search string was applied: TS = ESG AND (“energy structure” OR “energy transition” OR “renewable energy”).

The literature screening process strictly follows the PRISMA 2020 guidelines [2]. An initial search yielded 221 records. After removing non-research items such as editorials and notes, as well as studies unrelated to management and governance issues, 102 publications published between 2019 and 2025 were retained for further analysis. These studies constitute the core dataset for bibliometric mapping and qualitative synthesis.

Bibliometric visualization was conducted using VOSviewer (version 1.6.20) to examine keyword co-occurrence and thematic clustering [3]. Descriptive statistical analysis was performed using Microsoft Excel 2021. The combination of quantitative mapping and qualitative review reduces subjective bias and facilitates a clearer understanding of the intellectual evolution from traditional CSR perspectives toward integrated ESG–energy transition frameworks [4].

Based on the structured analysis of the 102 selected publications, this study constructs an integrated framework linking ESG inputs, energy structure transition, and corporate value realization. In addition to identifying direct effects, the framework highlights moderating factors such as government environmental attention and industry competition, which provide the analytical foundation for the subsequent results and discussion sections.

Results and Discussion

To capture the intellectual evolution of the field, this study examines the temporal distribution of 102 core publications retrieved from the Web of Science. As shown in Figure 1, the intersection of ESG and energy structure transition has evolved from a marginal research topic into a prominent academic domain over the past decade.

The publication trajectory can be broadly divided into three phases. Prior to 2020, scholarly output remained limited, with only sporadic publications, as ESG-related discussions were largely embedded within the broader Corporate Social Responsibility (CSR) framework and rarely addressed energy structure transformation as a central management issue. Between 2021 and 2023, research activity increased noticeably, coinciding with the global expansion of net-zero commitments and stricter ESG disclosure requirements, prompting greater attention to green finance and institutional drivers of energy transition. From 2024 onward, the field experienced rapid expansion, reaching a publication peak in 2025, reflecting a shift toward more sophisticated analytical frameworks that emphasize clean technology innovation and digital transformation as key mechanisms.

Overall, this trajectory suggests that energy structure transition is increasingly framed as a strategic governance challenge rather than a purely technical issue, underscoring the need for a structured synthesis of recent research to guide future inquiry.

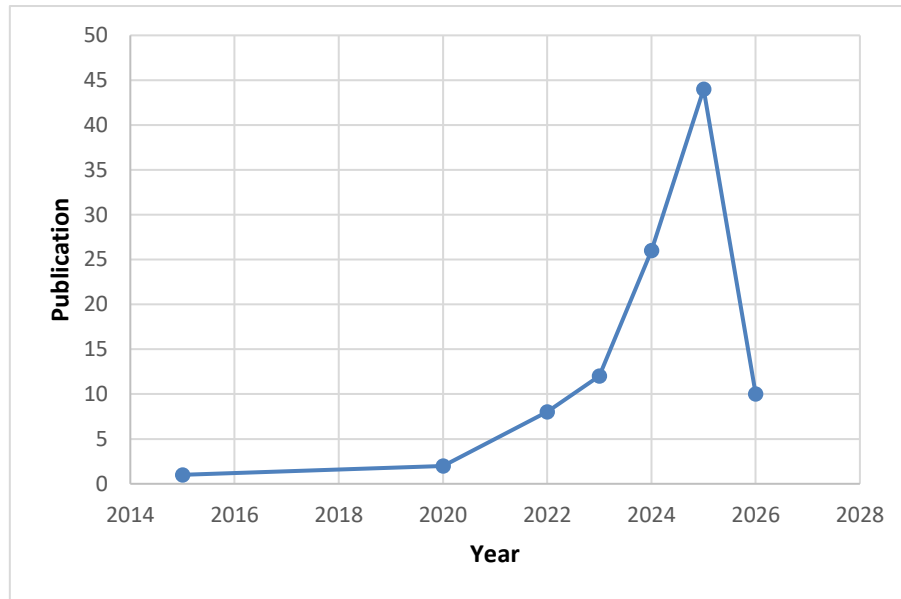

Figure 1 – Annual Publication Trends in ESG and Energy Transition Research (2015–2025), completed by authors

Following the bibliometric mapping, this section provides a critical synthesis of the top 10 most-cited publications identified in the dataset (see Table 2). These seminal works establish the theoretical underpinnings of the ESG-energy transition nexus, specifically focusing on drivers, transmission mechanisms, and economic outcomes.

Table 2 – Overview of High-Impact Studies on ESG and Energy Transition (Top 10 Most Cited Publications), completed by author

Ra nk	Article Title	Main Research Contribution	Authors	Cita tions
1	How volatility in green financing, clean energy... through ESG indicators?	Analyzes how green inance and clean energy volatility translate into sustainable performance across G7 nations via ESG indicators.	Yang, Q. et al.	158
2	Global guidelines for natural resource extraction: Implications for ESG	Examines how professional competencies in the extraction sector dictate the capacity to implement ESG principles and energy transitions.	Litvinenko, V. et al.	139
3	Volatility spillover and investment strategies among financial indexes	Investigates the volatility linkages between ESG indices, renewable energy, and carbon futures to inform transition investment strategies.	Zhang, W. et al.	95
4	Navigating sustainability: ESG factors and SDGs in BRICS- 11	Reveals the complex impact of ESG factors on SDGs in BRICS nations, emphasizing the central role of environmental governance.	Isik, C. et al.	91

Rank	Article Title	Main Research Contribution	Authors	Citations
5	Spillover analysis across FinTech, ESG, and renewable	Explores how FinTech and ESG influence global renewable energy	El Khoury, R. et al.	80
6	The Importance of Lithium for Achieving a Low-Carbon Energy Transition	Analyzes the technical and legal challenges of lithium as a critical metal for energy transition under ESG frameworks	Heredia, F. et al.	69
7	Can green finance improve the ESG performance? Evidence from China	Demonstrates that green credit policies significantly enhance corporate ESG performance through optimized resource allocation.	Ma, D. et al.	67
8	The impact of ESG ratings on low carbon investment: Renewable energy companies	(Core Alignment) Confirms that ESG ratings mitigate financing constraints, leading to a significant increase in low carbon investment.	Lu, J.; Li, H.	58
9	Asymmetric volatility spillovers among new energy, ESG, and carbon markets	Evaluates asymmetric spillovers between ESG and new energy markets in China to provide evidence for policy making.	Wu, R.; Qin, Z.	51
10	Social Innovation, Circularity and Energy Transition for ESG Practices	Reviews how social innovation and circular economy models act as ESG components to facilitate the energy transition.	Popescu, C. et al.	51

A substantial body of high-impact literature identifies external institutional pressure as the primary driver of corporate energy structure transition. ESG-related policies are shown to function as a “gateway” that promotes clean technology innovation and accelerates renewable energy adoption [23]. In emerging and developing economies, environmental governance within the ESG framework plays a decisive role in aligning corporate behavior with broader sustainable development objectives, underscoring the importance of macro-institutional conditions for micro-level energy reforms [11].

The transition from fossil-based to renewable energy systems requires significant capital investment and technological upgrading. Empirical evidence suggests that higher ESG ratings reduce information asymmetry and alleviate financing constraints, resulting in a measurable increase in low-carbon investment [17]. Complementing this financial channel, ESG-oriented investment frameworks are found to lower project-specific risk premiums and improve the feasibility of renewable energy integration [28]. On the technological side, clean technology innovation and digital transformation serve as key mediating mechanisms that translate ESG commitments into tangible improvements in energy efficiency and consumption structure [19].

The economic implications of energy structure transition are ultimately reflected in market volatility and firm-level risk exposure. ESG indicators have been shown to moderate volatility transmission across green finance, clean energy, and environmental taxation channels, thereby enhancing corporate resilience to external shocks [26]. In addition, significant spillover effects between ESG indices, renewable energy assets, and carbon markets indicate that energy transition fundamentally reshapes corporate risk–return profiles and long-term valuation dynamics [27].

Synthesizing the reviewed literature reveals a coherent transition pathway consisting of three stages: institutional drivers, structural transformation, and value realization. ESG performance functions as an institutional driver, prompting firms to adjust their energy consumption structure through financial reallocation and technological upgrading. These adjustments, in turn, contribute to improved corporate resilience, market valuation, and alignment with sustainable development objectives.

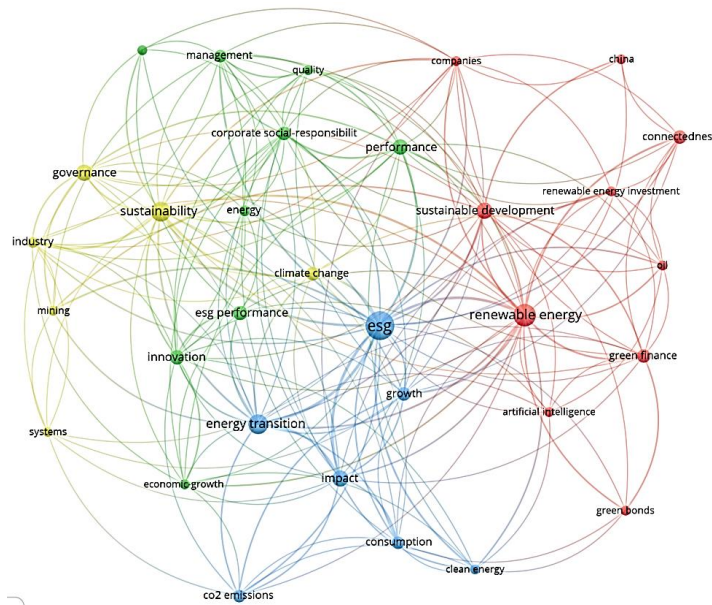

Figure 2 – Keyword Co-occurrence Network of ESG, Energy Transition, and Sustainable Development

At the initial stage, ESG performance functions as a core institutional driver shaping corporate strategic responses. From an institutional theory perspective, ESG requirements reflect external pressures arising from environmental regulation, stakeholder expectations, and governance norms. Firms respond to these pressures by internalizing environmental externalities and embedding ESG objectives into managerial decision-making processes [23]. In particular, environmental dimensions of ESG, such as carbon reduction targets and low-carbon policy frameworks, directly influence corporate energy choices by constraining fossil fuel dependence and incentivizing renewable energy adoption [27].

Beyond environmental regulation, the social and governance dimensions of ESG play a complementary role. Higher transparency, improved disclosure quality, and stronger governance structures enhance corporate legitimacy and credibility in capital markets, increasing firms' willingness and capacity to undertake long-term energy transition investments [11]. As a result, ESG performance at this stage acts not only as a compliance requirement but also as a strategic signal that aligns corporate behavior with broader institutional expectations.

The second stage represents the core mediating process through which ESG-related institutional pressure is translated into observable changes in corporate energy consumption structures. The existing literature consistently identifies two dominant and mutually reinforcing mechanisms at this stage: technological upgrading and resource reallocation.

From a technological perspective, ESG incentives encourage firms to invest in clean technology innovation, including renewable energy systems, energy-efficient production equipment, and digital monitoring technologies. These investments enable the gradual substitution of fossil energy with low-carbon alternatives while improving overall energy efficiency and transparency in energy management [19], [24]. Digital transformation further strengthens this

pathway by facilitating real-time data collection, predictive analysis, and optimization of energy use, thereby amplifying the effectiveness of ESG-driven technological change.

From a financial perspective, ESG performance reshapes capital allocation patterns by influencing investor perceptions and financing conditions. Higher ESG ratings reduce information asymmetry between firms and capital markets, lower perceived investment risk, and alleviate financing constraints. As a result, firms gain improved access to green credit, sustainable bonds, and ESG-oriented investment funds, which provides the necessary financial support for renewable energy projects and low-carbon infrastructure upgrades [17], [28].

Importantly, the effectiveness of these mechanisms is not uniform across firms or industries. Sectoral characteristics, competitive intensity, and institutional environments significantly affect the speed and depth of energy structure transformation. Resource-intensive and heavy-industry sectors, in particular, face higher adjustment costs and longer transition periods, leading to pronounced heterogeneity in ESG-driven energy transition outcomes [22].

The final stage of the ESG-led energy transition pathway concerns the realization of value at both the enterprise and societal levels. At the firm level, adjustments in energy consumption structure reduce exposure to regulatory tightening, carbon pricing mechanisms, and energy price volatility. Empirical studies show that firms with stronger ESG performance and cleaner energy structures exhibit greater resilience to external shocks and improved long-term market valuation [26], [27].

Beyond immediate financial performance, ESG-driven energy transition contributes to strategic value creation by enhancing corporate legitimacy and strengthening relationships with key stakeholders, including investors, regulators, and local communities. Improved environmental performance is increasingly capitalized into firm valuation metrics, reinforcing the economic rationale for sustained investment in clean energy and innovation.

At the societal level, energy structure transformation supports broader sustainable development objectives by promoting emissions reduction, resource efficiency, and alignment with global sustainability agendas. When embedded within comprehensive ESG frameworks, energy transition generates a reinforcing feedback loop in which enhanced environmental and social performance improves corporate value, which in turn sustains further investment in low-carbon technologies and governance improvements [21].

Conclusion

Drawing on a structured synthesis of the core literature, this study clarifies the underlying logic of ESG-driven energy structure transition. Rather than unfolding as a linear or purely technological process, the transition emerges as a systemic transformation shaped by the interaction of institutional pressure, financial intermediation, technological innovation, and market-based value feedback mechanisms.

The analysis demonstrates that ESG-oriented regulatory frameworks act as the primary catalyst for corporate energy transition by redefining legitimacy conditions and incentivizing the internalization of environmental externalities [23]. At the same time, ESG performance functions as an effective signaling mechanism that facilitates access to green finance and clean technologies, thereby providing the material foundation for energy structure adjustment [17][28]. Furthermore, the transition toward cleaner energy structures is closely associated with improved corporate resilience and long-term value creation, particularly under conditions of market volatility and regulatory uncertainty [26], [27].

Overall, the findings confirm that ESG-led energy transition should be understood not merely as a compliance response, but as a strategic pathway toward sustainable value creation and competitive advantage.

Despite the growing body of research on ESG and energy transition, several limitations remain evident in the existing literature. First, empirical evidence is heavily concentrated in major economies, particularly China and G7 countries, which constrains the generalizability of current findings to resource-dependent and emerging markets [23], [11]. Differences in institutional quality, ownership structure, and energy endowment in such contexts may fundamentally alter ESG adoption dynamics and energy transition outcomes.

Second, most empirical studies rely predominantly on linear modeling approaches, which may fail to capture non-linear dynamics, threshold effects, and time-lagged adjustments inherent in long-term energy structure transformation [17], [22]. Future research would benefit from longitudinal datasets and non-linear analytical methods to better identify ESG tipping points and heterogeneous transition trajectories across industries.

Finally, the existing literature places disproportionate emphasis on the environmental dimension of ESG, while the social and governance implications of energy transition—such as labor adjustment, community resilience, and distributional equity—remain relatively underexplored [21]. Adopting a multi-stakeholder governance perspective may provide deeper insights into the conditions required for a just and inclusive energy transition, particularly in emerging and resource-intensive economies.

LITERATURE:

- 1 Donthu N., Kumar S., Mukherjee D., Pandey N., Lim W. M. How to conduct a bibliometric analysis: An overview and guidelines // *Journal of Business Research*. – 2021. – Vol. 133. – P. 285–296. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.04.070
- 2 Page M. J., McKenzie J. E., Bossuyt P. M., Boutron I., Hoffmann T. C., Mulrow C. D. [и др.]. The PRISMA 2020 statement: An updated guideline for reporting systematic reviews // *BMJ*. – 2021. – Vol. 372. – Art. n71. DOI: 10.1136/bmj.n71.
- 3 Van Eck N. J., Waltman L. Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping // *Scientometrics*. – 2010. – Vol. 84, no. 2. – P. 523–538. DOI: 10.1007/s11192-009-0146-3.
- 4 Gillan S. L., Koch A., Starks L. T. Firms and social responsibility: A review of ESG and CSR research in corporate finance // *Journal of Corporate Finance*. – 2021. – Vol. 66. – Art. 101889. DOI: 10.1016/j.jcorpfin.2021.101889
- 5 Affonso R. ESG agenda and energy transition in the oil and gas sector // *Energy Research & Social Science*. – 2025. – Vol. 98. – P. 102–114.
- 6 Azam A., Guo X. Green finance, ESG readiness, and renewable energy transition // *Energy Economics*. – 2025. – Vol. 120. – P. 106–119.
- 7 Derkach T., Pauzuoliene J. ESG performance in energy and port infrastructure: A regional analysis // *Maritime Policy & Management*. – 2025. – Vol. 52, no. 2. – P. 210–225.
- 8 El Khoury R., et al. Spillover analysis across FinTech, ESG, and renewable energy indices: Impact of the Russia–Ukraine conflict // *International Review of Financial Analysis*. – 2023. – Vol. 88. – P. 102–115.
- 9 Gao H., Omenihu F. ESG performance and short-term default risk during energy transition // *Finance Research Letters*. – 2025. – Vol. 56. – P. 104–116.
- 10 Heredia F., et al. The importance of lithium for achieving a low-carbon future: Technical and legal challenges // *Resources Policy*. – 2023. – Vol. 81. – P. 103–115.
- 11 Isik C., et al. Navigating sustainability: ESG factors and SDGs in BRICS-11 countries // *Journal of Cleaner Production*. – 2024. – Vol. 412. – P. 137–150.
- 12 Jiang H., Wang L. ESG sustainability uncertainty, financial development, and renewable energy transition: Evidence from the United States // *Energy Economics*. – 2025. – Vol. 128. – P. 107–120.
- 13 Li X., et al. Digital transformation and energy transition: The moderating role of ESG performance // *Energy Economics*. – 2025. – Vol. 124. – P. 107–121.
- 14 Lin H., Zhu Y. Can ESG performance improve corporate valuation? Evidence from the energy sector // *Journal of Corporate Finance*. – 2024. – Vol. 68. – P. 101–114.
- 15 Litvinenko V., et al. Global guidelines for natural resource extraction: Implications for ESG // *Resources Policy*. – 2023. – Vol. 82. – P. 103–115.
- 16 Liu Z., Yang Q. Does corporate ESG performance reduce carbon emissions? Evidence from China // *Energy Economics*. – 2025. – Vol. 122. – P. 107–120.
- 17 Lu J., Li H. The impact of ESG ratings on low-carbon investment: Evidence from renewable energy companies // *Business Strategy and the Environment*. – 2024. – Vol. 33, no. 4. – P. 2150–2168.
- 18 Ma D., et al. Can green finance improve ESG performance? Evidence from China // *Environmental Science and Pollution Research*. – 2021. – Vol. 28. – P. 564–578.
- 19 Magaletti N., et al. Digitalization and energy transition: The role of ESG practices // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2025. – Vol. 198. – P. 122–134.
- 20 Ni Y. Determinants and economic consequences of corporate ESG investment // *Economic Modelling*. – 2023. – Vol. 120. – P. 105–118.
- 21 Popescu C., et al. Social innovation, circularity and energy transition for ESG practices // *Sustainable Development*. – 2025. – Vol. 33, no. 1. – P. 45–58.

- 22 Shi X., Song Y. Sectoral heterogeneity in ESG-driven energy transition // *Journal of Business Ethics*. – 2025. – Vol. 185. – P. 120–135.
- 23 Sun Y., et al. The impacts of ESG policy on clean technology innovation: A gateway to promote renewable energy transition // *Clean Technologies and Environmental Policy*. – 2025. DOI: 10.1007/s10098-024-03027-1.
- 24 Tan Y., et al. Can environmental information disclosure improve energy efficiency? // *Energy Policy*. – 2024. – Vol. 185. – P. 113–125.
- 25 Wu R., Qin Z. Asymmetric volatility spillovers among new energy, ESG, and carbon markets // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. – 2024. – Vol. 192. – P. 114–128.
- 26 Yang Q., et al. How volatility in green financing, clean energy, and environmental taxes relays through ESG indicators // *Journal of Cleaner Production*. – 2022. – Vol. 364. – P. 132–145.
- 27 Zhang W., et al. Volatility spillover and investment strategies among financial indexes: ESG and energy transition // *International Review of Economics & Finance*. – 2025. – Vol. 92. – P. 110–125.
- 28 Zatonatska T., et al. Assessing the sustainability of energy projects: A fuzzy DEMATEL approach for ESG investment // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. – 2025. – Vol. 204. – Art. 115744.

REFERENCES:

- 1 Donthu, N., Kumar, S., Mukherjee, D., Pandey, N., & Lim, W. M. (2021). How to conduct a bibliometric analysis: An overview and guidelines. *Journal of Business Research*, 133, 285–296. DOI10.1016/j.jbusres.2021.04.070
- 2 Page, M. J., McKenzie, J. E., Bossuyt, P. M., Boutron, I., Hoffmann, T. C., Mulrow, C. D., et al. (2021). The PRISMA 2020 statement: An updated guideline for reporting systematic reviews. *BMJ*, 372, n71. DOI10.1136/bmj.n71
- 3 Van Eck, N. J., & Waltman, L. (2010). Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping. *Scientometrics*, 84(2), 523–538. DOI10.1007/s11192-009-0146-3
- 4 Gillan, S. L., Koch, A., & Starks, L. T. (2021). Firms and social responsibility: A review of ESG and CSR research in corporate finance. *Journal of Corporate Finance*, 66, 101889. DOI10.1016/j.jcorpfin.2021.101889
- 5 Affonso, R. (2025). ESG agenda and energy transition in the oil and gas sector. *Energy Research & Social Science*, 98, 102–114.
- 6 Azam, A., & Guo, X. (2025). Green finance, ESG readiness, and renewable energy transition. *Energy Economics*, 120, 106–119.
- 7 Derkach, T., & Pauzuoliene, J. (2025). ESG performance in energy and port infrastructure: A regional analysis. *Maritime Policy & Management*, 52(2), 210–225.
- 8 El Khoury, R., et al. (2023). Spillover analysis across FinTech, ESG, and renewable energy indices: Impact of the Russia–Ukraine conflict. *International Review of Financial Analysis*, 88, 102–115.
- 9 Gao, H., & Omenihu, F. (2025). ESG performance and short-term default risk during energy transition. *Finance Research Letters*, 56, 104–116.
- 10 Heredia, F., et al. (2023). The importance of lithium for achieving a low-carbon future: Technical and legal challenges. *Resources Policy*, 81, 103–115.
- 11 Isik, C., et al. (2024). Navigating sustainability: ESG factors and SDGs in BRICS-11 countries. *Journal of Cleaner Production*, 412, 137–150.
- 12 Jiang, H., & Wang, L. (2025). ESG sustainability uncertainty, financial development, and renewable energy transition: Evidence from the United States. *Energy Economics*, 128, 107–120.
- 13 Li, X., et al. (2025). Digital transformation and energy transition: The moderating role of ESG performance. *Energy Economics*, 124, 107–121.
- 14 Lin, H., & Zhu, Y. (2024). Can ESG performance improve corporate valuation? Evidence from the energy sector. *Journal of Corporate Finance*, 68, 101–114.
- 15 Litvinenko, V., et al. (2023). Global guidelines for natural resource extraction: Implications for ESG. *Resources Policy*, 82, 103–115.
- 16 Liu, Z., & Yang, Q. (2025). Does corporate ESG performance reduce carbon emissions? Evidence from China. *Energy Economics*, 122, 107–120.
- 17 Lu, J., & Li, H. (2024). The impact of ESG ratings on low-carbon investment: Evidence from renewable energy companies. *Business Strategy and the Environment*, 33(4), 2150–2168.
- 18 Ma, D., et al. (2021). Can green finance improve ESG performance? Evidence from China. *Environmental Science and Pollution Research*, 28, 564–578.
- 19 Magaletti, N., et al. (2025). Digitalization and energy transition: The role of ESG practices. *Technological Forecasting and Social Change*, 198, 122–134.
- 20 Ni, Y. (2023). Determinants and economic consequences of corporate ESG investment. *Economic Modelling*, 120, 105–118.
- 21 Popescu, C., et al. (2025). Social innovation, circularity and energy transition for ESG practices. *Sustainable Development*, 33(1), 45–58.
- 22 Shi, X., & Song, Y. (2025). Sectoral heterogeneity in ESG-driven energy transition. *Journal of Business Ethics*, 185, 120–135.

23 Sun, Y., et al. (2025). The impacts of ESG policy on clean technology innovation: A gateway to promote renewable energy transition. *Clean Technologies and Environmental Policy*. DOI10.1007/s10098-024-03027-1

24 Tan, Y., et al. (2024). Can environmental information disclosure improve energy efficiency? *Energy Policy*, 185, 113–125.

25 Wu, R., & Qin, Z. (2024). Asymmetric volatility spillovers among new energy, ESG, and carbon markets. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 192, 114–128.

26 Yang, Q., et al. (2022). How volatility in green financing, clean energy, and environmental taxes relays through ESG indicators. *Journal of Cleaner Production*, 364, 132–145.

27 Zhang, W., et al. (2025). Volatility spillover and investment strategies among financial indexes: ESG and energy transition. *International Review of Economics & Finance*, 92, 110–125.

28 Zatonatska, T., et al. (2025). Assessing the sustainability of energy projects: A fuzzy DEMATEL approach for ESG investment. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 204, 115744.

ӘАҚБ ЖӘНЕ ЭНЕРГЕТИКА ҚҰРЫЛЫМЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ҒЫЛЫМИ ӘДЕБИЕТКЕ ҚҰРЫЛЫМДАЛҒАН ШОЛУ

Уринбоев Р.¹, Калдияров Д.^{2*}, Шаулеті М.³, Бишала М.³

¹ Лунд университеті, Швеция, Лунд қ.

² І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Қазақстан Республикасы, Талдықорған қ.

³ Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,

Қазақстан Республикасы, Алматы қ.

*e-mail: rustamjon.urinboyev@soclaw.lu.se, kaldiyarov@gmail.com, mukhiyat_saulet3@live.kaznu.kz, mardan.bissara@kaznu.edu.kz

Аңдатпа. Энергетикалық құрылымның жаңа үлгіге өтуі барған сайын тек технологиялық өзгеріс ретінде емес, басқару және менеджмент мәселесі ретінде қарастырылуда. Сонымен қатар экологиялық, әлеуметтік және корпоративтік басқару факторлары (ӘАҚБ) қолданылу аясын кеңейтті: инвестициялық объектілерді іріктеу құралдарынан бастап, корпоративтік және реттеушілік тәжірибелердің кең спектріне дейін, бұл олардың энергетикаға қатысты шешімдерді қалыптастырудағы рөлі туралы сұрақтарды күн тәртібіне шығарады. Осы зерттеуде 2019–2025 жылдары жарияланған *Web of Science* негізгі коллекциясындағы 102 жарияланымға құрылымдалған шолу жүргізіліп, библиометриялық талдау 20 ең көп дәйексөз келтірілген зерттеуді терең қарастырумен ұштастырылды. Шолу нәтижелері ӘАҚБ -дың энергетикалық құрылымның жаңа үлгіге өтуіне негізінен институционалдық қысым, қаржылық делдалдық және таза технологиялар саласындағы инновацияларды ынталандыру арқылы ықпал ететінін көрсетеді; алайда бұл тетіктердің әсері институционалдық контекст пен салалық жағдайларға айтарлықтай тәуелді. Бөліктеген нәтижелерді жинақтай отырып, мақала ӘАҚБ кірістері, энергетикалық құрылымды түзету және құндылықты қалыптастыру арасындағы байланысты көрсететін интеграцияланған аналитикалық негіздеме ұсынады. Зерттеу ӘАҚБ ықпалымен жүзеге асатын энергетикалық өтудің басқарушылық логикасын нақтылап, әсіресе дамушы және ресурсқа тәуелді экономикалар үшін болашақ зерттеулердің негізгі бағыттарын айқындау арқылы менеджмент пен орнықты даму саласындағы зерттеулерге үлес қосады.

Кілт сөздер: ӘАҚБ, энергетикалық құрылымның жаңа үлгіге өтуі, орнықты даму, жасыл қаржы, корпоративтік басқару.

ЭСКУ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ЭНЕРГЕТИКИ: СТРУКТУРИРОВАННЫЙ ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Уринбоев Р.¹, Калдияров Д.^{2*}, Шаулеті М.³, Бишала М.³

¹ Лундский университет, Швеция, г. Лунд.

² Жетісуский университет имени И. Жансүгүрова, Республика Казахстан, г. Талдықорған

³ Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы

*e-mail: rustamjon.urinboyev@soclaw.lu.se, kaldiyarov@gmail.com, mukhiyat_saulet3@live.kaznu.kz, mardan.bissara@kaznu.edu.kz

Аннотация. Переход к новой структуре энергетики всё чаще рассматривается как вопрос управления и менеджмента, а не как исключительно технологический сдвиг. Одновременно факторы экологической, социальной

и корпоративного управления (ЭСКУ) расширили своё применение: от инструментов отбора инвестиционных объектов до более широких корпоративных и регуляторных практик, что поднимает вопрос об их роли в формировании решений, связанных с энергетикой. В данном исследовании проведён структурированный обзор 102 публикаций из основной коллекции Web of Science, опубликованных в период 2019–2025 гг., с сочетанием библиометрического анализа и углублённого рассмотрения 20 наиболее цитируемых исследований. Обзор показывает, что ЭСКУ влияет на переход к новой структуре энергетики главным образом через институциональное давление, финансовое посредничество и стимулы к инновациям в области чистых технологий; при этом действие этих механизмов в значительной степени зависит от институционального контекста и отраслевых условий. Обобщая разрозненные результаты, статья разрабатывает интегрированную аналитическую рамку, связывающую ЭСКУ-входы, корректировку структуры энергетики и создание ценности. Исследование вносит вклад в развитие менеджмента и исследований устойчивого развития, проясняя логику управления энергетическим переходом под влиянием ЭСКУ и определяя ключевые направления дальнейших исследований, особенно для развивающихся и ресурсозависимых экономик.

Ключевые слова: ЭСКУ, переход к новой структуре энергетики, устойчивое развитие, зелёные финансы, корпоративное управление.

Information about authors:

Urinboyev Rustamjon – PhD, professor, Lund University (Lund, Sweden, e-mail: rustamjon.urinboyev@soclaw.lu.se), ORCID: 0000-0001-7226-0483.

Kaldiyarov Daniyar* – Doctor of Economic Sciences, Professor, Zhetysay University named after I. Zhansugurov (Kazakhstan, Taldykorgan, e-mail: kdaltay@gmail.com), ORCID: 0000-0002-0181-2962.

Shawulieti Muheyati – Master student of Management, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan, Almaty, e-mail: mukhiyat_saulet3@live.kaznu.kz), ORCID: 0009-0009-4720-2850.

Bishala Maerdan – PhD student, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan, Almaty, e-mail: mardan.bissara@kaznu.edu.kz), ORCID: 0009-0008-9613-6346.

Авторлар туралы мәліметтер:

Уринбоев Рустамжон – PhD, профессор, Лунд университеті (Швеция, Лунд қ., e-mail: rustamjon.urinboyev@soclaw.lu.se), ORCID: 0000-0001-7226-0483.

Калдияров Данияр* – экономика ғылымдарының докторы, профессор, І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті (Қазақстан, Талдықорған қ., e-mail: kdaltay@gmail.com), ORCID: 0000-0002-0181-2962.

Шәулеті Мухияти – менеджмент мамандығы бойынша магистрант, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Қазақстан, Алматы қ., e-mail: mukhiyat_saulet3@live.kaznu.kz), ORCID: 0009-0009-4720-2850.

Бишала Маердан – PhD докторант, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Қазақстан, Алматы қ., e-mail: mardan.bissara@kaznu.edu.kz), ORCID: 0009-0008-9613-6346.

Сведения об авторах:

Уринбоев Рустамжон – PhD, профессор, Лундский университет (Швеция, г. Лунд, e-mail: rustamjon.urinboyev@soclaw.lu.se), ORCID: 0000-0001-7226-0483.

Калдияров Данияр* – доктор экономических наук, профессор, Жетысуский университет имени И. Жансугурова (Казakhstan, г. Талдықорған, e-mail: kdaltay@gmail.com), ORCID: 0000-0002-0181-2962.

Шаулеті Мухияти – магистрант по направлению «Менеджмент», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Казakhstan, г. Алматы, e-mail: mukhiyat_saulet3@live.kaznu.kz), ORCID: 0009-0009-4720-2850.

Бишала Маердан – PhD докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Казakhstan, г. Алматы, e-mail: mardan.bissara@kaznu.edu.kz), ORCID: 0009-0008-9613-6346.

АВТОРЛАР НАЗАРЫНА!

- Мақалалардың электронды нұсқалары zhetyu.edu.kz сайтында орналастырылған.
- Ұсынылған ақпараттың дәлдігі үшін жауапкершілікті авторлар алады.

Журналдың жиілігі

«SocioHumanitas» журналы жылына 4 рет келесі белгіленген мерзімде шығарылады:

№1-30 наурызға дейін;

№2-30 маусымға дейін;

№3-30 қазанға дейін;

№4-30 желтоқсанға дейін.

Қолжазбалар келесі белгіленген мерзімде қабылданады:

№1-28 ақпанға дейін;

№2-30 мамырға дейін;

№3-15 қыркүйекке дейін;

№4-30 қарашаға дейін.

Мақалаларды редакцияға журналдың <https://sociohumanitas.zhetysu.edu.kz/sh> ресми сайтына жіберу қажет.

Басылым тілдері: қазақ, орыс, ағылшын

Ескерту: Журналдың бір санында бір автордың бір ғана мақаласы жариялана алады. Бір автор жылына 2 мақаладан артық жариялай алмайды. Авторлар саны 4 адамнан аспауы керек.

Жалпы ережелер

«SocioHumanitas» журналы толыққанды қолжазба түрінде рәсімделген түпнұсқа ғылыми зерттеулерді жариялауға қабылдайды. Жарияланатын материалдар журналдың ғылыми бағыты мен тақырыптық бағыттарына сәйкес келуі тиіс.

Журналдың тақырыптық бағыттары:

- Әлеуметтік ғылымдар: әлеуметтану, әлеуметтік философия, экономика, саясаттану;
- Құқық және құқықтық зерттеулер: құқық теориясы мен практикасы, қоғамдағы құқықтық трансформациялар;
- Гуманитарлық зерттеулер: тарих, өнертану, дінтану, мәдениеттану;
- Әлеуметтік-мәдени үдерістер: сәйкестік, ұжымдық жады, құндылықтық және цифрлық трансформациялар;
- Филология, дискурстық зерттеулер және пәнаралық тәсілдер.

Материалдар бірегей, бұған дейін жарияланбаған, журнал тақырыбына сәйкес болуы тиіс және плагиатқа тексеріліп (мәтіннің түпнұсқалығының ең төменгі деңгейі кемінде 75% болуы керек), екі жақты жасырын рецензиялаудан өтіп, редакциялық алқаның мақұлдауынан өтуі қажет.

Назар аударыңыз! Ережелерді бұза отырып, рәсімдеу талаптарына сәйкес емес жіберілген, көптеген грамматикалық және емле қателері бар, ағылшын/қазақ/орыс тілдеріне автоматты түрде аударылған мақалаларды редакция қабылдамайды және авторларға оларды қараусыз қайтарады.

Жауапты хатшы материалдарды рәсімдеу талаптарына сәйкестігін үш күн ішінде тексереді, талап бұзылған жағдайда авторға қайта өңдеу қажеттілігі туралы хабарлама беріледі.

Журнал ашық болып табылады – кез келген автор, азаматтығына, жұмыс орнына және ғылыми дәрежесіне қарамастан, редакция талаптарын сақтай отырып, қолжазбасын жариялау мүмкіндігіне ие. Студенттердің және магистранттардың жұмыстары тек ғылыми жетекшілерімен бірлескен авторлықта ғана қабылданады.

Редакция мақалаға әдеби және стильдік өңдеу жасамайды.

Төлем тәсілдері

Қолжазба жариялауға қабылданғаннан кейін авторға баспа шығындарын төлеу туралы түбіртектегі скан-көшірмесін (PDF немесе JPEG форматында) электронды поштаға: sociohumanitas@zu.edu.kz жіберу қажет. Ұйымдастыру жарна 4 000 теңге. Шетелдік авторлар үшін қазақстандық авторлармен бірлескен авторлықсыз журналда жариялау тегін жүзеге асырылады.

Университет реквизиттері

І.Жансүгіров атындағы ЖУ

СТТН 531400011685

БСК – 990140003041

ЖСК – KZ566010311000005234

КБЕ 16

БСК – HSBKKZKX,

ТРФ 319900 АҚ «Қазақстан Халық Банкі», Талдықорған қ.

Төлем кезінде міндетті түрде төлемнің мақсатын көрсету керек: SocioHumanitas журналындағы қолжазба үшін.

Касpi.kz арқылы төлеу нұсқаулығы:

Төлемдер ➡ Іздеу ➡ «І. Жансүгіров ат. Жетісу университеті» жазыңыз ➡ Факультет орнына: SocioHumanitas деп жазыңыз ➡ Өз мәліметтеріңізді толтырыңыз ➡ Сомасы: 1 қолжазба үшін 4 000 теңге ➡ төлеу.

Редакцияның мекенжайы: 040000, Талдықорған қ., І.Жансүгіров к., 187а, Ілияс Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Ғылымметрия және ғылыми кадрларды даярлау бөлімі, 310-кабинет, тел.: 8 (7282) 22-21-23, ішкі 1193, e-mail: sociohumanitas@zu.edu.kz

АВТОРЛАРҒА АҚПАРАТ

Редакциялық алқа авторлардан журналда жариялау үшін қолжазбалар дайындау кезінде келесі ережелерді басшылыққа алуды сұрайды.

Қолжазбасы бар MS Word құжаты келесі үлгі бойынша аталу керек: Барлық авторлардың тегі мен аты-жөні. Мысалы: Шатырбаева Г.Ж., Молдабаева М.Б.

Мақаланың соңында авторлар туралы мәліметтер көрсетіледі

Үлгі:

Молдабаева Маржан Болатовна (*корреспондентный автор*) – педагогика ғылымдарының кандидаты, профессор, І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті (Қазақстан, Талдықорған, e-mail: marzhan_moldabaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0000-0000-0000).

Молдабаева Маржан Болатовна (*корреспондент-автор*) – кандидат педагогических наук, профессор, Жетісуский университет имени И. Жансугурова (Қазақстан, Талдықорған қ., e-mail: marzhan_moldabaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0000-0000-0000).

Moldabaeva Marzhan (*corresponding author*) – candidate of pedagogical sciences, professor, Zhetysu University named after I. Zhansugurov (Kazakhstan, Tal dykorgan, e-mail: marzhan_moldabaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0000-0000-0000).

МАҚАЛАНЫ РӘСІМДЕУ ТӘРТІБІ

1) FTAMP индексі (ғылыми-техникалық ақпараттың мемлекетаралық рубрикаторы) мақаланың сол жақ үстіңгі бөлігінде, қою шрифтпен орналастырылады. FTAMP нөмірін <http://grnti.ru/> сайтынан табуға болады.

2) Мақаланың атауы (7-12 сөз), бас әріптермен жартылай қою шрифтпен, ортасында (мақаланың тілінде).

3) Автордың (авторлардың) тегі мен аты-жөндері және Orcid ID.

4) Авторлар туралы ақпарат (аффилиациялар (ұйымдардың атаулары), елдің, қаланың, барлық авторлардың мекенжайы, барлық авторлардың электронды пошталары). *Мақала бойынша редакциямен хат алмасуды жүргізетін және барлық ескертулер мен түзетулерге жауап беретін корреспондент-автор болып табылады және «*» таңбасымен белгіленеді. Әртүрлі ұйымдардың авторлары 1, 2 және одан әрі сандармен көрсетіледі.*

5) Аңдатпа 150-ден 300 сөзге дейін, тақырыпқа сәйкес кілт сөздер/сөз тіркестері 5-10 (қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде).

6) Мақаланың көлемі (әдебиеттер тізімін және авторлар туралы мәліметтерді есепке алмағанда) 3000-нан 6000 сөзге дейін болуы тиіс. Бұл жағдайда А4 форматындағы беттердің саны маңызды емес – тек мақала мәтініндегі сөздердің саны ескеріледі.

7) Мақаланы тапсырған кезде авторлар ілеспе хатты (*А Қосымшасы*) ұсынуы керек, университетішілік авторлар үшін ілеспе хаттың орнына факультеттің шешімі қажет (*Ә Қосымшасы*).

8) Авторлар міндетті түрде жіберілетін мақаланың бұрын еш жерде жарияланбағанын және мақалада сілтемелерсіз басқа жұмыстардан алынған мәтіннің үзінділері жоқ екенін ілеспе хатта көрсетулері тиіс.

9) Мәтін қарпі – Times New Roman, кегль – 12 пт., жоларалық интервал – 1. Сол және жоғарғы жиектер – 2,5 см, оң және төменгі – 2 см, абзац – 1,25. Аңдатпа және пайдаланылған әдебиеттер тізімінің қарпі – Times New Roman, кегль – 10 пт., жоларалық интервал – 1. Қолжазба «Журналдар, жинақтар, ақпараттық басылымдар. Жарияланатын материалдарды баспалық ресімдеу» МЕСТ 7.5-98 сәйкес ресімделуі тиіс.

10) Мәтінде әдеби дереккөздерге сілтеме жасау үшін төртбұрышты жақшалар қолданылуы керек – [1], формулалар үшін дөңгелек жақшалар қолданылуы керек – (1). Формула сілтемелері формуланың оң жағында орналасуы керек.

11) Барлық формулалар, сандық мәндер, шама белгілері Microsoft Equation 3.0 немесе MathType форматында терілуі керек. Егер бірнеше формулалар қатарынан жүрсе, әр формуланы бөлек теру керек.

12) Барлық қолданылған белгілер түсіндірілуі керек (жалпы қабылданған белгілерді түсіндірмеуге болады).

13) Сөйлемді формуладан бастауға болмайды.

14) Кестелер мен иллюстрациялар мәтінде жеке абзацтармен орналасуы керек. Әр кестеде және иллюстрацияда атауы болуы керек және әр кестеде және иллюстрацияда мәтін ішінде сілтемесі болуы керек. Кестелер мен иллюстрациялардың нөмірленуі бөлек.

15) Иллюстрациялар сапалы болуы қажет (кем дегенде 300 dpi) және үздіксіз нөмірленуі керек. Барлық иллюстрациялар мен олардың атаулары орталық бойынша теңестіріліп, атаулар иллюстрацияның дәл астына орналастырылып, мәтіннен аралықпен бөлінуі тиіс. Қаріп – Times New Roman, кегль – 12 пт. Мысалы **Сурет 1** – Суреттің атауы

16) Кестелер Microsoft Word кесте форматында жасалып, үздіксіз нөмірленуі тиіс. Кестенің тақырыбы кестенің үстінде сол жағында орналасуы керек. Тақырыптар мен кестелер мәтіннің қалған бөлігінен бос орындармен бөлінуі керек. Қаріп – Times New Roman, кегль – 12 пт. «Кесте» сөзінен кейін кестенің реттік нөмірі мен атауы көрсетіледі. Мысалы: Кесте 1 – Кестенің атауы

Мақаланың құрылымы IMRAD құрылымына сәйкес болуы керек:

- Кіріспе
- Материалдар мен әдістер
- Нәтижелер мен талқылау
- Қорытынды
- Қаржыландыру туралы ақпарат (бар болған жағдайда)

– **Әдебиеттер** тізімі мәтіннен кейін МЕСТ 7.1-2003 «Библиографиялық жазба. Библиографиялық сипаттама. Құрастырудың жалпы талаптары мен қағидаларына» сәйкес өңделеді (ҒЖБССҚК тізбесіне кіретін басылымдарға қойылатын талаптар). Пайдаланылған әдебиеттер тізімі немесе Библиографиялық тізім Web of Science және/немесе Scopus-та индекстелген басылымдарға міндетті сілтемелерді қоса алғанда, саны кемінде 15 және 20-дан аспауы керек. Өз еңбегіне сілтеме жасау 1-2 дереккөзден аспауы тиіс. Әдебиеттер тізімін автоматты түрде нөмірлеуге жол берілмейді.

– **References.** Қазақ және орыс тілдеріндегі мақалалар үшін пайдаланылған әдебиеттер тізімін латын әріптерімен транслитерациялау міндетті; ағылшын тіліндегі мақалалар үшін әдебиеттер тізімі түпнұсқа тілінде латын әріптерімен беріледі.

Назар аударыңыз! Егер ұсынылған әдебиеттер тізімінде кирилл әріптерімен жазылған дереккөздер болса, әдебиеттер тізімі екі нұсқада берілуі тиіс: «Әдебиеттер» бөлімінде бастапқы тілінде және «References» бөлімінде романизацияланған (латиницаға транслитерацияланған) нұсқада. Шетелдік жарияланымдар «References» бөлімінде толық қайталануы қажет. Кирилл әріптерін транслитерациялау үшін <https://qazlat.kz/> сайтындағы онлайн-конвертерді пайдалануға болады.

Транслитерацияланған әдебиеттер тізімі үшін келесі құрылымды қолдану қажет: Автор(лар) ағылшын тілінде. (жыл дөңгелек жақшаларда). Мақаланың атауы транслитерацияланған түрде [мақаланың атауының ағылшын тіліне аудармасы], дереккөздің транслитерацияланған атауы, шығу деректері ағылшын тіліндегі белгілермен.

Мысалы:

«**ӘДЕБИЕТТЕР**» бөлімінде:

1 Құдайбергенова С.Қ., Әбілдина С.Қ. Жасанды интеллект және білім беру: мүмкіндіктер мен перспективалар // Білім және қоғам. – Алматы, 2020. – № 2. – Б. 45–52.

2 Ахметов Ж.М. Аймақтық білім беру жүйесіндегі басқару мәселелері: оқу құралы. – Талдықорған: Жетісу университеті баспасы, 2023. – 45 б.

3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate // Biosci. Biotechnol. Res. Asia. – 2014. – Vol. 10. – P. 119–125. URL: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>

«**REFERENCES**» бөлімінде:

1 Kudaibergenova S.K., Abildina S.K. (2020). Zhasandy intellekt zhane bilim беру: mumkindikter men perspektivalar [Artificial Intelligence and Education: Opportunities and Perspectives]. Bilim zhane kogam – Education and Society, no. 2, pp. 45–52. (in Kazakh)

2 Akhmetov Zh.M. (2023). Aimaqtyq bilim беру zhüiesindegi basqaru мәseleleri: oqu quraly [Management issues in the regional education system: textbook]. Taldykorgan: Zhetysu University Press, 45 p. (in Kazakh)

3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. (2014). Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate. Bioscience Biotechnology Research Asia, vol. 10, pp. 119–125. Available at: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>

Қолжазбаны рәсімдеу бойынша авторларға арналған нұсқаулық *Б Қосымшада*.

Ілеспе хат
(ұйымның ресми бланкісінде)

Осы хат арқылы **«Мақала атауы», автор(лардың) ТАӘ «SocioHumanitas»** журналында жариялануы үшінші тұлғалардың авторлық құқықтарын бұзбайтынын растаймыз. Мақала автор(лары) журнал баспасына ғылыми мақаланы пайдалану бойынша ерекше құқықтарды бермейтін құқықтарды шектеусіз мерзімге тапсырады, соның ішінде журналдың толық мәтін нұсқаларын ресми сайтында орналастыру құқығы бар. Автор(лар) мақалада пайдаланылған зияткерлік меншік нысандары мен авторлық құқық объектілеріне қатысты Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасына сәйкес толық жауапкершілік алады. Сондай-ақ, біз бұл мақаланың бұрын жарияланбағанын, басқа ғылыми басылымдарға жолданбағанын және (баспаға қабылданған жағдайда) жолданбайтынын растаймыз. Автор(лар) журналдың редакциясы бекіткен және оның ресми сайтында орналастырылған қолжазбаны баспаға дайындау ережелерімен келіседі.

Ректор / ҒЗЖ жөніндегі проректор

ШЕШІМ

Факультет/институт: (факультет/ институт атауы)

Кафедра/зертхана отырысы, хаттама №___, от (күні)

«Мақала атауы», автор(лардың) ТАӘ «SocioHumanitas» журналында жариялануы үшінші тұлғалардың авторлық құқықтарын бұзбайтынын растаймыз. Мақала автор(лары) журнал баспасына ғылыми мақаланы пайдалану бойынша ерекше құқықтарды бермейтін құқықтарды шектеусіз мерзімге тапсырады, соның ішінде журналдың толық мәтін нұсқаларын ресми сайтында орналастыру құқығы бар. Автор(лар) мақалада пайдаланылған зияткерлік меншік нысандары мен авторлық құқық объектілеріне қатысты Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасына сәйкес толық жауапкершілік алады. Сондай-ақ, біз бұл мақаланың бұрын жарияланбағанын, басқа ғылыми басылымдарға жолданбағанын және (баспаға қабылданған жағдайда) жолданбайтынын растаймыз. Автор(лар) журналдың редакциясы бекіткен және оның ресми сайтында орналастырылған қолжазбаны баспаға дайындау ережелерімен келіседі.

Осы шешім ұсынылған мақаланы «SocioHumanitas» ғылыми журналы редакциясына антиплагиаттан өткізу мақсатында берілді.

Декан /Директор

(қолы)

Кафедра меңгерушісі/зертхана меңгерушісі

(қолы)

Ғылыми жетекші/кеңесші (білім алушылар үшін)

(қолы)

Автор(лар)

(қолы)

МАҚАЛА ҚҰРЫЛЫМЫНЫҢ ҮЛГІСІ

FTAMP (МРНТИ)

DOI (DOI журнал редакциясы мақаланы
жариялауға қабылданғаннан кейін беріледі)

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ҚОЛЖАЗБА АТАУЫ

Шатырбаева М.Г.^{1,*} , Молдабаева М.Б.² (белгішесінде ORCID профиліне гиперсілтеме болуы керек)¹ Университет (толық атауы), Елі, Қала² Университет (толық атауы), Елі, Қала

*e-mail: (барлық авторлардың эл.почтасы)

*Аңдатпа (150-300 сөз). Аннотация келесі міндетті тармақтарды қамтуы керек:**Зерттеудің мақсаты, идеялары және негізгі бағыттары;**Зерттеудің ғылыми және практикалық маңыздылығының қысқаша сипаттамасы;**Зерттеу әдістемесінің қысқаша сипаттамасы;**Зерттеу жұмысының негізгі нәтижелері мен талдаулары, қорытындылары;**Жүргізілген зерттеудің мәні;**Зерттеудің практикалық маңызы.***Кілт сөздер:** 5-10 кілт сөз.**Кіріспе**

Кіріспе жұмыстың мақсаттары, зерттеу саласының маңыздылығы, теориялық және практикалық маңыздылығы, мәселенің өзектілігі, мәселені шешу немесе гипотезаны қалыптастыру туралы ақпаратты қамтуы керек.

Материалдар мен әдістер

Бұл бөлімде пайдаланылған материалдардың, жабдықтардың және бағдарламалық қамтамасыз етудің (модельді, өндірушіні және елді көрсете отырып) егжей-тегжейлі сипаттамасы, сондай-ақ қолданылған әдістердің толық баяндалуы болуы қажет, соның ішінде жаңа әдістерді жан-жақты ашып көрсету қажет. Бұрыннан белгілі әдістер үшін әдебиет көздеріне сілтеме жасау жеткілікті. Егер әдіс кеңінен таралмаған болса, оның принципі түсіндіріліп, авторы көрсетілуі тиіс. Зерттеуде пайдаланылған материалдар сапалық және сандық тұрғыдан сипатталуы қажет. Алынған деректердің статистикалық талдауы міндетті және қолданылған бағдарламалық қамтамасыз ету көрсетілуі тиіс. Бөлімде зерттеудің барысы, оның кезеңдерінің реттілігі, қолданыстағы жұмыстарға сыни талдау, гипотезалар ұсыну және оларды автордың ой қорыту процесінде растауы немесе теріске шығару толығырақ сипатталады.

Нәтижелер мен талқылаулар

Бұл бөлім жұмыс нәтижелерін ашуы керек және зерттеу нәтижелерін талдау мен талқылауды қамтуы керек. Нәтижелер талқылана отырып, кестелер, суреттер және басқа иллюстрациялық материалдар түрінде ұсынылуы керек.

Кестелер

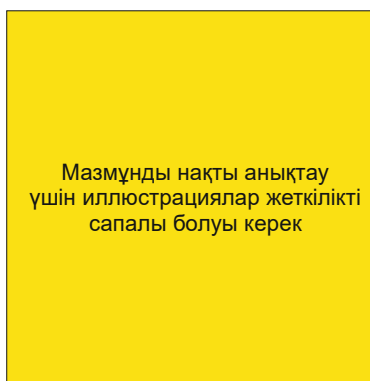
Кестелер Microsoft Word кесте форматында жасалып, үздіксіз нөмірленуі тиіс. Кестенің тақырыбы кестенің үстінде сол жағында орналасуы керек. Тақырыптар мен кестелер мәтіннің қалған бөлігінен бос орындармен бөлінуі керек. Қаріп – Times New Roman, кегль – 12 пт.

Кесте 1 – Кестенің атауы

Атауы	Нәтиже 1	Нәтиже 2	Нәтиже 3
1-атауы	1	2	3

Иллюстрациялар

15) Иллюстрациялар сапалы болуы қажет (кем дегенде 300 dpi) және үздіксіз нөмірленуі керек. Барлық иллюстрациялар мен олардың атаулары орталық бойынша теңестіріліп, атаулар иллюстрацияның дәл астына орналастырылып, мәтіннен аралықпен бөлінуі тиіс. Қаріп – Times New Roman, кегль – 12 пт.

Сурет 1 – Суреттің атауы

Теңдеулер

Барлық формулалар, сандық мәндер, шама белгілері Microsoft Equation 3.0 немесе MathType форматында терілуі керек. Формулаларды сурет түрінде қосуға болмайды. Барлық формулалар нөмірленуі керек. Формулалар ортамен туралануы керек. Формулалардың нөмірлері формуланың оң жағында жақшада орналасуы керек. Барлық формулалар мәтіннің қалған бөлігінен бос орындармен бөлінуі керек.

$$f = \sum (a + \frac{a}{10}) \quad (1)$$

мұндағы: f – белгілеу атауы;
 a – белгілеу атауы.

Қорытынды

Бұл бөлімде жүргізілген жұмыстың қорытындылары жинақталып қорытындылануы, алынған нәтижелер мен олардың ғылымды дамыту үшін маңыздылығы қалай пайдаланылуы мүмкін екендігі көрсетілуі тиіс.

Қаржыландыру туралы ақпарат (бар болған жағдайда)

Барлық қаржыландыру көздері тізімделуі керек.

Әдебиеттер тізімі

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі немесе Библиографиялық тізім Web of Science және/немесе Scopus-та индекстелген басылымдарға міндетті сілтемелерді қоса алғанда, саны кемінде 15 және 20-дан аспауы керек. Өз еңбегіне сілтеме жасау 1-2 дереккөзден аспауы тиіс. Әдебиеттер тізімін автоматты түрде нөмірлеуге жол берілмейді.

ӘДЕБИЕТТЕР:

- 1 Құдайбергенова С.Қ., Әбілдина С.Қ. Жасанды интеллект және білім беру: мүмкіндіктер мен перспективалар // Білім және қоғам. – Алматы, 2020. – № 2. – Б. 45–52.
- 2 Ахметов Ж.М. Аймақтық білім беру жүйесіндегі басқару мәселелері: оқу құралы. – Талдықорған: Жетісу университеті баспасы, 2023. – 45 б.
- 3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate // Biosci. Biotechnol. Res. Asia. – 2014. – Vol. 10. – P. 119–125. URL: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>
- 4 Trust T., Horrocks B. Six key elements identified in an active and thriving blended community of practice. TechTrends. – 2019. – Vol. 63(2). – P. 108–115. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11528-018-0265-x>
- 5 Stralsjo L., Alklint C., Olsson M.E., Sjöholm I. Total folate content and retention in rosehips (*Rosa* spp.) after drying // J. Agric. Food Chem. – 2003. – Vol. 51. – P. 4291–4295. URL: <https://pubs.acs.org/doi/abs/10.1021/jf034208q>
- 6 Larsen E., Kharazmi A., Christensen L.P., Christensen S.B. An anti-inflammatory galactolipid from rose hip (*Rosa canina*) that inhibits chemotaxis of human peripheral blood neutrophils in vitro // J. Nat. Prod. – 2003. – Vol. 66. – P. 994–995. URL: https://colab.ws/articles/10.1021%2Fnp0300636?utm_source=chatgpt.com
- 7 Roşu C.M., Manzu C., Olteanu Z., Oprica L., Oprea A., Ciornea E., Zamfirache M.M. Several fruit characteristics of *Rosa* sp. genotypes from the Northeastern region of Romania // Not. Bot. Horti Agrobot. Cluj-Napoca. – 2011. – Vol. 39. – P. 203–208. URL: <https://www.notulaeobotanicae.ro/index.php/nbha/article/view/6333>
- 8 Чилдибаева А.Ж., Аметов А.А., Тыныбеков Б.М. Характеристика некоторых растительных сообществ с участием узкоэндемичного вида *Rosa iliensis* Chrshan. в поймах реки Или // Вестник КазНУ. Серия биологическая. – Алматы, 2019. – № 1(78). – С. 58–73.
- 9 Engelmann F. Use of biotechnologies for the conservation of plant biodiversity // In Vitro Cell. & Dev. Bio. – Plant. – 2011. – Vol. 47(1). – P. 5–16. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/S11627-010-9327-2>
- 10 Новикова Т.И. Использование биотехнологических подходов для сохранения биоразнообразия растений // Растительный мир Азиатской России. – 2013. – № 2(12). – С. 119–128.
- 11 Назарбаев Н. Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру // Официальный сайт Президента РК. – 2017. URL: https://www.akorda.kz/kz/events/akorda_news/press_conferences/memleket-basshysynyn-bolashakka-bagdar-ruhani-zhangyru-atty-makalasy (қаралған күні: 16.04.2025).
- 12 Мухтарова Ш.М. Национальное самосознание личности в вузе: педагогический аспект. – Монография. – Караганда, 2006. – 150 с.
- 13 Хмель Н.Д. Теория и технология реализации целостного педагогического процесса: учебное пособие в помощь преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам. – Алматы, 2002. – 90 с.
- 14 Аванесов В.С. «Теория и практика педагогических измерений». [Электронный ресурс]. URL: <https://charko.narod.ru/tekst/biblio> (дата обращения: 08.09.2025).
- 15 Пру Андерсен, Джордж Морган. Разработка тестов и анкет для национальной оценки учебных достижений: учебное пособие. – Москва: Логос. – 2011. – 204 с.

REFERENCES:

- 1 Kudaibergenova S.K., Abildina S.K. (2020). Zhasandy intellekt zhane bilim беру: mumkindikter men perspektivalar [Artificial Intelligence and Education: Opportunities and Perspectives]. Bilim zhane kogam – Education and Society, no. 2, pp. 45–52. (in Kazakh)
- 2 Akhmetov Zh.M. (2023). Aimaqtyq bilim беру zhüiesindegi basqaru мәseleleri: oqu quraly [Management issues in the regional education system: textbook]. Taldykorgan: Zhetysu University Press, 45 p. (in Kazakh)
- 3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. (2014). Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate. Bioscience Biotechnology Research Asia, vol. 10, pp. 119–125. Available at: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>
- 4 Trust T., Horrocks B. (2019). Six key elements identified in an active and thriving blended community of practice. TechTrends, vol. 63(2), pp. 108–115. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11528-018-0265-x>
- 5 Stralsjo L., Alklint C., Olsson M.E., Sjöholm I. (2003). Total folate content and retention in rosehips (*Rosa* spp.) after drying. Journal of Agricultural and Food Chemistry, vol. 51, pp. 4291–4295. Available at: <https://pubs.acs.org/doi/abs/10.1021/jf034208q>
- 6 Larsen E., Kharazmi A., Christensen L.P., Christensen S.B. (2003). An anti-inflammatory galactolipid from rose hip (*Rosa canina*) that inhibits chemotaxis of human peripheral blood neutrophils in vitro. Journal of Natural Products, vol. 66, pp. 994–995. Available at: https://colab.ws/articles/10.1021%2Fnp0300636?utm_source=chatgpt.com
- 7 Rosu C.M., Manzu C., Olteanu Z., Oprica L., Oprea A., Ciornea E., Zamfirache M.M. (2011). Several fruit characteristics of *Rosa* sp. genotypes from the Northeastern region of Romania. Notulae Botanicae Horti Agrobotanici Cluj-Napoca, vol. 39, pp. 203–208. Available at: <https://www.notulaeobotanicae.ro/index.php/nbha/article/view/6333>
- 8 Childibayeva A.Zh., Ametov A.A., Tynybekov B.M. (2019). Harakteristika nekotorykh rastitelnykh soobshchestv s uchastiem uzkoendemichnogo vida *Rosa iliensis* Chrshan. v poimakh reki Ili [Characteristics of some plant communities involving the narrow-endemic species *Rosa iliensis* Chrshan. in the floodplains of the Ili River]. Vestnik KazNU. Biological Series, no. 1(78), pp. 58–73. (in Russian)

9 Engelmann F. (2011). Use of biotechnologies for the conservation of plant biodiversity. In *Vitro Cellular and Developmental Biology – Plant*, vol. 47(1), pp. 5–16. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/S11627-010-9327-2>

10 Novikova T.I. (2013). Ispolzovanie biotekhnologicheskikh podkhodov dlya sokhraneniya bioraznoobraziya rasteniy [Use of biotechnological approaches for the conservation of plant biodiversity]. *Rastitelnyy mir Aziatskoy Rossii*, vol. 2(12), pp. 119–128. (in Russian)

11 Nazarbaev N. (2017). Bolashaqqa bagdar: Rukhani zhangyru [A Look into the Future: Spiritual Modernization]. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. (accessed: 16 April 2025). Available at: https://www.akorda.kz/kz/events/akorda_news/press_conferences/memleket-basshysynyn-bolashakka-bagdar-ruhani-zhangyru-atty-makalasy (in Kazakh)

12 Mukhtarova Sh.M. (2006). Natsionalnoe samosoznanie lichnosti v vuze: pedagogicheskiy aspekt: monografiya [National self-consciousness of personality in higher education: pedagogical aspect: monograph]. Karaganda, 150 p. (in Russian)

13 Khmel N.D. (2002). Teoriya i tekhnologiya realizatsii tselostnogo pedagogicheskogo protsessa: uchebnoe posobie [Theory and technology of implementing the holistic pedagogical process: study guide]. Almaty, 90 p. (in Russian)

14 Avanesov V.S. (2025). Teoriya i praktika pedagogicheskikh izmereniy [Theory and Practice of Pedagogical Measurements]. (accessed: 8 september 2025). Available at: <https://charko.narod.ru/tekst/biblio> (in Russian)

15 Pru Andersen J., Morgan G. (2011). Razrabotka testov i anket dlya natsionalnoy otsenki uchebnykh dostizheniy: uchebnoe posobie [Development of tests and questionnaires for national assessment of educational achievements: textbook]. Moscow: Logos, 204 p. (in Russian)

НАЗВАНИЕ РУКОПИСИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шатырбаева М.Г.^{1,*} , Молдабаева М.Б.²

(должна быть гиперссылка на профиль Orcid в значке)

¹Университет (полное название), Страна, Город

²Университет (полное название), Страна, Город

*e-mail: (эл.почта всех авторов)

Аннотация (150-300 слов). Аннотация должна включать следующие обязательные пункты:

Цель, идеи и основные направления исследования;

Краткое описание научной и практической значимости исследования;

Краткое описание методологии исследования;

Основные результаты и анализ, выводы исследовательской работы;

Ценность проведенного исследования;

Практическое значение исследования.

Ключевые слова: 5-10 ключевых слов.

TITLE OF THE MANUSCRIPT IN ENGLISH

M.G. Shatyrbayeva^{1,*}, M.B. Moldabayeva

¹University (full name), Country, City

²University (full name), Country, City

*e-mail: (e-mail of the all authors)

Abstract (150-300 words). The abstract should include the following mandatory items:

Purpose, ideas and main directions of research;

A brief description of the scientific and practical significance of the study;

Brief description of the research methodology;

Main results and analysis, conclusions of the research work;

The value of the conducted research;

Practical significance of the research.

Keywords: 5-10 keywords.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

- Электронные версии статей доступны на сайте zhetyssu.edu.kz
- За достоверность предоставляемой информации ответственность несут авторы

Периодичность журнала

Журнал «SocioHumanitas» выпускается с периодичностью **4 раза в год в следующие установленные сроки:**

- №1 – до 30 марта;
- №2 – до 30 июня;
- №3 – до 30 октября;
- №4 – до 30 декабря.

Рукописи принимаются в следующие установленные сроки:

- №1 – до 28 февраля;
- №2 – до 30 мая;
- №3 – до 15 сентября;
- №4 – до 30 ноября.

Статьи необходимо отправлять в редакцию через официальный сайт журнала: sociohumanitas@zu.edu.kz.

Языки публикации: казахский, русский, английский

Обращаем ваше внимание, что в одном номере журнала от одного автора может быть опубликована только одна статья. В год 1 автор может опубликовать не более 2 статей. При этом количество авторов должно быть не более 4.

Общие положения

Журнал «SocioHumanitas» принимает к публикации оригинальные исследования, оформленные в виде полноценных рукописей. Публикуемые материалы должны соответствовать научному профилю и тематической направленности журнала.

Тематическая направленность журнала:

- Социальные науки: социология, социальная философия, экономика, политология;
- Право и правовые исследования: теория и практика права, правовые трансформации в обществе;
- Гуманитарные исследования: история, искусствоведение, религиоведение, культурология;
- Социокультурные процессы: идентичность, коллективная память, ценностные и цифровые трансформации;
- Филология, дискурсивные исследования и междисциплинарные подходы.

Материалы должны быть уникальными, ранее не опубликованными, соответствовать тематике журнала и пройти проверку на плагиат (минимальный уровень оригинальности текста должен составлять не менее 75%), двойное слепое рецензирование и одобрение редколлегии.

Внимание! Статьи, оформленные с нарушением правил, содержащие большое количество грамматических и орфографических ошибок, автоматический перевод на английский/ казахский/ русский языки, редакцией не принимаются и будут возвращаться авторам без их рассмотрения.

Ответственный секретарь проверяет материалы на соответствие требованиям оформления в течение трех дней, при нарушении автор получает уведомление о необходимости доработки.

Журнал является открытым – любой автор, независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени, имеет возможность опубликовать рукопись при соблюдении требований редакции. Студенческие и магистерские работы принимаются только в соавторстве с научными руководителями.

Редакция не занимается литературной и стилистической обработкой статьи.

Способы оплаты

После принятия рукописи к публикации автору необходимо отправить скан-копию квитанции об оплате издательских расходов (в формате PDF или JPEG) на электронную почту: sociohumanitas@zu.edu.kz. Организационный взнос составляет 4 000 тенге. Для иностранных авторов без соавторства с казахстанскими авторами публикация в журнале осуществляется бесплатно.

Реквизиты университета

ЖУ имени И. Жансугурова

РНН 531400011685

БИН – 990140003041

ИИК – KZ566010311000005234

КБЕ 16

БИК – HSBKKZKX,

ТРФ 319900 АО «Народный банк Казахстана», г. Талдыкорган.

При оплате обязательно укажите назначение платежа: за рукопись в журнале SocioHumanitas.

Инструкция по оплате через Kaspi.kz приложение:

Платежи ➡ Поиск ➡ Вручную пишите «Жетысуский госуниверситет им. И.Жансугуров» ➡ Вместо факультета пишете: за SocioHumanitas ➡ Заполняете свои данные ➡ Сумма: 4 000 тенге за 1 рукопись ➡ оплатить.

Адрес редакции: 040000, г. Талдыкорган, ул. И.Жансугурова, 187а, Жетысуский университет имени Ильяс Жансугурова, Отдел наукометрии и подготовки научных кадров, 310 кабинет, тел.: 8 (7282) 22-21-23, вн. 1193, e-mail: sociohumanitas@zu.edu.kz.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Авторам рекомендуется соблюдать установленные ниже правила подготовки рукописей для публикации в журнале.

Документ MS Word с рукописью должен быть назван по следующему шаблону: №1(118) Фамилии и имени всех авторов. Например: №4(117) Шатырбаева Г.Ж., Молдабаева М.Б., Жумабаева Э.Ф.

В конце статьи указываются сведения об авторах (ФИО — по удостоверению личности, ученая степень, ученое звание, вуз или организация, e-mail, ORCID).

Образец:

Молдабаева Маржан Болатовна (*корреспондент-автор*) – кандидат педагогических наук, профессор, Жетысуский университет имени И. Жансугурова (Казахстан. Талдыкорган к., e-mail: marzhan_moldabaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0000-0000-0000).

Молдабаева Маржан Болатовна (*корреспондентный автор*) – педагогика ғылымдарының кандидаты, профессор, І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті (Казахстан, Талдыкорган, e-mail: marzhan_moldabaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0000-0000-0000).

Moldabaeva Marzhan (*corresponding author*) – candidate of pedagogical sciences, professor, Zhetysu University named after I. Zhansugurov (Kazakhstan, Tal dykorgan, e-mail: marzhan_moldabaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0000-0000-0000).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1) Индекс МРНТИ (межгосударственный рубрикатор научно-технической информации) размещаются в верхней левой части статьи жирным шрифтом. Номер МРНТИ необходимо найти на сайте <http://grnti.ru/>.

2) Название статьи (7-12 слов), прописными буквами полужирным шрифтом, в центре (на языке статьи).

3) Фамилия и инициалы автора (авторов) и Orcid ID.

4) Информация об авторах (аффилиация (название организации), название страны, города, адреса всех авторов, электронные почты всех авторов).

Автор, ведущий переписку с редакцией и отвечающий за все замечания и исправления по статье, является автором-корреспондентом и обозначается символом «». Авторы разных организаций, указываются под цифрами 1, 2 и далее.*

5) Аннотация не менее 150 слов, не более 300 слов, ключевые слова /словосочетания 5-10 слов по тематике (на казахском, русском и английском языках).

6) Объем статьи (без учета списка литературы и сведений об авторах) должен составлять от 3000 до 6000 слов. При этом количество страниц формата А4 не имеет значения – учитывается исключительно число слов в тексте статьи.

7) При подаче статьи авторы предоставляют сопроводительное письмо (*Приложение А*), для внутривузовских авторов вместо сопроводительного письма требуется заключение факультета (*Приложение Б*).

8) Авторы в обязательном порядке должны указать в сопроводительном письме, что направляемая статья нигде ранее не публиковалась, и что в статье отсутствуют заимствованные фрагменты текста из других работ без ссылок на них.

9) Шрифт текста – Times New Roman, кегль – 12 пт., межстрочный интервал – 1. Поля слева и сверху – 2,5 см, справа и снизу – 2 см., абзац – 1,25. Шрифт текста Аннотации и списка использованной литературы – Times New Roman, кегль – 10 пт., межстрочный интервал – 1. Материал рукописи оформляется в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов».

10) В тексте для ссылок на литературные источники должны использоваться квадратные скобки – [1], на формулы круглые скобки – (1). Ссылки на формулы должны располагаться справа от формулы.

11) Все формулы, численные значения, обозначения величин должны быть набраны в формате Microsoft Equation 3.0 или MathType. Каждая формула должна быть набрана отдельно, если несколько формул идут подряд.

12) Все использованные обозначения должны быть пояснены (можно не пояснять однозначные общепринятые обозначения).

13) Нельзя начинать предложение с формулы.

14) Таблицы и иллюстрации должны быть расположены по мере упоминания их в тексте отдельными абзацами. Каждая таблица и иллюстрация должны иметь подпись и к каждой таблице и иллюстрации должна быть ссылка в тексте. Нумерация для таблиц и иллюстраций раздельная.

15) Иллюстрации должны быть хорошего качества (минимум 300dpi) и пронумерованы сквозной нумерацией. Все иллюстрации с их подписями должны быть выровнены по центру, подписи располагаться непосредственно под иллюстрацией и отделяться пробелами от остального текста. Шрифт – Times New Roman, кегль – 12 пт. Пример **Рисунок 1** – Название рисунка

16) Таблицы должны быть созданы в формате таблицы Microsoft Word и пронумерованы сквозной нумерацией. Заголовок таблицы должен располагаться слева над таблицей. Заголовки и таблицы должны быть разделены пробелами от остального текста. Шрифт – Times New Roman, кегль – 12 пт. Пример **Таблица 1** – Название таблицы

Структура статьи должна соответствовать структуре IMRAD:

- Введение
- Материалы и методы
- Результаты и обсуждения
- Заключение

- Информация о финансировании (при наличии)

– Литература. Стиль оформления списка литературы согласно ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (требование к изданиям, входящих в перечень КОКСНВО). Список использованной литературы, или Библиографический список должен включать не менее 15 и не более 20 источников, включая обязательные ссылки на публикации, индексируемые в Web of Science и/или Scopus. Самоцитирование не более 1-2 источников. Не допускается автоматическая нумерация списка литературы.

– **References.** Для статей на казахском и русском языках обязательна транслитерация списка использованной литературы на латинице; для статей на английском языке список использованной литературы приводится на языке оригинала шрифт – латиница.

Внимание! Если в представленном списке литературы встречаются источники на кириллице, необходимо предоставить список литературы в двух вариантах: на языке оригинала в разделе «Литература» и в романизированной форме (транслитерация в латиницу) в разделе «References». Иностранные публикации полностью дублируются в разделе «References». Транслитерацию с кириллицы можно выполнить с помощью онлайн-конвертера на сайте <https://qazlat.kz/>.

Для транслитерированных списков литературы необходимо использовать следующую структуру: Автор(-ы) на английском языке. (год в круглых скобках). Название рукописи в транслитерированном варианте [перевод названия рукописи на английский язык], Транслитерированное название источника, выходные данные с обозначениями на английском языке.

Пример:

В разделе «ЛИТЕРАТУРА»

1 Құдайбергенова С.Қ., Әбілдина С.Қ. Жасанды интеллект және білім беру: мүмкіндіктер мен перспективалар // Білім және қоғам. – Алматы, 2020. – № 2. – Б. 45–52.

2 Ахметов Ж.М. Аймақтық білім беру жүйесіндегі басқару мәселелері: оқу құралы. – Талдықорған: Жетісу университеті баспасы, 2023. – 45 б.

3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate // Biosci. Biotechnol. Res. Asia. – 2014. – Vol. 10. – P. 119–125. URL: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>

В разделе «REFERENCES»

1 Kudaibergenova S.K., Abildina S.K. (2020). Zhasandy intellekt zhane bilim beru: mumkindikter men perspektivalar [Artificial Intelligence and Education: Opportunities and Perspectives]. Bilim zhane kogam – Education and Society, no. 2, pp. 45–52. (in Kazakh)

2 Akhmetov Zh.M. (2023). Aimaqtyq bilim beru zhüiesindegi basqaru мәseleleri: oqu quraly [Management issues in the regional education system: textbook]. Taldykorgan: Zhetysu University Press, 45 p. (in Kazakh)

3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. (2014). Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate. Bioscience Biotechnology Research Asia, vol. 10, pp. 119–125. Available at: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>

Инструкция для авторов по оформлению рукописи в *Приложении С*.

Сопроводительное письмо
(на официальном бланке организации)

Настоящим письмом подтверждаем, что публикация научной статьи **«Название статьи»**, **ФИО автора (авторов)**, в журнале **«SocioHumanitas»** не нарушает авторские права третьих лиц. Автор(ы) статьи передает(ют) издателю журнала неисключительные права на использование научной статьи на неопределенный срок, включая размещение полнотекстовых версий выпусков журнала на официальном сайте. Автор(ы) несет(ут) полную ответственность за использование объектов интеллектуальной собственности и авторских прав в статье, в соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан. Также подтверждаем, что данная статья не была ранее опубликована, не направлялась и не будет направлена в другие научные издания (в случае принятия к печати). Автор(ы) выражает(ют) согласие с правилами подготовки рукописи к публикации, утвержденными редакцией журнала и размещенными на его официальном сайте.

Ректор / Проректор по НИР

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Факультет/институт: (Название факультета/ института)

Заседание кафедры/ лаборатории, протокол № __, от (дата)

Подтверждаем, что публикация научной статьи «Название статьи», ФИО автора (авторов), в журнале «SocioHumanitas» не нарушает авторские права третьих лиц. Автор(ы) статьи передает(ют) издателю журнала неисключительные права на использование научной статьи на неопределенный срок, включая размещение полнотекстовых версий выпусков журнала на официальном сайте. Автор(ы) несет(ут) полную ответственность за использование объектов интеллектуальной собственности и авторских прав в статье, в соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан. Также подтверждаем, что данная статья не была ранее опубликована, не направлялась и не будет направлена в другие научные издания (в случае принятия к печати). Автор(ы) выражает(ют) согласие с правилами подготовки рукописи к публикации, утвержденными редакцией журнала и размещенными на его официальном сайте.

Настоящее заключение выдано в редакцию научного журнала «SocioHumanitas» в целях прохождения представленной статьи через процедуру проверки на антиплагиат.

Декан/Директор

(подпись)

Заведующий кафедрой/Заведующий лабораторией

(подпись)

Научный руководитель/Консультант (для обучающихся)

(подпись)

Автор(ы)

(подпись)

ОБРАЗЕЦ СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

МРНТИ

DOI (DOI статьи присваивается редакцией
журнала после её принятия к публикации)

НАЗВАНИЕ РУКОПИСИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шатырбаева М.Г.^{1,} , Молдабаева М.Б.² **(должна быть гиперссылка на профиль ORCID в значке)*¹*Университет (полное название), Страна, Город*²*Университет (полное название), Страна, Город***e-mail: (эл.почта всех авторов)**Аннотация (150-300 слов). Аннотация должна включать следующие обязательные пункты:**Цель, идеи и основные направления исследования;**Краткое описание научной и практической значимости исследования;**Краткое описание методологии исследования;**Основные результаты и анализ, выводы исследовательской работы;**Ценность проведенного исследования;**Практическое значение исследования.**Ключевые слова: 5-10 ключевых слов.***Введение**

Введение должно содержать информацию о целях работы, важности области исследования, теоретической и практической значимости, актуальности проблемы, решения проблемы или формирования гипотезы.

Материалы и методы

Этот раздел должен содержать детальное описание используемых материалов, оборудования и программного обеспечения (с указанием модели, производителя и страны), а также подробное изложение применённых методов, включая новые методы, которые следует раскрыть более подробно. Для ранее известных методов достаточно указать ссылки на литературные источники. Если метод не является широко распространённым, следует объяснить его принцип и указать автора. Материалы, использованные в исследовании, должны быть описаны как в качественном, так и в количественном выражении. Статистический анализ полученных данных обязателен, а также необходимо указать используемое программное обеспечение. В разделе подробно описывается ход исследования, последовательность его этапов, проводится критический анализ существующих работ, выдвигаются гипотезы, которые в процессе рассуждений либо подтверждаются, либо опровергаются автором.

Результаты и обсуждение

Этот раздел раскрывает результаты работы и должен содержать анализ исследования. Результаты должны быть представлены в виде таблиц, рисунков и других иллюстративных материалов с их обсуждением.

Таблицы

Таблицы должны быть созданы в формате таблицы Microsoft Word и пронумерованы сквозной нумерацией. Заголовок таблицы должен располагаться слева над таблицей. Заголовки и таблицы должны быть разделены пробелами от остального текста. Шрифт – Times New Roman, кегль – 12 пт.

Таблица 1 – Название таблицы

Название	Результат 1	Результат 2	Результат 3
Название 1	1	2	3

Иллюстрации

Иллюстрации должны быть хорошего качества (минимум 300dpi) и пронумерованы сквозной нумерацией. Все иллюстрации с их подписями должны быть выровнены по центру, подписи располагаться непосредственно под иллюстрацией и отделяться пробелами от остального текста. Шрифт – Times New Roman, кегль – 12 пт.

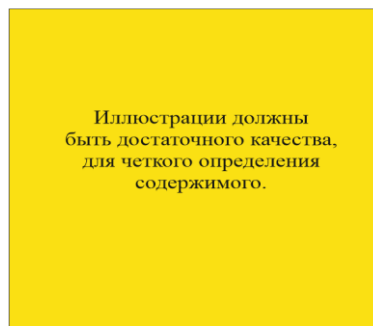

Рисунок 1 – Название рисунка

Уравнения

Все формулы, численные значения, обозначения величин должны быть набраны в формате Microsoft Equation 3.0 или MathType. Не допускаются рисунки формул. Все формулы должны быть пронумерованы. Формулы должны быть выровнены по центру. Нумерация формул должна располагаться справа от формулы в круглых скобках. Все формулы должны быть разделены пробелами от остального текста.

$$f = \sum (a + \frac{a}{10}) \quad (1)$$

где: f – название обозначения;
 a – название обозначения.

Этот раздел включает в себя интерпретацию и объяснение полученных в результате исследования данных, сравнение результатов с опытом других ученых.

Заключение

В этом разделе должны быть обобщены и подведены итоги проведенной работы, показаны, как потенциально могут быть использованы полученные результаты и их значимость для развития науки.

Информация о финансировании (при наличии)

Перечислить источники финансирования, при поддержке которых была выполнена работа.

Список литературы

Список использованной литературы, или Библиографический список должен включать не менее 15 и не более 20 источников, включая обязательные ссылки на публикации, индексируемые в Web of Science и/или Scopus. Самоцитирование не более 1-2 источников. Не допускается автоматическая нумерация списка литературы.

В тексте номер ссылки следует указывать в квадратных скобках. Например: Формула Королева [1] доказывает, что (...).

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Құдайбергенова С.Қ., Әбілдина С.Қ. Жасанды интеллект және білім беру: мүмкіндіктер мен перспективалар // Білім және қоғам. – Алматы, 2020. – № 2. – Б. 45–52.
- 2 Ахметов Ж.М. Аймақтық білім беру жүйесіндегі басқару мәселелері: оқу құралы. – Талдықорған: Жетісу университеті баспасы, 2023. – 45 б.
- 3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate // Biosci. Biotechnol. Res. Asia. – 2014. – Vol. 10. – P. 119–125. URL: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>
- 4 Trust T., Horrocks B. Six key elements identified in an active and thriving blended community of practice. TechTrends. – 2019. – Vol. 63(2). – P. 108–115. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11528-018-0265-x>
- 5 Stralsjö L., Alkint C., Olsson M.E., Sjöholm I. Total folate content and retention in rosehips (*Rosa* spp.) after drying // J. Agric. Food Chem. – 2003. – Vol. 51. – P. 4291–4295. URL: <https://pubs.acs.org/doi/abs/10.1021/jf034208q>
- 6 Larsen E., Kharazmi A., Christensen L.P., Christensen S.B. An anti-inflammatory galactolipid from rose hip (*Rosa canina*) that inhibits chemotaxis of human peripheral blood neutrophils in vitro // J. Nat. Prod. – 2003. – Vol. 66. – P. 994–995. URL: https://colab.ws/articles/10.1021%2Fnp0300636?utm_source=chatgpt.com
- 7 Roşu C.M., Manzu C., Olteanu Z., Oprica L., Oprea A., Ciornea E., Zamfirache M.M. Several fruit characteristics of *Rosa* sp. genotypes from the Northeastern region of Romania // Not. Bot. Horti Agrobot. Cluj-Napoca. – 2011. – Vol. 39. – P. 203–208. URL: <https://www.notulaeobotanicae.ro/index.php/nbha/article/view/6333>
- 8 Чилдибаева А.Ж., Аметов А.А., Тыныбеков Б.М. Характеристика некоторых растительных сообществ с участием узкоэндемичного вида *Rosa iliensis* Chrshan. в поймах реки Или // Вестник КазНУ. Серия биологическая. – Алматы, 2019. – № 1(78). – С. 58–73.
- 9 Engelmann F. Use of biotechnologies for the conservation of plant biodiversity // In Vitro Cell. & Dev. Bio. – Plant. – 2011. – Vol. 47(1). – P. 5–16. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/S11627-010-9327-2>
- 10 Новикова Т.И. Использование биотехнологических подходов для сохранения биоразнообразия растений // Растительный мир Азиатской России. – 2013. – № 2(12). – С. 119–128.
- 11 Назарбаев Н. Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру // Официальный сайт Президента РК. – 2017. URL: https://www.akorda.kz/kz/events/akorda_news/press_conferences/memleket-basshysynyn-bolashakka-bagdar-ruhani-zhangyru-atty-makalasy (қаралған күні: 16.04.2025).
- 12 Мухтарова Ш.М. Национальное самосознание личности в вузе: педагогический аспект. – Монография. – Караганда, 2006. – 150 с.
- 13 Хмель Н.Д. Теория и технология реализации целостного педагогического процесса: учебное пособие в помощь преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам. – Алматы, 2002. – 90 с.
- 14 Аванесов В.С. «Теория и практика педагогических измерений». [Электронный ресурс]. URL: <https://charko.narod.ru/tekst/biblio> (дата обращения: 08.09.2025).
- 15 Пру Андерсен, Джордж Морган. Разработка тестов и анкет для национальной оценки учебных достижений: учебное пособие. – Москва: Логос. – 2011. – 204 с.

REFERENCES:

- 1 Kudaibergenova S.K., Abildina S.K. (2020). Zhasandy intellekt zhane bilim beru: mumkindikter men perspektivalar [Artificial Intelligence and Education: Opportunities and Perspectives]. Bilim zhane kogam – Education and Society, no. 2, pp. 45–52. (in Kazakh)
- 2 Akhmetov Zh.M. (2023). Aimaqtyq bilim beru zhüiesindegi basqaru мәseleleri: oqu quraly [Management issues in the regional education system: textbook]. Taldykorgan: Zhetysu University Press, 45 p. (in Kazakh)
- 3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. (2014). Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate. Bioscience Biotechnology Research Asia, vol. 10, pp. 119–125. Available at: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>
- 4 Trust T., Horrocks B. (2019). Six key elements identified in an active and thriving blended community of practice. TechTrends, vol. 63(2), pp. 108–115. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11528-018-0265-x>
- 5 Stralsjö L., Alkint C., Olsson M.E., Sjöholm I. (2003). Total folate content and retention in rosehips (*Rosa* spp.) after drying. Journal of Agricultural and Food Chemistry, vol. 51, pp. 4291–4295. Available at: <https://pubs.acs.org/doi/abs/10.1021/jf034208q>
- 6 Larsen E., Kharazmi A., Christensen L.P., Christensen S.B. (2003). An anti-inflammatory galactolipid from rose hip (*Rosa canina*) that inhibits chemotaxis of human peripheral blood neutrophils in vitro. Journal of Natural Products, vol. 66, pp. 994–995. Available at: https://colab.ws/articles/10.1021%2Fnp0300636?utm_source=chatgpt.com
- 7 Rosu C.M., Manzu C., Olteanu Z., Oprica L., Oprea A., Ciornea E., Zamfirache M.M. (2011). Several fruit characteristics of *Rosa* sp. genotypes from the Northeastern region of Romania. Notulae Botanicae Horti Agrobotanici Cluj-Napoca, vol. 39, pp. 203–208. Available at: <https://www.notulaeobotanicae.ro/index.php/nbha/article/view/6333>

8 Childibayeva A.Zh., Ametov A.A., Tynybekov B.M. (2019). Harakteristika nekotorykh rastitelnykh soobshchestv s uchastiem uzkoendemichnogo vida *Rosa iliensis* Chrshan. v poimakh reki Ili [Characteristics of some plant communities involving the narrow-endemic species *Rosa iliensis* Chrshan. in the floodplains of the Ili River]. Vestnik KazNU. Biological Series, no. 1(78), pp. 58–73. (in Russian)

9 Engelmann F. (2011). Use of biotechnologies for the conservation of plant biodiversity. In *Vitro Cellular and Developmental Biology – Plant*, vol. 47(1), pp. 5–16. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/S11627-010-9327-2>

10 Novikova T.I. (2013). Ispolzovanie biotekhnologicheskikh podkhodov dlya sokhraneniya bioraznoobraziya rasteniy [Use of biotechnological approaches for the conservation of plant biodiversity]. Rastitelnyy mir Aziatskoy Rossii, vol. 2(12), pp. 119–128. (in Russian)

11 Nazarbaev N. (2017). Bolashaqqa bagdar: Rukhani zhangyru [A Look into the Future: Spiritual Modernization]. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. (accessed: 16 April 2025). Available at: https://www.akorda.kz/kz/events/akorda_news/press_conferences/memleket-basshysynyn-bolashakka-bagdar-ruhani-zhangyru-atty-makalasy (in Kazakh)

12 Mukhtarova Sh.M. (2006). Natsionalnoe samosoznanie lichnosti v vuze: pedagogicheskiy aspekt: monografiya [National self-consciousness of personality in higher education: pedagogical aspect: monograph]. Karaganda, 150 p. (in Russian)

13 Khmel N.D. (2002). Teoriya i tekhnologiya realizatsii tselostnogo pedagogicheskogo protsessa: uchebnoe posobie [Theory and technology of implementing the holistic pedagogical process: study guide]. Almaty, 90 p. (in Russian)

14 Avanesov V.S. (2025). Teoriya i praktika pedagogicheskikh izmereniy [Theory and Practice of Pedagogical Measurements]. (accessed: 8 september 2025). Available at: <https://charko.narod.ru/tekst/biblio> (in Russian)

15 Pru Andersen J., Morgan G. (2011). Razrabotka testov i anket dlya natsionalnoy otsenki uchebnykh dostizheniy: uchebnoe posobie [Development of tests and questionnaires for national assessment of educational achievements: textbook]. Moscow: Logos, 204 p. (in Russian)

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ҚОЛЖАЗБА АТАУЫ

Шатырбаева М.Г.^{1,}, Молдабаева М.Б.²*

¹*Университет (толық атауы), Елі, Қала*

²*Университет (толық атауы), Елі, Қала*

**e-mail: (барлық авторлардың эл.почтасы)*

Аңдатпа (150-300 сөз). Аннотация келесі міндетті тармақтарды қамтуы керек:

Зерттеудің мақсаты, идеялары және негізгі бағыттары;

Зерттеудің ғылыми және практикалық маңыздылығының қысқаша сипаттамасы;

Зерттеу әдістемесінің қысқаша сипаттамасы;

Зерттеу жұмысының негізгі нәтижелері мен талдаулары, қорытындылары;

Жүргізілген зерттеудің мәні;

Зерттеудің практикалық маңызы.

Кілт сөздер: 5-10 кілт-сөздер.

TITLE OF THE MANUSCRIPT IN ENGLISH

M.G. Shatyrbayeva^{1,}, M.B. Moldabayeva*

¹*University (full name), Country, City*

²*University (full name), Country, City*

**e-mail: (e-mail of the all authors)*

Abstract (150-300 words). The abstract should include the following mandatory items:

Purpose, ideas and main directions of research;

A brief description of the scientific and practical significance of the study;

Brief description of the research methodology;

Main results and analysis, conclusions of the research work;

The value of the conducted research;

Practical significance of the research.

Keywords: 5-10 keywords.

TO THE AUTHORS ' ATTENTION!

- **Electronic versions of the articles are available on the website zhetyu.edu.kz**
- **The authors bear responsibility for the accuracy of the provided information**

Periodicity of the journal

The journal «SocioHumanitas» publishes **4 times a year in the following established terms:**

- No. 1 - until March 30;
- No. 2 - until June 30;
- No. 3 - until October 30;
- No. 4 - until December 30.

The manuscripts are accepted in the following established terms:

- No. 1 - until February 28;
- No. 2 - until May 30;
- No. 3 - until September 15;
- No. 4 - until November 30.

Articles should be sent to the editorial office via the official website of the journal:

<https://sociohumanitas.zhetyu.edu.kz/sh>.

Languages of publication: Kazakh, Russian, English

Please note that only one article per author may be published in a single issue of the journal. An author may publish no more than 2 articles per year. Additionally, the number of authors per article must not exceed 4.

General information

The SocioHumanitas journal accepts original research papers submitted as full manuscripts. All submitted materials must correspond to the journal's academic profile and thematic scope.

The journal's thematic focus includes:

- Social sciences: sociology, social philosophy, economics, political science;
- Law and legal studies: theory and practice of law, legal transformations in society;
- Humanities: history, art studies, religious studies, cultural studies;
- Sociocultural processes: identity, collective memory, value-based and digital transformations;
- Philology, discourse studies, and interdisciplinary approaches.

The materials must be unique, unpublished, aligned with the journal's theme, and for plagiarism check (the minimum required level of text originality must be at least 75%), double-blind peer review, and approval by the editorial board.

Attention! Articles that do not comply with the formatting guidelines contain a large number of grammatical and spelling errors, or use automatic translation into English/Kazakh/Russian will not be accepted by the editorial board and will be returned to the authors without review.

The responsible secretary checks the materials for compliance with formatting requirements within three days. If there are violations, the author is notified and required to make revisions.

The journal is open – any author, regardless of citizenship, workplace, or academic degree, can publish a manuscript provided it meets the editorial requirements. Student and master's papers are accepted only in co-authorship with academic supervisors.

The editorial team does not engage in literary and stylistic editing of articles.

Payment methods

After the manuscript is accepted for publication, the author must send a scan of the receipt for the publication fee (in PDF or JPEG format) to the email address: sociohumanitas@zu.edu.kz.

The organizational fee is 4 000 tenge. For foreign authors without co-authorship with Kazakhstani authors, publication in the journal is free of charge.

University details

Zhetysu University named after I. Zhansugurov

TIN 531400011685

BIN – 990140003041

IIC – KZ566010311000005234

BC 16

BIC - HSBKKZKX,

Taldykorgan regional department 319900 JSC «Halyk Bank», Taldykorgan.

When paying specify the purpose of payment: Registration fee for publication in the journal SocioHumanitas.

Payment instructions via Kaspi.kz the app:

Payments ➡ Search ➡ Manually write «Zhetysu University named after I. Zhansugurov» ➡ Instead of the faculty, you write: for the SocioHumanitas ➡ fill in your data ➡ The amount: 4 000 tenge for 1 manuscript ➡ pay

Editorial Office address: 040000, Taldykorgan, Ilyas Zhansugurov St., 187a, Zhetysu University named after Ilyas Zhansugurov, Department of Scientometrics and Research Personnel Training, Room 310, phone: 8 (7282)22-21-23, вн. 1193, e-mail: sociohumanitas@zu.edu.kz.

INFORMATION FOR AUTHORS

Authors are advised to follow the guidelines below when preparing manuscripts for publication in the journal.

The MS Word document with the manuscript must be named according to the following format: Last names and initials of all authors. For example: Shatyrbayeva G.Zh., Moldabayeva M.B.

At the end of the article, information about the authors is provided

Sample:

Moldabaeva Marzhan (*corresponding author*) – candidate of pedagogical sciences, professor, Zhetysu University named after I. Zhansugurov (Kazakhstan, Taldykorgan, **e-mail:** marzhan_moldabaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0000-0000-0000).

Молдабаева Маржан Болатовна (*корреспондентный автор*) – педагогика ғылымдарының кандидаты, профессор, І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті (Қазақстан, Талдықорған, **e-mail:** marzhan_moldabaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0000-0000-0000).

Молдабаева Маржан Болатовна (*корреспондент-автор*) – кандидат педагогических наук, профессор, Жетісуский университет имени И. Жансугурова (Қазақстан. Талдықорған қ., **e-mail:** marzhan_moldabaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0000-0000-0000).

ARTICLE FORMATTING GUIDELINES

(if the manuscripts is in English)

1) 1. The SRSTI index (State Rubricator of Scientific and Technical Information) must be placed at the top left corner of the article in bold font. The SRSTI number should be obtained from the website <http://grnti.ru/>.

2) The title of the article (7-12 words), in capital letters in bold, in the center (in the language of the article).

3) The last name and initials of the author(s) and Orcid ID.

4) Information about the authors (affiliations (names of organizations), name of the country, city, addresses of all authors, e-mails of all authors).

The author responsible for correspondence with the editorial office and for addressing all comments and revisions to the article is the corresponding author and is marked with an asterisk «». Authors from different institutions are indicated using superscript numbers 1, 2, and so on.*

5) Abstract at least 150 and no more than 300 words, keywords/phrases (5–10 words) related to the topic (in Russian, Kazakh, and English).

6) The length of the article (without the reference list and author information) must be between 3,000 and 6,000 words. The number of A4 pages does not matter — only the word count of the article text is considered.

7) When submitting an article, authors must provide a cover letter (*Appendix A*). For internal university authors, a faculty approval (*Appendix B*) is required instead of a cover letter.

8) In the cover letter, authors are required to confirm that the submitted article has not been previously published anywhere and that the manuscript does not contain any plagiarized content or borrowed text from other works without proper citation.

9) Font – Times New Roman, size – 12 pt. with a single line spacing. Margins on the left and top – 2.5 cm, on the right and bottom – 2 cm, paragraph – 1.25. The material of the manuscript is drawn up in accordance with «State Standard» 7.5-98 «Magazines, collections, information publications. Publishing design of published materials».

10) In the text, square brackets should be used for references to literary sources – [1], round brackets for formulas – (1). Links to formulas should be located to the right of the formula.

11) All formulas, numerical values, and notation of quantities must be typed in Microsoft Equation 3.0 or MathType format. Each formula should be typed separately if several formulas are in a row.

12) All the symbols used should be explained (it is possible not to explain unambiguous generally accepted designations).

13) You cannot start a sentence with a formula.

14) Tables and illustrations should be arranged as they are mentioned in the text in separate paragraphs. Each table and illustration should have a caption and each table and illustration should have a link in the text. Numbering for tables and illustrations is separate.

15) Illustrations must be of high quality (minimum 300 dpi) and numbered consecutively. All illustrations and their captions should be center-aligned, with captions placed directly below the illustration and separated from the main text by spaces. The font should be Times New Roman, size 12 pt. Example: Figure 1 – Title of the illustration.

16) Tables should be created in Microsoft Word table format. All tables should be numbered. Tables must be created using the Microsoft Word table format and numbered consecutively. The table title should be left-aligned and placed above the table. Titles and tables should be separated from the main text by spaces. The font should be Times New Roman, size 12 pt. Example: Table 1 – Title of the table.

The structure of the article should follow the IMRAD format:

- **Introduction**
- **Materials and Methods**
- **Results and Discussion**
- **Conclusion**
- **Funding information (if available)**

– The style of the reference list must comply with «State Standard» 7.1-2003 «Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules for compilation» (requirement for publications included in the list of the Committee for Quality Assurance in the Field of Science and Higher Education). The list of references, or Bibliography, must include no fewer than 15 and no more than 20 sources, including mandatory references to publications indexed in Web of Science and/or Scopus. Self-citation should be limited to no more than 1–2 sources. Automatic numbering of the reference list is not allowed.

– **References** For articles written in Kazakh and Russian, transliteration of the reference list into Latin script is mandatory; for articles written in English, the reference list should be provided in the original language, using Latin script.

Attention! If there is literature in Cyrillic in the submitted list of references, then it is necessary to submit the list of references in two versions: in the original language in the Literature and in the Romanized alphabet (transliteration into Latin) in References. If there are foreign publications, they are completely repeated in References. Transliteration from Cyrillic can be done using the Online Converter program on the website <https://qazlat.kz/>.

For transliterated reference lists, the following structure should be used: Author(s) in English. (Year in parentheses). Title of the manuscript in transliterated form [translation of the manuscript title into English], Transliterated title of the source, publication details with designations in English.

Example:

In the «**LITERATURE**» section:

1 Құдайбергенова С.Қ., Әбілдина С.Қ. Жасанды интеллект және білім беру: мүмкіндіктер мен перспективалар // Білім және қоғам. – Алматы, 2020. – № 2. – Б. 45–52.

2 Ахметов Ж.М. Аймақтық білім беру жүйесіндегі басқару мәселелері: оқу құралы. – Талдықорған: Жетісу университеті баспасы, 2023. – 45 б.

3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate // Biosci. Biotechnol. Res. Asia. – 2014. – Vol. 10. – P. 119–125. URL: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>

In the «**REFERENCES**» section:

1 Kudaibergenova S.K., Abildina S.K. (2020). Zhasandy intellekt zhane bilim беру: mumkindikter men perspektivalar [Artificial Intelligence and Education: Opportunities and Perspectives]. Bilim zhane kogam – Education and Society, no. 2, pp. 45–52. (in Kazakh)

2 Akhmetov Zh.M. (2023). Aimaqtyq bilim беру zhüiesindegi basqaru мәseleleri: oqu quraly [Management issues in the regional education system: textbook]. Taldykorgan: Zhetysu University Press, 45 p. (in Kazakh)

3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. (2014). Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate. Bioscience Biotechnology Research Asia, vol. 10, pp. 119–125. Available at: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>

Instructions for authors on manuscript formatting can be found in **Appendix C**.

Cover letter
(on the official letterhead of the organization)

This letter confirms that the publication of the scientific article titled «**Title of the article**», **Full name(s) of the author(s)**, in the journal «**SocioHumanitas of ZU**» does not violate the copyright of third parties. The author(s) transfer(s) to the journal publisher non-exclusive rights to use the scientific article for an indefinite period, including the placement of full-text versions of the journal issues on the official website. The author(s) bear(s) full responsibility for the use of intellectual property objects and copyrights in the article in accordance with the current legislation of the Republic of Kazakhstan. We also confirm that this article has not been previously published, has not been submitted to, and will not be submitted to other scientific publications (in case of acceptance for publication). The author(s) express(es) consent to the rules for preparing the manuscript for publication, approved by the journal's editorial board and posted on its official website.

Vice-Rector (in charge of Research)

STATEMENT

Faculty/Institute: (Name of the faculty/institute)

Meeting of the department/laboratory, Minutes No. ____, dated (date)

We hereby confirm that the publication of the scientific article entitled “Title of the article” by (Full name(s) of the author(s)) in the journal **SocioHumanitas** does not violate the copyright of third parties. The author(s) transfer to the Publisher of the journal non-exclusive rights to use the scientific article for an indefinite period, including the placement of full-text versions of the journal issues on the official website.

The author(s) bear full responsibility for the use of intellectual property objects and copyrights in the article in accordance with the current legislation of the Republic of Kazakhstan. We also confirm that this article has not been previously published, has not been submitted, and will not be submitted to other scientific journals (in the event of acceptance for publication).

The author(s) express their consent to the rules for preparing manuscripts for publication approved by the editorial board of the journal and posted on its official website.

This statement is issued to the editorial office of the scientific journal SocioHumanitas for the purpose of passing the submitted article through the plagiarism check procedure.

Dean/Director

(Signature)

Head of the Department / Head of the Laboratory

(Signature)

Scientific Supervisor / Consultant (for students)

(Signature)

Author(s)

(Signature)

SAMPLE ARTICLE STRUCTURE

STIS

DOI (The article's DOI is assigned by the journal editorial office after acceptance for publication)

TITLE OF THE MANUSCRIPT IN ENGLISHM.G. Shatyrbayeva^{1,*} , M.B. Moldabayeva (there should be a hyperlink to the ORCID profile in the icon)¹University (full name), Country, City²University (full name), Country, City

*e-mail: (e-mail of the all authors)

*Abstract (150-300 words). The abstract should include the following mandatory items:**Purpose, ideas and main directions of research;**A brief description of the scientific and practical significance of the study;**Brief description of the research methodology;**Main results and analysis, conclusions of the research work;**The value of the conducted research;**Practical significance of the research.***Keywords:** 5-10 keywords.**Introduction**

The introduction should contain information about the objectives of the work, the importance of the research area, the theoretical and practical significance, the relevance of the problem, the solution of the problem or the formation of a hypothesis.

Materials and methods

This section should consist of a detailed description of materials, equipment and software (including the model, company and country), as well as a detailed description of the methods used, while only new methods should be described in detail. It is sufficient to refer to previously published and well-known methods in the list of references. If the method is not widely known, it is desirable to state its principle and specify the author. The materials used in the course of the study should be described in qualitative and quantitative terms. Statistical analysis of the data obtained during the study is mandatory, it is also necessary to specify the software used. This section provides a detailed description of the research process and the sequence of its stages. It includes a critical analysis of existing studies and presents hypotheses that are either confirmed or refuted by the author in the course of the discussion.

Results and discussions

This section reveals the results of the work and should contain an analysis and discussion of the results of the study. The results should be presented in the form of tables, figures and other illustrative materials with their discussion.

Tables

Tables must be created using the Microsoft Word table format and numbered consecutively. The table title should be left-aligned and placed above the table. Titles and tables should be separated from the main text by spaces. The font should be Times New Roman, size 12 pt.

Table 1 – Table name

Title	Result 1	Result 2	Result 3
Title 1	1	2	3

Illustrations

Illustrations must be of good quality (minimum 300 dpi) and numbered consecutively. All illustrations with their captions should be center-aligned, with captions placed directly below the illustration and separated from the main text by spaces. The font should be Times New Roman, size 12 pt.

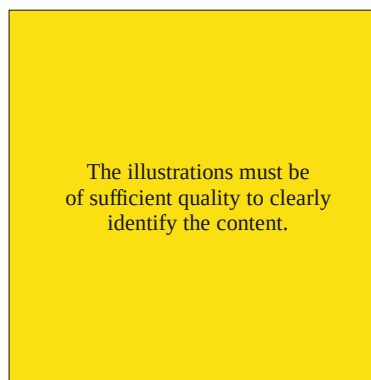

Figure 1 – The name of the figure

Equations

All equations, numerical values, and notation of quantities must be typed in Microsoft Equation 3.0 or MathType format. Drawings of formulas are not allowed. All formulas must be numbered. Formulas should be centered. The numbering of formulas should be placed to the right of the formula in parentheses. All formulas should be separated by spaces from the rest of the text.

$$f = \sum \left(a + \frac{a}{10} \right) \quad (1)$$

where: f – designation name;
 a – designation name.

Discussion

This section includes the interpretation and explanation of the data obtained during the research, as well as a comparison of the results with the findings of other scholars.

Conclusion

This section should summarize and summarize the results of the work carried out, show how the results obtained and their significance for the development of science can potentially be used.

Financing information (if available)

List the sources of funding with the support of which the work was carried out.

List of literature

The list of references, or Bibliography, must include no fewer than 15 and no more than 20 sources, including mandatory references to publications indexed in Web of Science and/or Scopus. Self-citation should be limited to no more than 1–2 sources. Automatic numbering of the reference list is not allowed.

In the text, the reference number should be indicated in square brackets. For example: Korolev's formula [1] proves that (...).

LITERATURE:

- 1 Құдайбергенова С.Қ., Әбілдина С.Қ. Жасанды интеллект және білім беру: мүмкіндіктер мен перспективалар // Білім және қоғам. – Алматы, 2020. – № 2. – Б. 45–52.
- 2 Ахметов Ж.М. Аймақтық білім беру жүйесіндегі басқару мәселелері: оқу құралы. – Талдықорған: Жетісу университеті баспасы, 2023. – 45 б.
- 3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate // Biosci. Biotechnol. Res. Asia. – 2014. – Vol. 10. – P. 119–125. URL: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>
- 4 Trust T., Horrocks B. Six key elements identified in an active and thriving blended community of practice. TechTrends. – 2019. – Vol. 63(2). – P. 108–115. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11528-018-0265-x>
- 5 Stralsjö L., Alkint C., Olsson M.E., Sjöholm I. Total folate content and retention in rosehips (*Rosa* ssp.) after drying // J. Agric. Food Chem. – 2003. – Vol. 51. – P. 4291–4295. URL: <https://pubs.acs.org/doi/abs/10.1021/jf034208q>
- 6 Larsen E., Kharazmi A., Christensen L.P., Christensen S.B. An anti-inflammatory galactolipid from rose hip (*Rosa canina*) that inhibits chemotaxis of human peripheral blood neutrophils in vitro // J. Nat. Prod. – 2003. – Vol. 66. – P. 994–995. URL: https://colab.ws/articles/10.1021%2Fnp0300636?utm_source=chatgpt.com
- 7 Roşu C.M., Manzu C., Olteanu Z., Oprica L., Oprea A., Ciornea E., Zamfirache M.M. Several fruit characteristics of *Rosa* sp. genotypes from the Northeastern region of Romania // Not. Bot. Horti Agrobot. Cluj-Napoca. – 2011. – Vol. 39. – P. 203–208. URL: <https://www.notulaebotanicae.ro/index.php/nbha/article/view/6333>
- 8 Чилдибаева А.Ж., Аметов А.А., Тыныбеков Б.М. Характеристика некоторых растительных сообществ с участием узкоэндемичного вида *Rosa iliensis* Chrshan. в поймах реки Или // Вестник КазНУ. Серия биологическая. – Алматы, 2019. – № 1(78). – С. 58–73.
- 9 Engelmann F. Use of biotechnologies for the conservation of plant biodiversity // In Vitro Cell. & Dev. Bio. – Plant. – 2011. – Vol. 47(1). – P. 5–16. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/S11627-010-9327-2>
- 10 Новикова Т.И. Использование биотехнологических подходов для сохранения биоразнообразия растений // Растительный мир Азиатской России. – 2013. – № 2(12). – С. 119–128.
- 11 Назарбаев Н. Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру // Официальный сайт Президента РК. – 2017. URL: https://www.akorda.kz/kz/events/akorda_news/press_conferences/memleket-basshysynyn-bolashakka-bagdar-ruhani-zhangyru-atty-makalasy (қаралған күні: 16.04.2025).
- 12 Мухтарова Ш.М. Национальное самосознание личности в вузе: педагогический аспект. – Монография. – Караганда, 2006. – 150 с.
- 13 Хмель Н.Д. Теория и технология реализации целостного педагогического процесса: учебное пособие в помощь преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам. – Алматы, 2002. – 90 с.
- 14 Аванесов В.С. «Теория и практика педагогических измерений». [Электронный ресурс]. URL: <https://charko.narod.ru/tekst/biblio> (дата обращения: 08.09.2025).
- 15 Пру Андерсен, Джордж Морган. Разработка тестов и анкет для национальной оценки учебных достижений: учебное пособие. – Москва: Логос. – 2011. – 204 с.

REFERENCES:

- 1 Kudaibergenova S.K., Abildina S.K. (2020). Zhasandy intellekt zhane bilim beru: mumkindikter men perspektivalar [Artificial Intelligence and Education: Opportunities and Perspectives]. Bilim zhane kogam – Education and Society, no. 2, pp. 45–52. (in Kazakh)
- 2 Akhmetov Zh.M. (2023). Aimaqtyq bilim beru zhüiesindegi basqaru мәseleleri: oqu quraly [Management issues in the regional education system: textbook]. Taldykorgan: Zhetysu University Press, 45 p. (in Kazakh)
- 3 Rahnavard A., Asadian G., Pourshamsian K., Taghavi M. (2014). Assessing genetic variation of dog rose (*Rosa canina* L.) in Caspian climate. Bioscience Biotechnology Research Asia, vol. 10, pp. 119–125. Available at: <https://biotech-asia.org/pdf/vol10no1/BBRAV10I01P119-125.pdf>
- 4 Trust T., Horrocks B. (2019). Six key elements identified in an active and thriving blended community of practice. TechTrends, vol. 63(2), pp. 108–115. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11528-018-0265-x>
- 5 Stralsjö L., Alkint C., Olsson M.E., Sjöholm I. (2003). Total folate content and retention in rosehips (*Rosa* ssp.) after drying. Journal of Agricultural and Food Chemistry, vol. 51, pp. 4291–4295. Available at: <https://pubs.acs.org/doi/abs/10.1021/jf034208q>
- 6 Larsen E., Kharazmi A., Christensen L.P., Christensen S.B. (2003). An anti-inflammatory galactolipid from rose hip (*Rosa canina*) that inhibits chemotaxis of human peripheral blood neutrophils in vitro. Journal of Natural Products, vol. 66, pp. 994–995. Available at: https://colab.ws/articles/10.1021%2Fnp0300636?utm_source=chatgpt.com
- 7 Rosu C.M., Manzu C., Olteanu Z., Oprica L., Oprea A., Ciornea E., Zamfirache M.M. (2011). Several fruit characteristics of *Rosa* sp. genotypes from the Northeastern region of Romania. Notulae Botanicae Horti Agrobotanici Cluj-Napoca, vol. 39, pp. 203–208. Available at: <https://www.notulaebotanicae.ro/index.php/nbha/article/view/6333>

8 Childibayeva A.Zh., Ametov A.A., Tynybekov B.M. (2019). Harakteristika nekotorykh rastitelnykh soobshchestv s uchastiem uzkoendemichnogo vida *Rosa iliensis* Chrshan. v poimakh reki Ili [Characteristics of some plant communities involving the narrow-endemic species *Rosa iliensis* Chrshan. in the floodplains of the Ili River]. Vestnik KazNU. Biological Series, no. 1(78), pp. 58–73. (in Russian)

9 Engelmann F. (2011). Use of biotechnologies for the conservation of plant biodiversity. In *Vitro Cellular and Developmental Biology – Plant*, vol. 47(1), pp. 5–16. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/S11627-010-9327-2>

10 Novikova T.I. (2013). Ispolzovanie biotekhnologicheskikh podkhodov dlya sokhraneniya bioraznoobraziya rasteniy [Use of biotechnological approaches for the conservation of plant biodiversity]. Rastitelnyy mir Aziatskoy Rossii, vol. 2(12), pp. 119–128. (in Russian)

11 Nazarbaev N. (2017). Bolashaqqa bagdar: Rukhani zhangyru [A Look into the Future: Spiritual Modernization]. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. (accessed: 16 April 2025). Available at: https://www.akorda.kz/kz/events/akorda_news/press_conferences/memleket-basshysynyn-bolashakka-bagdar-ruhani-zhangyru-atty-makalasy (in Kazakh)

12 Mukhtarova Sh.M. (2006). Natsionalnoe samosoznanie lichnosti v vuze: pedagogicheskiy aspekt: monografiya [National self-consciousness of personality in higher education: pedagogical aspect: monograph]. Karaganda, 150 p. (in Russian)

13 Khmel N.D. (2002). Teoriya i tekhnologiya realizatsii tselostnogo pedagogicheskogo protsessa: uchebnoe posobie [Theory and technology of implementing the holistic pedagogical process: study guide]. Almaty, 90 p. (in Russian)

14 Avanesov V.S. (2025). Teoriya i praktika pedagogicheskikh izmereniy [Theory and Practice of Pedagogical Measurements]. (accessed: 8 september 2025). Available at: <https://charko.narod.ru/tekst/biblio> (in Russian)

15 Pru Andersen J., Morgan G. (2011). Razrabotka testov i anket dlya natsionalnoy otsenki uchebnykh dostizheniy: uchebnoe posobie [Development of tests and questionnaires for national assessment of educational achievements: textbook]. Moscow: Logos, 204 p. (in Russian)

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ҚОЛЖАЗБА АТАУЫ

Шатырбаева М.Г.^{1,}, Молдабаева М.Б.²*

¹ *Университет (толық атауы), Елі, Қала*

² *Университет (толық атауы), Елі, Қала*

**e-mail: (барлық авторлардың эл.почтасы)*

Аннотация (150-300). Аннотация келесі міндетті тармақтарды қамтуы керек:

Зерттеудің мақсаты, идеялары және негізгі бағыттары;

Зерттеудің ғылыми және практикалық маңыздылығының қысқаша сипаттамасы;

Зерттеу әдістемесінің қысқаша сипаттамасы;

Зерттеу жұмысының негізгі нәтижелері мен талдаулары, қорытындылары;

Жүргізілген зерттеудің мәні;

Зерттеудің практикалық маңызы.

Кілт сөздер: 5-10 кілт сөз.

НАЗВАНИЕ РУКОПИСИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шатырбаева М.Г.^{1,}, Молдабаева М.Б.²*

¹ *Университет (полное название), Страна, Город*

² *Университет (полное название), Страна, Город*

**e-mail: (эл.почта всех авторов)*

Аннотация (150-300). Аннотация должна включать следующие обязательные пункты:

Цель, идеи и основные направления исследования;

Краткое описание научной и практической значимости исследования;

Краткое описание методологии исследования;

Основные результаты и анализ, выводы исследовательской работы;

Ценность проведенного исследования;

Практическое значение исследования.

Ключевые слова: 5-10 ключевых слов